

• **Военно-историческая работа**

Синодик Успенского собора Московского Кремля

Книга содержит имена воинов, погибших в битвах на р. Воже в 1378 г. и на Куликовом поле в 1380 г., XIV — начало XV в.

Богоматерь Донская

Икона. Возникновение иконографического образа связывают с победой Д. Донского на Куликовом поле, середина XVII в.

Битва на р. Воже. 1378 г.

Миниатюра Лицевого летописного свода, 70-е годы XVI в.

**СИМВОЛ
ВЕЛИКОГО БЕСКОРЫСТИЯ,
ВДОХНОВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ
РОДИНЕ**

Миниатюры из «Сказания о Мамаевом побоище»

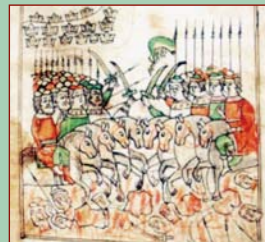
Лицевой список середины XVII в.

Историко-патриотическая выставка в Государственном историческом музее

После битвы на Куликовом поле

Эскиз В.А. СЕРОВА, 1895—1898 гг.

Битва русских войск с татарами

Засадный полк

Бегство Мамаю с поля брани

ИСТОРИЯ Отечества знает немало примеров, когда в тяжелейших, кровопролитных битвах русское воинство одерживало победу над более многочисленным, лучше вооруженным противником благодаря силе духа, внутренней убежденности и вере. Так произошло и во время одного из самых крупных сражений в истории не только средневековой Руси, но и всей Европы: 8(21) сентября 1380 года на Куликовом поле сошлись в кровавой битве обессилевшая за почти полтора столетия ига Русь и Золотая Орда.

Куликово поле предстало местом, где должна была решиться судьба Русской земли, а само сражение стало поворотным событием в борьбе русского народа против захватчиков — оно оказало решающее влияние на создание единого Российского государства, на утверждение национального самосознания.

Иллюстрации из буклета: Засыпкин А.А., Савченкова Л.А., Сарачева Т.Г. Князь и игумен. Куликовская битва, Дмитрий Донской и преподобный Сергей Радонежский. М., 2006.

Памятная медаль «В память 500-летия Куликовской битвы», 1880 г.

События 1380 года неразрывно связаны с деяниями великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского (1359—1389) и великого старца, святого преподобного Сергея Радонежского (1314 или 1319—1392). Именно им выпала историческая роль возглавить объединение русских княжеств вокруг Москвы. В память об этих выдающихся личностях и героическом событии в истории нашего Отечества Государственный исторический музей провел историко-патриотическую выставку под названием «Князь и игумен. Куликовская битва, Дмитрий Донской и преподобный Сергей Радонежский».

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 8

1-80

2006

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу во втором полугодии 2006 года — 28 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 157-84-50

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и интернет — приложений «Военно — исторического журнала» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобрести отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

Ежемесячное издание Министерства обороны Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

август
№ 8
2006 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Нравственный облик русского офицера второй половины XIX века

Освещение периодической печатью России жизни армии и флота в конце XIX — начале XX века

Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917 — 1945 гг.

Деятельность военной разведки Японии в Советском Союзе в 1930-е годы

Героическая оборона балтийскими военными моряками Свеаборгской крепости

«Армия платила большие деньги за свое разложение»

ISSN-0321-0626

Боевая тревога

Фрагмент картины художника Е.А. КОРНЕЕВА, 1984 г.

Военно-исторический журнал 2006 № 8 август

12 августа – День Военно-воздушных сил (отмечается с 1997 г.)

«ОТ ТАКОГО

Школы-интернаты с первоначальной летной подготовкой

Военрук Московской спецшколы ВВС майор М.С. Черешко объясняет устройство авиакомпаса учащимся Л.А. Юмашеву, К.В. Грибовскому и В.В. Климовских

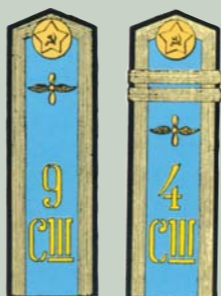
Фото Я. ВОЛОДИНА, 1941 г.

Учащиеся Московской спецшколы ВВС Д.И. Бочаров (слева) и В.Г. Хибриков

Москва, 1941 г.

Погоны учащихся военно-воздушных спецшкол, введенные приказом НКО СССР от 26 октября 1943 года

Реконструкция

Летняя и зимняя форма одежды для учащихся спецшкол ВВС образца 1943 года

Начальник авиационной подготовки Московской спецшколы ВВС гвардии майор в отставке А.П. Маресьев проводит занятия с учащимися

Москва, 1949 г.

ботанные для спецшкол ВВС, не предусматривали летной подготовки: «школы готовили рядового бойца ВВС Красной армии, но от такого бойца один шаг до командира». Этот факт подчеркивает назначение спецшкол как управляемого резерва для комплектования ВВС. С их организацией и особенностями функционирования «Военно-исторический журнал» познакомил читателей в статье полковника в отставке Е.П. Толмачева «Организовать... авиационные школы... по типу артиллерийских» (см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 1. С. 61-63).

Всем учащимся спецшкол ВВС полагалась форменная одежда: окантованная пилотка с красноармейской звездой (летом), шапка-ушанка (зимой), гимнастерка и брюки навыпуск, синяя однобортная шинель, а также парадная одежда. Обмундирование выдавалось за плату, для нуждающихся оплачивалось из средств городских отделов народного образования.

В 1943 году в связи с введением в Красной армии погон были подготовлены соответствующие новые знаки различия и для спецшкол. Одновременно была уни-

Группа учащихся (взвод) Липецкой спецшколы ВВС со своим преподавателем

1955 г.

Учащиеся Свердловской спецшколы ВВС 1940 г.

Летняя и зимняя форма одежды учащихся спецшкол ВВС образца 1941 года

Реконструкция на основе рисунков художника В.Н. КУЛИКОВА

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВВС Красной армии и соответствующая реформа системы подготовки летно-технических кадров, предпринятые в 1940 году, вызвали появление на свет необычных военнизированных образовательных учреждений с авиационной форменной одеждой для учащихся – специальные военно-воздушные средние школы*. Они были созданы для подготовки юношей школьного возраста к поступлению в военно-учебные заведения ВВС, но не принадлежали к военному ведомству, а находились в системе народного образования. Немаловажное значение имел тот факт, что планы и программы обучения, разра-

* Далее по тексту – спецшколы ВВС. В наши дни – специальные школы-интернаты с первоначальной летной подготовкой.

Ордена Российской Империи: орден Святого апостола Андрея Первозванного

ИМПЕРАТОР Павел I в день своего коронации (15 апреля 1797 г.) подписал особое установление, являющееся первым официально утвержденным статутом ордена Св. Андрея Первозванного. Ежегодно 30 ноября при дворе устраивался грандиозный праздник ордена с торжественным богослужением и обедом, во время которого употреблялась специальная посуда с изображением знаков ордена. Кавалеры съезжались в собор Андрея Первозванного, стоящий на Васильевском острове в Петербурге. Все они обряжались в длинную зеленую бархатную епанчу (плащ), подложенную белой тафтой и украшенную серебряными шнурами и кистями. На левой стороне епанчи вышивалась серебром звезда ордена размером «более обыкновенной». Под епанчей полагалось иметь поверх светло-синего кафтана супервест (безрукавку) с золотым галуном, бахромою и с нашитым на груди крестом. Особенно пышно выглядели черные шляпы кавалеров из бархата с бело-красным плюмажем и голубым Андреевским крестом.

Начиная с Павловского времени кавалерам запрещалось самовольно украшать свои знаки драгоценными камнями, и крест со звездой, осыпанные бриллиантами (алмазами), стали как бы особой, высшей ступенью ордена, жалуемой исключительно по личному усмотрению императора. Недаром в уставе было сказано: «...наследники обязаны при объявлении смерти кавалерской обратно отослать орденский знак к казначею Ордена».

При Павле I было узаконено награждение всех без исключения младенцев императорской семьи мужского пола – великих князей орденом Андрея при крещении, а князей императорской крови – по достижении ими совершеннолетия. При этом каждый награждаемый орденом Андрея Первозванного становился сразу кавалером орденов Александра Невского, Анны 1-й степени, с 1831 года – также Белого орла, а с 1865 года – и Станислава 1-й степени.

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 2, 4, 6.

Иллюстрации из кн.: Дуров В.А. Русские награды XVIII — начала XX в. М.: Просвещение, 1997; Польза. Честь. Слава. Награды России. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004.

Звезда бриллиантовая ордена Св. Андрея Первозванного. В 1818 году она была пожалована при крещении сыну великого князя Николая Павловича – великому князю Александру Николаевичу, будущему императору Александру II

Мастер – собственный ювелир императора Павла I Жакоб-Давид ДЮВАЛЬЕ, начало XIX в.

Цепь с крестом бриллиантовая ордена Св. Андрея Первозванного. Выполнена к коронаванию императора Александра II для его супруги императрицы Марии Александровны

Мастер Леопольд ЗЕФТИГЕН, Санкт-Петербург, 1856 г.

Предметы из орденового сервиза для кавалеров ордена Св. Андрея Первозванного

• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

ВКНИГЕ* военного историка Алана Мурхеда рассказывается об одной из самых значительных операций Первой мировой войны, закончившейся сражением под турецким городом Гелиболу (Галлиполи).

В борьбе за Дарданел-

РЕДКАЯ КНИГА – ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

лы, Босфор и Константинополь столкнулись интересы нескольких великих держав, которым оказала сопротивление экономически отсталая, истощенная в Балканских войнах Турция – союзник Германии. Из-за противоречий внутри Антанты, плохой подготовки и отсутствия

единого командования Дарданелльская операция не достигла цели. Войска Англии и Франции понесли огромные потери. Автор анализирует причины поражения и делает обобщающие выводы о его последствиях.

Эту книгу получит в подарок победитель конкурса (условия см. на с. 77).

«ПРИ... СМЕРТИ КАВАЛЕРСКОЙ ОБРАТНО ОТОСЛАТЬ ОРДЕНСКИЙ ЗНАК К КАЗНАЧЕЮ ОРДЕНА»

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

август
№ 8 (556)
2006 год

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ
М.В. ШАДСКАЯ – Нравственный облик русского офицера второй половины XIX века	3	MILITARY TRAINING AND EDUCATION
M.V. SHADSKAYA – Moral make-up of the Russian officer in the second half of the XIX century
АРМИЯ И КУЛЬТУРА
Е.Г. ВАПИЛИН – Освещение периодической печатью России жизни армии и флота в конце XIX – начале XX века	12	ARMY AND CULTURE
E.G. VAPILIN – Dealing with life of the Army and Navy by the periodical press at the end of XIX – at the beginning of XX century
АРМИЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИИ
В.Р. КРАВЧУК – О введении в России альтернативной службы для отказников по религиозным мотивам	16	ARMY. SOCIETY. RELIGIONS
V.R. KRAVCHUK – About introduction in Russia of alternative service for people who decline military service on the grounds of religious motives
ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ
С.В. БАЙДАРОВ – Проблемы комплектования армии в России в конце XIX – начале XX века	20	MILITARY REFORM: YESTERDAY AND TODAY
BAIDAROV – The army recruitment problems in Russia at the end of XIX – at the beginning of XX century
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
А.В. ГАНИН. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917–1945 гг.	25	THE CIVIL WAR
A.V. GANIN – The Orenburg Cossack forces in the Civil War and in the emigration. 1917–1945
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.
М.И. ЛОТАРЕВА – Деятельность местных советов депутатов трудящихся по совершенствованию подготовки кадров и резервов для Красной армии в 1941–1945 гг.	31	THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945
M.I. LOTAREVA – Activities of the local Soviets of Working Deputies concerning improvement of training of the personnel and reserves for the Red Army in 1941–1945
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
Авиация КБФ: июнь 1941 – июль 1942 года
(Публикация И.Б. ИВАНОВА)	36	DOCUMENTS AND MATERIALS
Aviation of the Baltic Fleet: June 1941 – July 1942
(Publication of I.B. IVANOV)
НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ
В.В. КАПИСТКА – Деятельность военной разведки Японии в Советском Союзе в 1930-е годы	44	UNKNOWN FROM THE SPECIAL SERVICES LIFE
V.V. KAPISTKA – Activities of the military intelligence service of Japan in the Soviet Union in the 1930-es
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В.В. МИХАЙЛОВ – Разгром турецкой армии и овладение первоклассной крепостью	49	WORLD WAR I
V.V. MIKHAILOV – Defeat of the Turkish Army and capture of the first class fortress
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА
А.Ф. БОНДАРЕНКО – Вестовые колокола для городов-крепостей Российского государства на московском Пушечном дворе в XVII веке	54	MILITARY ANNALS OF THE FATHERLAND
A.F. BONDARENKO – Signal bells made at the Moscow cannon yard in XVII century for town-fortresses of the Russian State
В.Г. КИКНАДЗЕ – Героическая оборона балтийскими военными моряками Свеаборгской крепости	56	V.G. KIKNADZE – Heroic defense of the fortress of Sveaborg by the Baltic seamen
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ
В.В. САВИНКОВ – «Армия платила большие деньги за свое разложение»
(Публикация В.А. АВДЕЕВА)	61	FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS
V.V. SAVINKOV – “Army paid much money for its own demoralization”
(Publication of V.A. AVDEEV)
МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ★ ★ THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE		
ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ
М.Л. ПОЛОВИНКИНА – Военная и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова	67	THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES
M.L. POLOVINKINA – Count S.R. Vorontzov's military and diplomatic activities
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ
С.В. ЕВДОКИМОВ – Воспоминания контр-адмирала
(Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО)	71	FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS
S.V. EVDOKIMOV – Memoirs of the rear-admiral
(Publication of V.A. GOYRKOVSKIY)
К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»
А.С. ЖДАНОВСКИЙ – Чайнворд «Страницы военной истории (Древний мир- XIX век)»	76	TO THE READERS OF “THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE”
A.S. ZHDANOVSKIY – Chain-word “Pages of military history (Ancient world – XIX century)”
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
В.Б. КОНАСОВ, А.Л. КУЗЬМИНЫХ – Судьба советских военнопленных в нацистской Германии	78	CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY
V.B. KONASOV, A.L. KUZMINYKH – Destiny of Soviet prisoners of war in Nazi Germany
В.В. ИЗОНОВ – Опыт исторического исследования высшей военной школы	79	V.V. IZONOV – Experience of historic exploration of the higher military school
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РАБОТА – 10;
ХРОНОГРАФ – 22, 32;
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ – 75;
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА – 80		THE MILITARY HISTORICAL WORK – 10;
CHRONOGRAPH – 22, 32;
SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION – 11;
INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE – 80

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

8 (556) 2006 August

The Journal of Military History

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

● БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

О возникновении
русско-молдавского
военно-политического
союза в конце XV века

● ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО Саперные армии Великой Отечественной войны

● МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ Аренда полуострова Ханко. 1940—1941 гг.

● АРМИЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИИ Мусульмане в Вооруженных силах России. XIX — начало XX века

● ЛЕТОПИСЬ ПОЛКОВ РОССИЙСКИХ Из истории лейб-гвардии Уланского ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. 1900—1918 гг.

● ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ Российский флот в Балканском кризисе. 1897—1898 гг.

● ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА Контртеррористическая операция на Северном Кавказе: опыт информационного обеспечения

● АРМИЯ И КУЛЬТУРА Русские офицеры — создатели музыкальных шедевров XX века

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛБЪЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Ю.А. ГЛУШКОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
В.Г. КИКНАДЗЕ, капитан 3 ранга, кандидат военных наук;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
А.Н. ЧАБАНОВА

секретариат:
Ю.В. СНЕГОВА
(заместитель ответственного секретаря);
К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:
О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса;
А.С. ФИЛИПОВА

художественные редакторы:
Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:
М.П. МОИСЕЕВА

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красноярск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооруженных сил, полковник запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — директор Историко-документального департамента МИД РФ (Москва)

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК РУССКОГО ОФИЦЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ПРОФЕССИЯ офицера — это особый вид человеческой деятельности, связанный с необходимостью вооруженной защиты своей страны. В мнении людей офицер всегда представляется защитником и олицетворяет собой мужество, порядочность и честь, благородство, аккуратность и выправку. Однако некоторые офицеры своим грубым поведением и низкой культурой размывают этот образ, дают повод с неприязнью думать обо всем офицерском корпусе.

Исторически офицерской личности было свойственно особое отношение к нравственности, добру и злу, чести и бесчестию, справедливости и несправедливости. Замечательный историк Н.М. Карамзин писал: «Нравственное совершенство есть дело личных усилий и личной совести отдельного человека, независимо от тех непонятных и трагических путей, которыми Провидение ведет народы, и, следовательно, совершаемое вне хода государственного развития»¹.

НА ПРОТЯЖЕНИИ нескольких веков офицерский корпус в России был почти исключительно кастовым, сословным. Но уже в начале XIX века доступ в него стал открыт лицам недворянского происхождения, а также нижним чинам, имевшим определенный образовательный ценз². Причем это несколько не поколебало обособленного положения офицерского корпуса как особой категории лиц внутри армии и особого сословия внутри государства. Офицеры не только должны были иметь безупречное прошлое, но и обладать поручительством за свое твердое и хорошее нравственное развитие. Перед приемом на службу этот вопрос основательно обсуждался, даже требовались справки «у судебной власти на родине»³. Служба являлась добровольной и по призыванию (в отличие от «срочной» обязанности нижних чинов).

К 15 мая 1895 года на основе полученных из военных округов данных была составлена сводная таблица «О сословном происхождении офицеров частей войска». Из нее вытекает, что потомственных дворян всех категорий в офицерском корпусе было 15 938 человек, или 50,8 проц. общего количества офицеров армии. Потомственных дворян в гвардейской кавалерии было 96,3 проц., в пехоте — 39,6 проц.⁴. Таким образом, к концу XIX века, русское офицерство как особая, специфическая социальная и профессиональная группа было достаточно однородным. Однако во время войн, при больших потерях офицерского состава оно пополнялось выходцами и из других социальных групп. Их доля в офицерском корпусе постоянно росла.

Принадлежность к дворянству не делала корпус офицеров замкнуто сословным. Офице-

ром-дворянином становился каждый, кто оканчивал военное училище, а в них принимались молодые люди всех сословий. Приблизительно 50—60 проц. юнкеров кавалерийских и артиллерийских училищ были выходцами из духовенства, купечества, крестьянства, мещанства и интеллигенции. В офицерскую среду ежегодно вливалось более полутора тысяч не офицерских детей. Различия происхождения не ощущалось: все были офицерами на службе его величества, и только разница чинов устанавливала градацию прав и обязанностей.

Офицеру предписывалось жить по преимуществу в специфическом обществе, в котором он не должен был терять свойств и качеств, привитых ему в кадетском корпусе, военном училище, полку. Как в педагогическом, так и в духовном, интеллектуальном, нравственном отношении жизнь офицеров резко отличалась от жизни общества, состоявшего из людей самого различного воспитания, образования, моральных и политических воззрений.

В МНЕНИИ людей офицер всегда представляется защитником и олицетворяет собой мужество, порядочность и честь, благородство, аккуратность и выправку

Моральные устои офицеров были выработаны и сформированы многолетним опытом служебной деятельности и практикой нравственного общения. Доминирующими нравственными чертами являлись забота о поддержании военной компетенции и воинского мастерства, высокое понятие об офицерском долге и служебной чести, гуманность, порядочность, справедливость в организации службы и взаимное уважение в коллективе.

ОСОБОЕ место в этике служебного и бытового общения занимали вопросы чести и достоинства. В конце XIX века автор известных «Заметок о развитии военных познаний и общих военных принципов в среде офицеров нашей армии» Э.Ф. Свидзинский писал, что «чувство чести требует, чтобы офицер во всех случаях умел поддержать достоинство своего звания... Он должен воздерживаться от всяких увлечений и вообще от всех действий, могущих набросить хоть малейшую тень даже на него лично, а тем более на корпус офицеров... Слово офицера всегда должно быть залогом правды, и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства — пороки, подрываю-

щие веру в правдивость офицера, вообще бесчестят его звание и не могут быть терпимы»⁵.

По тому, как офицер относился к службе, насколько он этичен, требователен к себе, честен в отношениях с вышестоящими и нижними чинами, подчиненные и окружавшие его гражданские лица судили не только о достоинствах его личности, но и об авторитетности моральных ценностей всего офицерского корпуса. «Честь — святыня офицера, она — высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте. Честь — его награда в счастье и утешение в горе. Честь закаляет мужество и облагораживает храбрость. Честь не терпит и не выносит никакого пятна»⁶.

ОФИЦЕР не имел права гнаться за богатством, не имел права располагать собою, потому что его «для пользы службы» переводили из одного конца России в другой

Как такового кодекса офицерской чести официально не существовало, но уже с ранних лет в кадетских корпусах и военных училищах будущие офицеры воспитывались в духе следования чести, преданности вере, царю, в любви к Отечеству. Самым тяжелым наказанием за бесчестный поступок в кадетском корпусе являлось лишение погон, обставлявшееся весьма торжественно-драматически: перед строем роты ротный командир срывал с виновного погоны под барабанную дробь. После этого кадет шествовал за ротой в нескольких шагах от левого фланга. Это имело огромное воспитательное значение.

Особое отношение было у офицеров к данному под залог своей чести слову — оно было свято. Офицер, давший честное слово, непременно должен был его сдержать. Никто не смел обмануть другого и тем более своего начальника. Считалось неэтичным утаивать непорядочные поступки от своих товарищей. Лжеца немедленно судил офицерский суд чести, его лишали мундира и изгоняли из полка.

ГЛУБОКО осознавая свой долг, офицеры с уважением относились к правилам офицерской этики. Например, в Своде правил воинского чинопочитания и отдания чести в § 56 указывается: «Строевые штаб- и оберофицеры не имеют права, без предварительного о том доклада своему командиру полка или отдельной части, обращаться с какими бы то ни было просьбами к особам императорской фамилии или высшим своим начальникам, начиная с бригадного командира». Примечателен один из параграфов, который гласит: «...Не застав дома начальников и старших, должен расписаться в имеющей на то книге, и на особом листе объяснить причину, по которой явился»⁷.

Для офицеров было важно поддержание репутации. Зачастую это порождало барство, высокомерие, заносчивость и показушную бравату. Самым тяжелым ущемлением чести офицера считалось оскорбление, под которым пони-

мались всякий поступок, жест, слово, намек, выказывающий намеренное презрение, неуважение или пренебрежение одного лица к другому. Различались три степени оскорблений. К легким относились слово, намек или жест. Средним оскорблением считалось грубое ругательство или издевательство. Тяжкими оскорблениями были пощечина и вообще удар, надругательство над честью жены или сестры. Если офицер никак не отвечал на оскорбление, это признавалось за бесчестие.

Формами реакции на оскорбление чаще всего были требование извинений от обидчика, ответ на оскорбление оскорблением, обращение к защите закона или в суд офицерской чести. В крайних случаях — самоубийство или убийство обидчика. Существовал и еще один довольно распространенный вид реагирования на оскорбление — дуэль. Дуэль появилась в конце XIV века среди западноевропейского феодального дворянства. В российскую военную среду дуэли проникли при Петре I, который понимал, что без чести армия на героизм и исполнение своей функции неспособна, хотя и подвергал дуэлянтов жесточайшим наказаниям. Дуэль воспринималась не как месть или средство избавиться от соперника, а как готовность пожертвовать жизнью во имя собственного к себе уважения. Считалось, что не чужая кровь смывает с чести пятно, а своя собственная, или, по крайней мере, стремление ее пролить.

Долгое время дуэли были официально запрещены, существовали довольно строгие меры наказания за участие в поединках. Однако это не могло искоренить их в офицерской среде. Более того, начали получать распространение жесткие виды дуэли, больше похожие на самоубийства, например так называемая американская дуэль, в которой цена жизни или смерти определялась жребием, а также ее разновидности: глотание пилюль, одна из которых отравлена; использование ядовитой змеи, которую впускали в темную комнату, где находились оба противника; поединок у обрыва и т.д. Поэтому в мае 1894 года были приняты «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», которыми фактически узаконивались дуэли среди офицеров, а решение об их уместности или неуместности передавалось в компетенцию судов общества офицеров (судов чести), хотя эти решения не имели обязательной силы⁸.

ОТКАЗ офицера вызвать или принять дуэль считался проступком, изблещившим в нем отсутствие благородства: только трус и человек бесчестный мог отказаться от поединка. Уклонение от поединка влекло за собой немедленное удаление из части. Однако запрещалось вызывать на поединок офицеров по ссорам или конфликтам, касающимся службы. Существовали и определенные правила дуэли, основанные на французских обычаях. Вызов посылался устно или письменно через картельщиков или секундантах в течение 24 ч со времени оскорбления, такой же срок полагался и на ответ. Обычно поединок происходил при двух секундантах с каждой стороны. Они вели переговоры между собой, выясняя характер оскорбления и принимая меры к примирению

сторон, а также составляли протокол, где оговаривались эти вопросы и условия поединка.

Дуэль проводилась на смертоносном «благородном» оружии, каковым являлось: из огнестрельного — пистолет (предпочтение отдавалось гладкоствольному из-за малой точности), а из холодного — сабли, шпаги, палаши, шашки. Обычно производился только один обмен выстрелами, и даже при самых тяжких оскорблениях не допускалось более трех обменов. По обычаям правильной дуэлью на пистолетах считалась дуэль на расстоянии 15—40 шагов. На место поединка противники должны были прибывать вовремя: промедление допускалось не более 15—25 мин сверх назначенного срока. Встреча должна была быть вежливой и безмолвной.

За нарушение правил дуэли предусматривалось наказание. В случае, если поединок был честным и правильным, но в ходе него была нанесена тяжелая рана или наступила смерть, оставшийся в живых мог быть заключен в крепость на срок от 4 до 6,5 месяца без лишения дворянских прав. Секунданты же, не принявшие мер по недопущению дуэли, могли получить до 8 месяцев, а если подстрекали к поединку, то до 4 лет содержания в крепости. Если же поединок проходил не по правилам, то участники осуждались на каторжные работы.

ИСТОРИЯ возникновения в русской армии суда чести восходит к петровским временам. Создавая регулярную армию, Петр I понимал, что она только тогда будет на высоте своего призвания, когда ее руководители проникнутся чувством чести и осознанием высокого значения воина. Указом Петра I от 21 июля 1721 года обществу офицеров каждого полка было предоставлено право выражать свое мнение о поведении своих товарищей.

Учреждение военных судов чести в России относится к 1863 году⁹. Именно тогда вышло положение об охране воинской дисциплины и дисциплинарных взысканиях. Подобные суды утверждались лишь при отдельных воинских частях, а не при высших войсковых соединениях. Их компетенции были подвластны только обер-офицеры (ротмистр, есаул, старший лейтенант). Что же касается штаб-офицера (высший ранг), то считалось недопустимым, чтобы младшие критиковали старших. Самим офице-

рам представлялось право исключать из своей среды тех лиц, которые признавались ими как недостойные принадлежать к офицерскому сословию. Суды строились на выборных началах и действовали обособленно от общей военно-судебной организации.

Суду чести подлежали не только штаб-офицеры, но и отставные офицеры, служившие раньше в полку и имевшие право носить мундир. Суд чести мог оправдать подсудимого или признать его виновным, сделать ему предостережение или постановить об увольнении его со службы, или даже поставить вопрос об исключении его из числа офицеров¹⁰.

В ПОЛОЖЕНИИ «О суде общества офицеров» указывалось, что данному суду подвергались те офицеры, которые были замечены в «неодобрительном поведении или проступках, хоть и не подлежащих действию уголовных законов, но несовместимых с понятиями о воинской чести или доблести офицерского звания...»¹¹. Нередко к тем, кто уронил личное достоинство или совершил неблагоприятный проступок, применялась такая мера общественного воздействия, как бойкот со стороны офицеров полка.

Суды чести также разбирали случавшиеся между офицерами ссоры и дела о поединках, а именно: разрешение вопроса о степени оскорбления и неуместности или необходимости поединка. Проступками, подлежавшими рассмотрению в судах чести, могли быть: кулачная расправа, составление анонимных писем, подхалимство офицера с целью заслужить расположение командира, поднесение женами подарков женам начальников, отказ под вымышленным предлогом уплатить долг, неприличное поведение во время разбирательства, отказ присоединиться к мнению, разделявшемуся всеми офицерами части, и другие. Не подлежали рассмотрению недоразумения между супругами, за исключением крайних обстоятельств, когда проступки были несовместимы с достоинством офицера.

Интересно проходили выборы членов суда чести. В приказе объявлялось о месте, дне и часе выборов. В них участвовали все состоявшие налицо штаб- и обер-офицеры части, прослужившие ко дню выборов в офицерских чинах не менее трех лет, а в части — не менее года.

Каждый выборщик писал на листке фамилии предлагавшихся им в члены суда офицеров. Листки без подписей собирались старшим из присутствовавших, который и подсчитывал, кто сколько набрал голосов. Семейно, получившие наибольшее число голосов, считались избранными, из них двое, младшие по чину, назначались кандидатами.

**Офицеры лейб-гвардии
Финляндского полка с дамами
после бала в офицерском
собрании
29 марта 1911 г.**

Избрание в члены суда чести производилось ежегодно, но заседал он довольно редко, так как совершение офицерами проступков было нечастым явлением. Суд чести заседал исключительно при закрытых дверях, причем разглашение происшедшего строго запрещалось.

Преданию суду чести непременно предшествовало дознание о предосудительности поступка офицера, которое назначал командир, в чьем ведении находился суд, или сам суд чести. При этом назначался член суда, который и проводил данное дознание. После этого дело докладывалось командиру, который решал, следует ли предавать офицера суду. Право предавать суду предоставлялось и старшим начальникам, однако последние не могли отменить решение младших начальников о предании того или иного офицера суду.

Приговор суда чести, а равно и все другие постановления суда, принимались большинством голосов закрытым голосованием. На приговор суда чести по существу дела жалоб не допускалось, но приговоренному разрешалось в течение трех суток со времени объявления приговора направлять жалобу на нарушение правил ведения суда.

ХАРАКТЕР службы русского офицерства обязывал к высокой дисциплинированности. Однако долгое время в русской армии не было точно сформулировано понятие дисциплины. Только 6 июля 1863 года было утверждено «Положение об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных», которое по существу явилось первым дисциплинарным уставом русской армии. 7 июля 1869 года был утвержден новый проект этого документа, который решено было именовать «Уставом дисциплинарным»¹². Он требовал «строго соблюдать чинопочитание, точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять проступков и упущений подчиненных без взысканий» (ст. 1).

Устав обязывал начальника в отношении к подчиненному «быть справедливым, отечески печься о благосостоянии вверенной ему команды, входить в нужды своих подчиненных, быть в потребных случаях их советчиком и руководителем, избегать всякой неуместной строгости, не оправдываемой требованиями службы, а также развивать и поддерживать в каждом офицере и солдате сознание о высоком значении воина, призванного к защите престола и Отечества от врагов внешних и внутренних» (ст. 4)¹³.

Нравственной чертой русских офицеров было и соблюдение личной примерности при выполнении служебных обязанностей. Одним из важнейших требований, предъявлявшихся к офицерам, было «соблюдать в строгости воинскую дисциплину и самому служить в том примером для подчиненных»¹⁴. Личная недисциплинированность офицера, халатность в исполнении служебных обязанностей предусматривали различные меры ответственности, при определении которых необходимо было учесть свойство проступка, обстоятельства, которыми он сопровождался, и прежнее поведение виновного, а в делах, касавшихся неисполнения

службы, время нахождения при ней и степень знания порядка службы¹⁵.

На офицеров налагались разнообразные дисциплинарные взыскания: замечания и выговоры, объявлявшиеся словесно и в предписании; замечания и выговоры, объявлявшиеся на собраниях офицеров; замечания и выговоры, объявлявшиеся в приказе; арест домашний и на гауптвахте на срок от одного месяца; недопущение офицеров к производству на вакансии или за выслугу лет впредь до одобрительного заведательства начальства; устранение от должности и командования частью¹⁶.

СЛУЖЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ облик русского офицера в целом был достоин уважения. Он не имел права гнаться за богатством, не имел права располагать собою, потому что его «для пользы службы» переводили из одного конца России в другой. Офицер не имел права на беззаботный отдых после повседневного труда: в любой день — в будни или праздники, в любой час дня и ночи его могли вызвать для несения наряда, для спешной командировки, для выступления с воинской частью в целях прекращения беспорядков, спасения пострадавших от стихийного бедствия и т.п. Но офицер, идущий в атаку, скажем, на батарею, стрелявшую картечью, воспринимался совершенно естественно, что проистекало от выполнения им офицерского долга.

Одной из отличительных черт русского офицерства было почитание и уважение старших начальников. Чинопочитание обязывало всех офицеров взаимно соблюдать внешние формы субординации и вежливости, установленные в армии. Заповедь офицера гласила: что недостойно младшему начальнику, то же возбраняется и старшему¹⁷. Офицеры всегда предосудительно относились к тем начальникам, которые позволяли себе оскорблять младших, особенно перед строем или в обществе. Считалось, что только те офицеры служат и терпят такое обращение, которые незнакомы с чувством чести. И в то же время бестактное поведение начальника рассматривалось как подрыв офицерского авторитета.

НРАВСТВЕННОЙ чертой русских офицеров было и соблюдение личной примерности при выполнении служебных обязанностей

В соответствии с приказами Военного министерства от 1 апреля и 27 декабря 1855 года все офицеры при встрече должны были прикладывать руку к козырьку. В первом приказе предписывалось: «Штаб- и обер-офицерам разрешается для отдания чести становиться во фронт только при встрече особ императорской фамилии, главнокомандующих, своего корпусного командира и военного министра; при встрече же других начальников они прикладывают правую руку к козырьку. Это правило должно соблюдаться всеми генералами, штаб- и обер-офицерами вообще, когда они встречаются между собой». Во втором приказе отмеча-

▲ В офицерском собрании
▲ Боевое знамя полка

лось, что эти правила должны были исполняться в совершенной точности «под опасением строгой ответственности»¹⁸.

Правила воинского чинопочитания были обязательны для всех военнослужащих: генералов, штаб- и обер-офицеров и нижних чинов, в каком бы ведомстве или управлении они ни состояли на службе, а равно для чинов запаса армии во время ношения ими военной одежды. Отдание воинской чести при встрече младших со старшими должно было предшествовать всякому другому роду приветствия, в каких бы личных отношениях ни находились встречавшиеся.

УСТАВ гарнизонной службы 1890 года требовал от начальников точного исполнения правил чинопочитания, к какому бы роду войск они ни принадлежали. Так, генералы по отношению ко всем штаб- и обер-офицерам в случае невыполнения правил чинопочитания делали младшему замечание и могли его арестовать. Всякое послабление в этом отношении составляло нарушение долга службы и делало начальников и старших ответственными, как подчиненных и младших, нарушивших уставные правила. Все военнослужащие должны были соблюдать строгие правила: при приближении начальника или старшего — если офицер сидел или лежал — встать, застегнуться, отдать честь и не садиться, пока не получит на это разрешение; не позволять себе курить при начальнике или при старшем, не получив предварительного на то разрешения; если начальник начинал говорить с ним, то он должен был отвечать только на задававшиеся вопросы, коротко и ясно¹⁹.

Воинский этикет требовал от каждого офицера соблюдать все обязанности почтения и вежливости, быть всегда по форме одетым и т.д.²⁰ При назначении в полк офицер обязан был представиться командиру полка и всем своим прямым начальникам, а остальным офицерам сделать визит²¹. При очном или заочном знакомстве использовались визитные карточки²². При первой личной встрече после слов представления новому знакомому передавали свою визитную карточку. В ходе деловой беседы и переговоров было принято класть перед собой визитные карточки — это помогало избежать ошибок в произнесении имен и должностей.

Особую роль играли визитные карточки при заочном представлении. В этом случае отправка визитной карточки посыльным или по почте приравнивалась к визиту. Было более

корректно, и это высоко ценилось, оставлять визитные карточки для своего заочного знакомого лично — при этом следовало загнуть один из левых углов или всю карточку с левого края (загибались также и карточки, отправленные с посыльным). Нормы этикета требовали, чтобы лицо, получившее карточку от своего заочного знакомого, отослало ему ответную визитную карточку без задержки, не позднее суток.

Офицеры, прибывавшие к новому месту службы, как правило, направляли свои визитные карточки тем военнослужащим, с кем им предстояло часто встречаться по служебным вопросам, а также своим знакомым офицерам из других частей и подразделений. Такая практика заочного представления получила более широкое распространение во второй половине XIX века.

Направляя визитные карточки, офицеры сопровождали их кратким письмом или запиской с выражением надежды на продолжение знакомства, а личную и семейную карточку замужней женщины направляли в двух экземплярах. Супруги, оставлявшие визитные карточки в доме другой супружеской пары, оставляли одну визитную карточку супруга для мужа и одну семейную карточку для жены²³.

НА СЛУЖБЕ офицеры называли друг друга по чинам, а вне службы по имени-отчеству. Обращение на «ты» было очень редким явлением. При обращении по службе к начальнику и старшему офицеру назывался его титул. Полных генералов титуловали «ваше высокопревосходительство», генерал-лейтенантов и генерал-майоров — «ваше превосходительство», всех генералов, имевших титул князя и графа — «ваше сиятельство»; имевших титул светлейшего князя — «ваша светлость». Штабс-капитанов и выше называли «ваше высокоблагородие», а всех прочих обер-офицеров и офицеров — «ваше благородие». Начальствующих лиц называли по чину, прибавляя перед ним слово «господин» (господин полковник, господин капитан и т.д.)²⁴.

В среде офицерства всегда действовали не только нормативно-уставные, но и так называемые неписанные правила. Почитались они с наименьшим рвением. Считалось необходимым, чтобы прибывший в часть новый офицер помимо представления командиру части (в парадной форме) представлялся также всем старшим по чину, со всеми равными по чину знакомился, все младшие офицеры в свою очередь представлялись вновь прибывшему.

Входившие в комнату, где уже находились офицеры, делали поклон и по возможности здоровались за руку. Младший офицер никогда первым не протягивал руку старшему: тот сам считал своим долгом сделать это. Если в комнате, где находилась группа офицеров, появлялся старший (командир полка или генерал), то первый заметивший его обращался к другим со словами: «Господа офицеры!» Все вставали и поворачивались лицом к вошедшему. Ни один офицер не садился до разрешения старшего. Последний здоровался со всеми за руку, при этом не он обходил всех присутствовавших, а офицеры, соблюдая старшинство, сами шли к командиру полка или генералу. Считалось также обязательным уступить старшему лучшее место, даже подать ему стул, но сделать все так, чтобы это не выглядело подобострастно. В офицерской среде величайшее презрение вызывали угодничество и доносительство. Уличенный в этом становился отвергнутым и мог рассчитывать лишь на презрительное к себе отношение.

В РУССКОЙ армии еще до Петровских реформ признаком чести воина считалось его одеяние. В России существовали неукоснительные правила ношения форменной одежды. Впервые погоны в качестве знаков различия были приняты в русской армии в 1763 году и носились первоначально на левом плече кафтана как знак, позволявший определять принадлежность к тому или иному полку, и как один из предметов снаряжения, удерживавший на плече ремень патронной сумки. Для парадной формы одежды служили эполеты. С 1807 года были введены погоны и эполеты определенного цвета на оба плеча. Форма служила особым знаковым признаком сословной принадлежности. Закрепленная законами иерархии сословий сложность, а иногда и невозможность перехода из одного сословия в другое придавала этому признаку особую устойчивость.

Культ чести мундира был священен для офицеров, всегда выделявшихся в обществе безупречным, щеголеватым видом. Постоянная забота о чести мундира, показывавшего принадлежность к тому или иному роду войск, была неотделима от обязанностей свято блюсти его славные традиции, хранить честь знамени своего полка, его боевую репутацию. Мундир нужно было носить так, чтобы ничто не бросало тень на родной полк. Надевший мундир офицера переставал располагать собою по собственному усмотрению и подчинял свою жизнь точно регламентированному порядку. «Военный мундир налагает на носящего его обязанность быть во всяком случае вежливее и выдержаннее тех, кто военного мундира не имеет», — писал генерал М.И. Драгомиров²⁵.

Каждый полк имел свои отличительные особенности и традиции, и многие предметы обмундирования были связаны с его военной ис-

торией²⁶. На погоны наносился номер полка. К военным служащим предъявлялось требование строго соблюдать форму одежды, с достоинством и честью вести себя в общественных местах. Ношение гражданского платья категорически запрещалось²⁷. Наиболее постыдным и тяжелым наказанием с точки зрения нравственности являлось позорное лишение воинской чести. Оно назначалось по суду за неблагоприятные поступки, несовместимые со званием военнослужащего, и выражалось в особом ритуале снятия знаков отличия, эполет или погон, а также мундира воинской части²⁸.

ПРИНЯТО щеголять бравым строевым видом, довольствоваться своей принадлежностью к военной корпорации, оказывать уважение чину и т.д.

Старинное воинское изречение гласит: «Эполеты офицера сверкают всего ярче в блеске его обаяния». Обаяние лучших представителей русского офицерского корпуса складывалось прежде всего из справедливости, готовности отвечать за все и самодисциплины, умения командовать с достоинством и без чванства, сердечности без фамильярности, отсутствия мелочности и заносчивости, жизнерадостности и некоторой лихости, идеальной честности, истинно товарищеского духа и привязанности к части, спокойной отваги, находчивости и храбрости. Конечно, не все офицеры русской армии соответствовали этим требованиям, но речь идет именно о тех, о ком писал великий писатель М.Е. Салтыков-Щедрин: «Когда я прохожу мимо берлинского офицера, меня всегда берет оторопь... Не потому жутко, чтоб я боялся, что офицер кликнет городского, а потому, что он всем своим складом, посадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой! Мне кажется, что если б, вместо этого, он сказал: я разбойник и сейчас начну тебя свежевать, — мне было бы легче. А то «герой» — шутка сказать!.. Наш русский офицер никогда не производил на меня такого удручающего впечатления. Прежде всего, он в объеме тоньше, и грудой у него таких нет; во-вторых, он положительно никому не тычет в глаза: я герой! Русский человек способен быть действительным героем, но это не выпячивает ему груди и не заставляет тарачить глаза. Он смотрит на геройство без панибратства и очевидно понимает, что это совсем не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить с собою, в числе прочей амуниции»²⁹.

С КАДЕТСКОГО корпуса офицеров готовили к тому, что поведение их должно быть благоразумным и осторожным при строгой дисциплине и уважении к людям. Офицера подводило к мысли о том, что жизнь его в обществе бросает блеск или тень не только на него, но и на честь его полка. Существовал целый свод (зачастую неписаных) правил поведения офицера на службе, в офицерском собрании, в быту, с товарищами, в кругу семьи и т.д.³⁰ Он не

**ЗАПОВЕДЬ офицера гласила:
что недостойно младшему
начальнику, то же возбраняется
и старшему**

имел права принимать участие в уличной ссоре, появляться на людях в нетрезвом виде. Благо-разумным считалось уклониться от скандала в публичном месте. Но когда дело касалось нападения или публичного оскорбления, то здесь вступал в силу кодекс чести и офицер обязан был защитить себя и честь своего мундира.

В семейном кругу офицеры руководствовались взаимными отношениями родственной дружбы и уважения. В обращении с матерью и сестрами нужно было сохранять ту же заботливость в одежде и разговоре, которую они проявляли в присутствии посторонних дам. Почтительное отношение к женщине в офицерской среде воспринималось как одна из высших добродетелей. Любой намек на невежливое обращение к женщине всегда влек за собой самое резкое осуждение. Маршал Б.М. Шапошников вспоминал: «Однажды в столовой офицерского собрания поручик-сапер услышал нелестный отзыв о своей жене. Нелестные слова произнес поручик стрелкового полка, сидевший в компании офицеров и рассказывавший о своих победах у женщин. Поручик-сапер подошел к столу и попросил поручика-стрелка отойти с ним в сторону. Объяснение окончилось тем, что на следующий день они условились драться. Отослав денщиков под благовидным предлогом в город, оба офицера, встав посреди комнаты спиной к друг другу с револьверами в руках, разошлись в противоположные углы комнаты. Достигнув своего угла, каждый имел право повернуться и выпустить все семь патронов. Поручик-сапер, приближаясь к углу, вдруг услы-

ПРИ ОЧНОМ или заочном знакомстве использовались визитные карточки

шал, что стрелок уже стоит к нему лицом и целится из револьвера. Поручик-сапер выстрелил навскидку и убил своего противника... Сапера судили за убийство, но смягчающими обстоятельствами служили показания товарищей убитого, подтвердивших, что он действительно оскорбил честь жены поручика-сапера. Поэтому для последнего дело закончилось только годичным заключением в крепость, а не ссылкой на каторжные работы»³¹.

В культуру поведения офицеров непременно входила пунктуальность. «Нужно в мирное время, — писал М.И. Драгомиров, — приучить никуда не торопиться и никуда не опаздывать; в военное время поздно усваивать эту привычку»³².

ТАКИМ образом, нравственный облик русского офицера второй половины XIX века характеризовался высоким пониманием воинского долга, мужеством и героизмом в бою; честностью, любовью к славе, готовностью на подвиги и самопожертвование за веру, царя и Отечество; любовью к военной профессии, гордостью за принадлежность к офицерскому слою русского дворянства; верностью полковому знамени, уважением к воинским ритуалам и полковым праздникам; товарищес-

ЛИЧНУЮ и семейную карточку замужней женщины направляли в двух экземплярах

вом и взаимовыручкой в офицерской среде, готовностью прийти на помощь сослуживцу в бою и армейских буднях.

По тому, как офицер относился к службе, насколько был этичен, требователен к себе, честен в отношениях с вышестоящими и нижними чинами, подчиненные и окружающие его гражданские лица судили не только о достоинствах его личности, но и об авторитетности моральных ценностей всего офицерского корпуса, озабоченного чистотой понятий чести, такта и порядочности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю.М. Колумб русской истории / Сопроводительные статьи к репринтному воспроизведению издания пятого «История государства Российского» Н.М. Карамзина. М.: Книга, 1998. С. 14.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 428. Л. 105—112.

³ Яфимович М. Мысли о современном воспитании и обучении людей и кавалериста в частности. СПб., 1908. С. 27.

⁴ Анисимов И.Н. Честь и достоинство офицера Российской армии. Пенза, 1995. С. 3.

⁵ О долге и чести воинской в российской армии. М., 1991. С. 110.

⁶ Галкин М.С. Новый путь современного офицера. СПб., 1907. С. 22.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 868. Оп. 1. Д. 449. Л. 18.

⁸ Там же. Л. 248.

⁹ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 449. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ О суде общества офицеров // Новый Дисциплинарный устав. СПб., 1882. С. 31.

¹² Столетие Военного министерства. СПб., 1914. Т. XII. Кн. 1. Ч. 11. С. 238.

¹³ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 505. Л. 43.

¹⁴ Положение об управлении полком // Приказ по военному ведомству. 1882. № 14. С. 54.

¹⁵ Свод военных постановлений (СВП) 1889 г. Птг., 1915. С. 114.

¹⁶ СВП. 1869 г. СПб., 1892. С. 11.

¹⁷ Традиции офицеров русской армии. М., 1996. С. 198.

¹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5241. Л. 90.

¹⁹ Устав гарнизонной службы. СПб., 1890. С. 105.

²⁰ Свод правил воинского чинопочитания и отдания воинской чести / Составлено согласно «Воинскому уставу о гарнизонной службе». Изд. 1874 г. СПб., 1891. С. 2.

²¹ Там же. С. 3.

²² Воинский устав о гарнизонной службе. СПб., 1890; Бутовский Н.Д. Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899. С. 11.

²³ Там же.

²⁴ Воинский устав о гарнизонной службе. С. 106.

²⁵ Драгомиров М.И. Вопросы воспитания и обучения войск. М.: Воениздат, 1956. С. 613.

²⁶ Так, например, лейб-гвардии Павловскому полку были навечно сохранены образцы шапок за отличия, проявленные в кампании 1806—1807 гг. На них были вычеканены имена нижних чинов, проявивших несгибаемое мужество и силу воли в этой войне. См.: Наказ войскам // СВП. 1938 г. Ч. 3. Кн. 2. С. 402.

²⁷ О внутреннем управлении войск // СВП. 1938 г. Ч. 3. Кн. 1. С. 118.

²⁸ Военно-судебный устав, высочайше утвержденный 15 мая 1863 г. М., 1867. С. 212.

²⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1988. Т. 7. С. 56, 57.

³⁰ Бутовский Н.Д. Указ. соч.; Галкин М.С. Указ. соч. и др.

³¹ Шапошников Б.М. Воспоминания. Воен.-науч. тр. М.: Воениздат, 1982. С. 186, 187.

³² Драгомиров М.И. Указ. соч. С. 281.

ЗАСЕДАНИЕ КООРДИНАЦИОННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

В Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации (ИВИ МО РФ) состоялось очередное заседание нештатного Координационного научного совета (КНС) по военно-исторической работе в Вооруженных силах Российской Федерации (ВС РФ). На заседании были рассмотрены итоги военно-исторической работы в ВС РФ в 2005—2006 годах и обсуждались задачи на 2007 год. Открыл и вел заседание председатель КНС — заместитель начальника Генерального штаба (ГШ) ВС РФ, кандидат политических наук, доцент генерал-полковник А.С. Скворцов. Участвовали представители Генерального штаба ВС РФ, центральных органов военного управления МО РФ, видов Вооруженных сил, родов войск и др.

С докладом «Итоги военно-исторической работы в ВС РФ за период с июля 2005 по июнь 2006 гг., задачи на 2007 год и на перспективу до 2010 года» выступил генерал-полковник А.С. Скворцов. Он отметил, что опыт прошлых лет работы свидетельствует, что Координационный научный совет необходим и полезен, его деятельность значительно повышает эффективность организации военно-исторической работы, а также подчеркнул, что целью военно-исторической работы является исследование и наиболее полное использование опыта военной истории в интересах обеспечения национальной безопасности и военного строительства России. Генерал-полковник А.С. Скворцов подвел итоги военно-исторической работы по основным направлениям: военно-исторические исследования; проведение военно-исторических конференций и издание материалов конференций; преподавание военно-исторических дисциплин в вузах МО РФ; военно-историческая работа при проведении профессионально-должностной и командирской подготовки, воспитании военнослужащих; обеспечение военно-исторических исследований архивными источниками; борьба с фальсификациями отечественной истории.

С докладом об актуальных проблемах военной истории, формах и методах работы по разоблачению фальсификаций отечественной истории выступил президент Академии военных наук доктор исторических наук, доктор военных наук генерал армии М.А. Гареев.

В обсуждении докладов приняли участие члены КНС: начальник ИВИ МО РФ кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольтюков; первый за-

меститель начальника 5 управления Главного управления кадров (ГУК) МО РФ генерал-майор С.М. Карабутов; начальник кафедры истории войн и военного искусства Военного университета кандидат исторических наук, доцент полковник В.В. Паршин; начальник Архивной службы ВС РФ полковник С.А. Ильенков; начальник Центрального архива МО РФ полковник С.И. Чувашин; заместитель начальника Главного штаба ВВС генерал-майор В.А. Братищенко; заместитель начальника Центра военно-стратегических исследований (ЦВСИ) ГШ ВС РФ полковник В.А. Афанасьев; начальник отдела организации военно-исторической и научно-информационной работы ВНК ГШ ВС РФ полковник С.Л. Коробицын; заместитель начальника 1 управления Главного управления боевой подготовки и службы войск ВС РФ полковник О.Р. Мазуркевич; начальник отдела ИВИ МО РФ кандидат исторических наук полковник В.Л. Герасимов; заместитель начальника кафедры истории военного искусства Общевойсковой академии (ОА) ВС РФ кандидат исторических наук полковник М.В. Винниченко; главный редактор «Военно-исторического журнала» кандидат исторических наук капитан 1 ранга И.А. Анфертьев; заведующий сектором войн XX века Института всеобщей истории РАН доктор исторических наук, профессор О.А. Ржешевский и руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН доктор исторических наук, профессор Г.А. Куманев.

На заседании также выступили: начальник управления Военного издательства МО РФ полковник В.П. Акуленко; начальник военно-исторической группы ВМФ капитан 1 ранга Е.Г. Мачикин; профессор кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба (ВАГШ) ВС РФ кандидат исторических наук, доцент капитан 1 ранга С.Л. Ташлыков; помощник председателя ВНК Сухопутных войск полковник А.П. Шарай; главный документовед военно-исторической группы управления военно-экономического обеспечения и исследований ГлавФЭУ МО РФ полковник Ю.А. Лебедев; член ВНК РВСН кандидат исторических наук полковник В.И. Ивкин; начальник группы ВНК Воздушно-десантных войск подполковник И.В. Плавуцкий; начальник группы управления патриотического воспитания и связи с общественностью Главного управления воспитательной работы (ГУВР) ВС РФ подполковник С.В. Пет-

ров; старший офицер отдела ВНК Тыла ВС РФ подполковник П.С. Петраков; член ВНК Космических войск капитан К.А. Либчанский.

По результатам обсуждения принято постановление, в котором отмечается, что решения и рекомендации Координационного научного совета по военно-исторической работе в ВС РФ, состоявшегося в июле 2005 года в основном выполнены.

Лучших результатов при выполнении решений КНС в 2005 и первой половине 2006 года добились: Институт военной истории МО РФ, Военная академия Генерального штаба ВС РФ, Общевоинская академия ВС РФ, Центральный архив МО РФ, Военно-научные комитеты Сухопутных войск, Военно-воздушных сил, Ракетных войск стратегического назначения, редакция «Военно-исторического журнала».

Наряду с положительными моментами в 2005 и первом полугодии 2006 года не удалось решить проблему системности в организации военно-исторических исследований, а также обеспечить их комплексный характер в соответствии с указаниями Министра обороны РФ, начальника Генерального штаба ВС РФ.

При разработке военно-исторических трудов не в полной мере использовались новые документы и материалы, не всегда достигалась глубина и комплексность, тесная увязка военно-исторической работы с задачами Вооруженных сил и проблемными вопросами обеспечения национальной безопасности государства. С недостаточной активностью проводилась работа по противодействию искажениям и фальсификации отечественной истории, низким остается научно-методический уровень этой работы. Наряду с этим в постановлении отмечается, что проект замысла военно-исторической работы на 2007 год, разработанный ВНК ГШ ВС РФ совместно с ИВИ МО РФ, представителями видов Вооруженных сил РФ, родов войск, Тыла ВС РФ, главных и центральных управлений, в целом соответствует задачам строительства и подготовки Вооруженных сил, проблемам военной науки и он рекомендован как основа для планирования военно-исторической работы на 2007 год.

В целях поддержания необходимого уровня укомплектованности военно-исторических органов ВС РФ высококвалифицированными кадрами Координационный научный совет рекомендовал:

Общевойсковой академии ВС РФ обеспечить своевременную и качественную подготовку офицеров военно-исторических органов на академических курсах ОА ВС РФ, начиная с осени 2006 года.

Видам и родам войск ВС, Тылу ВС, главным и центральным управлениям МО обеспечить: изучение учебного пособия «Организация и ведение военно-исторической работы в войсках (силах), органах военного управления и учреждениях ВС РФ», и его внедрение в практику военно-исторической работы ВС РФ; в начале ка-

ждого учебного года проведение одно-двухдневного учебно-методического сбора со штатными и нештатными военными историками, в целях выработки единой методики организации военно-исторической работы.

Создать при КНС конкурсную комиссию в целях поощрения организаторов военно-исторической работы в войсках (силах) и авторов лучших научно-исследовательских работ в области военной истории.

ГУК МО РФ совместно с Военным издательством МО РФ принять неотложные меры к изданию учебников Министерства обороны РФ для военных академий, университетов и институтов «Военная история» и «История военного искусства».

В целях создания и ведения полноценной базы данных по научным исследованиям в области военной истории органам военного управления, вузам и научно-исследовательским организациям (НИО) МО РФ обеспечить представление в ИВИ МО РФ одного – двух экземпляров изданных военно-исторических трудов, перечня тем проводимых диссертационных исследований по специальностям: военная история, отечественная история, всеобщая история (военная проблематика), тем планируемых и инициированных диссертационных исследований; Институту военной истории на основе представленных военно-исторических трудов осуществить выпуск очередного реферативно-аннотированного бюллетеня изданной литературы (вопросы военной истории по отечественным источникам) и довести его до органов военного управления, вузов и НИО МО РФ.

Органам военного управления, вузам и НИО МО РФ в целях повышения качества и научного содержания подготовленных работ издание плановых военно-исторических трудов осуществлять только после научной экспертизы в ИВИ МО РФ.

ГУВР ВС РФ совместно с Управлением информации и общественных связей МО РФ представить председателю КНС предложения по совершенствованию форм и методов противодействия фальсификации отечественной военной истории с учетом опыта использования возможностей современных технических средств информации: официального сайта МО РФ глобальной информационной сети «Интернет», Национального телевизионного канала «Звезда».

Архивной службе ВС РФ обеспечить архивными источниками разработку фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.», других плановых трудов организаций и учреждений МО РФ.

В целях своевременной и качественной подготовки круглого стола «Московская битва: феномен Второй мировой войны» ИВИ МО РФ совместно с видами ВС и родами войск, Тылом ВС, ЦВСИ ГШ, ВАГШ и ВУ разработать проект плана проведения круглого стола и организовать проведение заседания рабочей группы по его подготовке.

ОСВЕЩЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТЬЮ РОССИИ ЖИЗНИ АРМИИ И ФЛОТА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Соотношение свободы слова и ограничений цензуры

Развитие капитализма в России во второй половине XIX века сопровождалось превращением периодических изданий, особенно газет, в важнейший фактор государственного управления. Ознакомление чиновников с материалами прессы становилось для них нормой. В правительстве постепенно осознавали роль периодики как важного инструмента формирования общественного мнения, а также независимого источника информации, который мог дать повод для проверки официальных сведений.

ОДНАКО деятельность периодической печати нравилась далеко не всем, ее подозревали в негативном воздействии на политические умонастроения в обществе, в подрыве авторитета и стабильности государства.

Либерализация прессы при Александре II коснулась и освещения в печати жизни армии и флота. В 1858 году был упразднен военно-цензурный комитет при Военном министерстве. Его функции были переданы Главному управлению по делам печати Министерства внутренних дел, которое в своей деятельности руководствовалось Временными правилами по цензуре 1862 года. При необходимости оно согласовывало принимаемые меры с военным и морским ведомствами.

Военнослужащие, согласно Своду военных постановлений

1859 года, могли передавать в печать свои литературные произведения не иначе как с разрешения начальников, но во времена либеральных реформ это правило фактически не соблюдалось, а в марте 1881 года было отменено приказом по военному ведомству. В отличие от военного в морском ведомстве ограничения на сотрудничество с печатью офицеров действовали только на море, где существовала обязательная цензура командира корабля. На берегу офицер решал сам, как ему поступать.

В период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. наблюдался взрыв массового интереса к газетам, что не прошло мимо взгляда военных специалистов. Генерал от инфантерии М.А. Газенкамф, исполнявший обязанности заведующего делами печати действующей армии, избегал жестких предписаний периодическим изданиям, что и о чем писать по военным вопросам. Он исходил из того, что общественное мнение приобрело силу, с которой надо считаться, и поскольку «газетные корреспонденты влиятельнейших органов печати суть могущественнейшие двигатели и даже создатели этого мнения, то лучше постараться расположить корреспондентов в свою пользу»¹.

Курс контрреформ, взятый в 1881 году Александром III, преследуя политические цели, ослабил и созидующий потенциал свободной прессы в военной сфере. Баланс гласности и секретности был вновь смещен, и очень существенно, в пользу

закрытости армии от общества. Уже 27 марта 1882 года был издан приказ по военному ведомству, который восстановил до реформенный порядок публикаций офицеров в прессе: запрещалось распространять через печать, по сути, любую служебную информацию без «надлежащего разрешения». Это правило было зафиксировано в Своде военных постановлений². Для солдат в 1893 году была введена инструкция, которая вообще запретила им сотрудничество с печатью³.

Новые ограничения были наложены и на прессу. Принятый в 1886 году Устав о печати и цензуре во многом повторял положения Устава о цензуре 1828 года. Цензурными циркулярами от 12 августа и 24 ноября 1886 года была запрещена критика общих порядков в военном и морском управлениях, а также высших военных чинов. В 1892 году от контроля общественности и прессы была избавлена вся армия, поскольку последовало приказание не печатать статей, оскорбительных для чести русского войска и ослабляющих уважение публики к военному сословию. В том же году власти запретили печатать статьи о внутренней жизни войсковых частей, а также материалы, способные поколебать основы воинской дисциплины. В последующем этот запрет был неоднократно продублирован и подкреплен статьями Уголовного уложения⁴.

**В 1913 ГОДУ в России издавались
12 ведомственных военных журналов
и 5 газет и, кроме того, собственно
по предметам (отраслям) военного дела —
14 журнальных и 2 газетных издания**

Запреты не убили интерес журналистов к жизни армии и флота. Поток публикаций по военной тематике резко возрос в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг., отражая огромный интерес общества к этому событию. Военное командование осознавало необходимость информационного обеспечения боевых действий, но психологически не было готово к сотрудничеству с прессой. На словах приветствуя корреспондентов, оно фактически относилось к ним негативно и даже полувраждебно. Не лучше была организована и цензура. Из-за сохранявшейся неопределенности понятия «военная тайна» даже армейская печать допускала факты ее разглашения.

мысли, плохо достигают даже своей непосредственной цели – ограждения русского общества от «злонамеренно настроенной прессы», правительство пошло по пути либерализации положения печати. 24 ноября 1905 года был издан высочайший указ «О временных правилах о повременных изданиях». Этот документ упразднил предварительную цензуру, ввел судебный порядок разрешения конфликтов вокруг печати. Отменялось и право министра внутренних дел запрещать обсуждение в печати «вопросов государственной важности» за исключением информации о передвижении войск и средствах обороны⁵. По ходатайству военного или морского министра министр внут-

военнослужащих с печатью была укрощена не сразу. Так, в феврале 1907 года пишущая военная интеллигенция была взбодражена просочившейся в газеты информацией, что в военном ведомстве ведется разработка законопроекта, ограничивающего права военнослужащих в области литературной деятельности в связи с тем, что на страницах печати офицерами нарушались нормы воинской этики и дисциплины. До законопроекта дело не дошло, очевидно, потому, что он противоречил бы «Временным правилам о повременной печати», имевшим юридический статус закона. В конечном итоге военный совет признал необходимым рассматривать несанкционированные публикации военнослужащих в особых коллегиальных учреждениях при Главном штабе и в штабах военных округов. В составе этих коллегий предусматривалось присутствие представителя военно-судебного ведомства. Как следствие, некоторые военнослужащие, на свой страх и риск выступавшие в печати, были вынуждены уволиться из армии, кто-то попал под суд за публикацию сочинений, «противодействующая начальству».

Отслеживая критические публикации, руководители военного и морского ведомств учились умению работать под пристальным взглядом общественности. Частью новой культуры военного управления являлась подготовка опровержений и возражений по поводу необоснованных выступлений прессы. В практику взаимоотношений военного и морского ведомств с прессой также вошли доверительные отношения с редакторами и журналистами тех или иных органов печати. В их основе могли лежать совпадение или близость убеждений по важнейшим вопросам политики, материальная помощь лояльной прессе, ее поощрение передачей эксклюзивной информации изданиям, выражавшим готовность печатать заказные статьи. Иногда военное и морское ведомства оказывали материальное содействие частным лицам, пытавшимся учредить печатные издания, если их программа отвечала военной политике государства.

Основную роль защитника интересов всех ведомств в дискуссии со свободной прессой по-прежнему играло Министерство внутренних дел с его аппаратом цензоров и опытом судебного

ИЗ-ЗА отсутствия организованного надзора не существовало ответственности за слово в печати, противоречившее интересам безопасности государства, статусу военнослужащего

Когда стало ясно, что русская армия и флот плохо подготовлены к боевым действиям, в печати резко усилился поток критических статей, объектом которых стал и ряд военачальников. В условиях революции, начавшейся 9 января 1905 года, естественным продолжением критики официальной политики на Дальнем Востоке явилось обличение внутренних порядков и роли армии в обществе.

Военные специалисты, оказавшись под непривычным для себя огнем справедливой и несправедливой критики, ощущали заметный моральный дискомфорт. Это чувство обострилось под влиянием последствий проведенной сверху демократизации государственного строя России на основании Манифеста от 17 октября 1905 года. В апреле 1906 года приступила к работе Государственная дума, большинство депутатов которой считали свободу слова и печати высшими ценностями. Опираясь на активно поддерживавшую ее свободную прессу, Дума подняла и ряд важных военных вопросов. Пользуясь поддержкой законодателей, осмелевшая пресса ежедневно выплескивала в общество статьи и заметки о делах армии и флота.

Признав, что ограничения печати мешают развитию научной

ренних дел мог запретить ее публикацию на срок до 6 месяцев. В случае, если он соглашался с мнением военного и морского ведомств, то информировал об этом Главное управление по делам печати, которое циркулярно оповещало свои комитеты, вице-губернаторов, выполнявших роль цензоров, там, где их не было, и органы печати, о чем запрещено писать⁶.

Вопреки ожиданиям правительства новое законодательство о печати было истолковано самыми различными слоями общества как право на ничем не ограниченную свободу слова. В значительной мере это относилось и к военнослужащим. Многие солдаты и офицеры после оглашения Манифеста 17 октября посчитали допустимым публиковать в прессе заметки и статьи обо всем и где угодно. Кто-то из начальников интересовался, о чем пишут в прессе его подчиненные, кто-то — нет. Из-за отсутствия организованного надзора не существовало ответственности за слово в печати, противоречившее интересам безопасности государства, статусу военнослужащего. Нередко эти статьи не подписывались и выходили в свет под инициалами, псевдонимами.

По окончании революции 1905 года вольница в сотрудничестве

преследования опальной периодической печати. В августе 1906 года министр внутренних дел П.А. Столыпин расширил диапазон влияния на периодику, учредив в Главном управлении по делам печати осведомительное бюро. Задача нового учреждения заключалась в том, чтобы снабжать прессу информацией о деятельности правительственных органов из первых рук, разъяснять и опровергать неверные слухи, циркулировавшие в российской и зарубежной печати, готовить для всех министров выборки статей и заметок из прессы на злобу дня⁷. В составе 2-го отдела осведомительного бюро имелась штатная единица чиновника, обслуживавшего Военное и Морское министерства, а также Управление по делам о воинской повинности.

Военное и морское ведомства пытались укрепить свои связи с Главным управлением по делам печати. Так, в 1910 году Военное министерство добилося прикомандирования к Санкт-Петербургскому комитету по делам печати своего представителя — отставного генерала фон Л.Л. Драке, с апреля 1912 года в этом комитете начал работать и представитель Морского министерства — отставной капитан-лейтенант В.П. Пржиленцкий. По инициативе последнего Морской генеральный штаб разработал проект перечня сведений о флоте, не подлежащих огласке. Над составлением такого проекта начало работу и Военное министерство. Но разработка перечня секретных сведений затянулась до 1914 года. Тем временем 5 июля 1912 года был принят закон, внесший серьезные изменения в действовавший закон о государственной измене путем шпионажа. Этим законом вводилось понятие преступного деяния, вылившегося в опубликование, сообщение или передачу сведений, касающихся внешней безопасности России и ее вооруженных сил⁸. О более конкретном содержании сведений в законе фактически ничего не было сказано.

Несмотря на многие трудности, работа военного и морского ведомств с печатью постепенно налаживалась. Так, по итогам 1913 года за нарушение закона от 5 июля 1912 года к ответственности по морской линии были привлечены только два печатных органа. Зная «правила игры», редакторы га-

зет старались сами осуществлять цензуру материалов, поступавших в редакцию. Однако были установлены 32 случая оскорбления в печати «войска» и призыва к нарушениям воинскими чинами обязанностей военной службы, а также 86 случаев призыва к забастовке на оборонных предприятиях.

В целях формирования общественного мнения правительство использовало расширение сети официозной печати и ее читательской аудитории. В ряде военных округов были учреждены собственные газеты. Лояльные правительству газеты и журналы вполне официально стали «званным гостем» в казармах. В ротах, батареях на них оформлялась подписка, контролировавшаяся командиром части, кое-где опиравшегося на мнение совета из числа офицеров⁹. В последующем командиры исходили из рекомендаций Комитета по образованию войск, рекламы на страницах «Русского инвалида», которая означала, что то или иное издание не запрещено для распространения в армии и на флоте. Подписка на некоторые газеты для нижних чинов была обязательной¹⁰. В армии также существовала обязательная подписка офицерских собраний на военные издания.

В 1913 году в России издавались уже 12 ведомственных военных журналов и 5 газет и, кроме того, собственно по предметам (отраслям) военного дела — 14 журнальных и 2 газетных издания¹². Ведомственная печать менялась и качественно. «Вестник военного и морского духовенства», в котором, в частности, появился «журнал в журнале», пропагандировал в более доступной и интересной, чем ранее, форме символы и традиции православной веры и воинской службы. В «неофициальном отделе» «Русского инвалида» в появились обзоры публикаций газет об общественной жизни. Однако обсуждавшаяся военной интеллигенцией идея создания популярной военной газеты для солдат, качественно отличающейся от окружных разнообразием тематики, глубиной материалов, популярностью языка, так и не была реализована. Даже офицеры зачастую предпочитали читать и выписывать гражданскую прессу¹³. Многим читателям оказались ближе частные и оппозиционные издания, которые шли за читательскими интересами, оперативнее и острее реагировали на события в стране и армии.

В ходе разработки с 1910 года уточненных правил порядка пуб-

ЧАСТЬЮ новой культуры военного управления являлась подготовка опровержений и возражений по поводу необоснованных выступлений прессы

Иногда оказывалось, что поддержка государства не гарантирует благополучия и полезности того или иного проправительственного издания. Например, совсем недолго существовала «военно-народная» газета «Армия», выходящая в 1906—1907 гг. Публиковавшиеся на ее страницах фальшивые солдатские письма вызывали лишь смех у военнослужащих. Хорошая идея — издавать иллюстрированные издания зачастую материализовывалась в очень примитивные картинки и в основном из прошлой, но не текущей жизни войск¹¹. Однако важно, что эти проблемы не замалчивались. О них писали на страницах «Русского инвалида» и других изданий, их обсуждали на самом высоком уровне в военном, морском, военно-духовном ведомствах.

публикаций офицеров в печати предпринимались попытки учесть зарубежный, прежде всего французский опыт. Во Франции каждый военнослужащий имел право печататься, не испрашивая разрешения начальства, подписываясь либо своим именем, либо псевдонимом, но без указания должности, чтобы не придавать выступлению официального характера. По выходу статьи из печати офицер должен был представить ее непосредственному начальнику. Если начальник усматривал, что статья нарушает закон или воинскую мораль, то передавал ее для вынесения окончательного вердикта в компетентные органы. Этой мерой исключалась возможность проявления субъективизма, личных антипатий начальника к автору публикации. Однако подготовленный к маю

ВЛАСТИ запретили печатать статьи о внутренней жизни войсковых частей, а также материалы, способные поколебать основы воинской дисциплины

1914 года вариант порядка публикаций в российской печати оказался не востребовавшимся, поскольку вскоре, 19 июля (1 августа) 1914 года, началась Первая мировая война.

В начале 1914 года комиссия в составе представителей военного и морского ведомств, министров юстиции и внутренних дел завершила работу по подготовке перечня сведений, оглашение которых в печати воспрещалось. Он был опубликован 28 января. Перечень охватывал вопросы численного состава войск и их вооружения, передвижения и развертывания соединений и частей, планов ведения боевых действий и др. С началом Первой мировой войны этот перечень несколько раз уточнялся и расширялся. 20 июля 1914 года правительство, минуя Государственную думу, ввело Временное положение о военной цензуре, которое разрабатывалось с 1911 года в комиссии военного ведомства под председательством генерал-квартирмейстера Генерального штаба Ю.Н. Данилова¹⁴. При Главном управлении Генштаба (ГУ ГШ) была создана Главная военно-цензурная комиссия, в состав которой вошли представители Военного и Морского министерств, Министерства юстиции, МВД, МИД, Главного управления почт и телеграфов. Одновременно вводилось «Положение о военных корреспондентах», подготовленное Генеральным штабом в 1912 году¹⁵.

Среди нововведений следует отметить организацию поездок журналистов на фронт в 1914 и 1915 годах, принятие в декабре 1916 года решения разрешить частным кинофирмам вести документальные съемки фронтовой жизни. Осенью 1915 года в Ставке Верховного главнокомандующего было создано бюро печати с целью приблизить органы прессы к источникам информации о войне с учетом интересов действующей армии. Весной 1915 года при Главном управлении Генерального штаба было образовано Особое совещание для обсуждения вопро-

сов, связанных с правильной ориентировкой общественного мнения за границей о ходе военных действий, внутреннем положении России и др.¹⁶ Однако новая политика проводилась непоследовательно, что отразилось на ее эффективности. Видимо, поэтому, например, такие очень разные по убеждениям современники тех событий М.К. Лемке и генерал А.И. Деникин были едины в невысокой оценке попыток главного органа военного управления в годы войны — Ставки использовать печать для формирования общественного мнения¹⁷.

Тем не менее нельзя отрицать, что методом проб и ошибок за годы российских реформ мыслящие военные руководители осознали не только реальные угрозы для обороны страны, исходившие от некоторых безответственных средств массовой информации, но и необходимость и полезность умения слышать демократическую прессу. По мере расширения свободы слова и развития парламентаризма они пришли к выводу о недопустимости пассивного отношения к движению всей совокупности информационных потоков в сфере обороны. Как результат — за годы преобразования было немало сделано для формирования самостоятельной инфраструктуры новой информационной политики военного и морского ведомств, построения отношений армии и флота со свободной прессой на правовой базе.

В отношениях с прессой оттачивались методы работы, типичные не только для цензуры, но и для пресс-служб: распространение информации, благоприятной для имиджа учреждения, охрана секретов, анализ информации о ведомстве, опубликованной в печати. Свидетельством роста влияния прессы на жизнь страны явилось осознание военными руководителями факта, что за провалы в работе придется нести ответственность и перед судом общественности, не приемлющей кулуарных разбирательств. Важным событием в жизни армии и флота явилась

сама постановка вопроса о расширении прав офицеров на сотрудничество с печатью (при условии соблюдения ими норм воинской этики и режима секретности) как фактора борьбы за общественное мнение в интересах реализации военных и морских программ. Все это свидетельствовало о позитивном влиянии парламентаризма, развития общедемократических свобод на жизнедеятельность вооруженных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Болотина Н.* «...Постараться расположить корреспондентов в свою пользу» // *Независимое воен. обозрение.* 1998. № 18.

² Свод военных постановлений 1869 г. (по 1 января 1892 г.). Прохождение службы по военному ведомству. Ч. 2. Кн. 7 Ст. 938.

³ *Бережной А.Ф.* История отечественной журналистики (конец XIX — начало XX в.). Материалы и документы СПб., 1997. С. 91.

⁴ *Мякотин В.* Одна из страниц новейшей истории русской печати // В защиту слова. СПб., 1907. С. 91, 92.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 26 ноября 1905 г. № 226. Отд. первый. № 1879. С. 3063, 3064.

⁶ Докладная записка начальнику Морского генерального штаба. 19 апр. 1912 г. См.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 5541. Л. 55 об.

⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. СПб., 2001. Т. 2. С. 51.

⁸ *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке. Пб., 1920. С. 362, 363.

⁹ *Гр. А.Д.* О солдатской газете // Рус. инвалид. 1907. № 33. 10 февр.

¹⁰ *М-ий Р.Н.* «Русский инвалид» — обязательная газета в ротах // Рус. инвалид. 1907. № 186.

¹¹ См., напр.: Обзор печати // Рус. инвалид. 1911. № 106.

¹² Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 374.

¹³ См., напр.: *Злобин Н.* О беседах с нижними чинами и устройстве библиотек // Рус. инвалид. 1907. № 188. 25 авг.; По поводу мыслей «старого офицера» // Рус. инвалид. 1911. № 134, и др.

¹⁴ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 374.

¹⁵ Там же. С. 132.

¹⁶ Письмо и. д. нач-ка ГУ ГШ. По делу генерал-квартирмейстера. 26 марта 1915 г. № 878. См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5609. Л. 3.

¹⁷ См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 93; *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 328, 424, 826.

*Полковник запаса
Е.Г. ВАПИЛИН*

О ВВЕДЕНИИ В РОССИИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ ДЛЯ ОТКАЗНИКОВ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ

Раскольники и сектанты в русской армии в XIX — начале XX века

В результате военных реформ России 1860—1870-х годов с целью создания массовой армии комплектование войск стало строиться на принципах всесословности и всеобщности. Это формально означало возможность призыва на военную службу мужского населения всех сословий, национальностей и вероисповеданий. Даже те, кто не проходил действительную военную службу, а сразу зачислялись в запас, могли быть призваны в связи с угрозой войны и в военное время. Моральный дух армии, как никогда, стал зависеть от социально-политической, духовно-религиозной и национальной солидарности общества.

ТОЧНЫХ данных о вероисповедной направленности населения Российской Империи, входившего в раскол и секты, нет. По мнению В.Д. Бонч-Бруевича, изучавшего эту проблему, число сектантов всех толков и разветвлений в России колебалось между шестью и семью миллионами, а численность раскольников достигала не менее двадцати миллионов¹. По подсчетам другого исследователя — П.И. Мельникова, в середине XIX века в России было около 12 млн. раскольников². По мнению генерального штаба полковника А.Ф. Риттиха, сектантов в империи было около 8 млн. душ обоего пола. Из этого количества, вычитая женщин, он определил число новобранцев, которых должна была давать эта категория населения, — 53 760 душ ежегодно³. Е.Ф. Геркулов заявлял, что из 126 млн. человек населения России по переписи 1897 года православных насчитывалось 87 млн. 123 тыс., раскольников — 2 млн. 204 тыс. и т.д.⁴ Позднее в ряде источников появились исчисления старообрядцев в 25 млн., а сектантов — в 10 млн. человек. По мнению О.Л. Шахназарова, проанализировав-

шего и обобщившего эти данные, общая численность затаившегося «народа в народе» во второй половине XIX столетия достигла 37 млн., а количество названий только самых крупных сект в России доходило до шестидесяти⁵.

Сектантское движение в низших слоях армии еще до военных реформ второй половины XIX века обрело плодотворную почву для своего зарождения, поскольку на нижние чины ложились основные тяготы и лишения военной службы⁶. В войска сектанты попадали в качестве новобранцев, хотя были слу-

натичным постом доводили себя до физического изнурения. Впервые они появились среди матросов в Севастополе⁸. В 1836 году благочинный 20-й пехотной дивизии Раменковский обнаружил в мушкетерской роте Тенгизского пехотного полка секту духоборов⁹.

СРАСКОЛЬНИЧЕСКИМ и сектантским движением в русской армии велась исключительно жесткая борьба. Духоборов, учение которых противоречило официальной идеологии, в случае, когда они «пробовали бросать оружие», в мирное время запарывали шпицрутенами, гоняя сквозь строй. В военное время, как это было в Русско-турецкую войну 1828—1829 гг., отказавшихся воевать ставили безоружными впереди наступающих войск или привязывали к стволам орудий в качестве живого щита. Почти все духоборы, рекрутированные в армию, были уничтожены в ходе военных действий, оставшихся в живых направляли в арестантские роты, обрекая на

СКОПЦЫ начали пропаганду своих взглядов среди воинских чинов столичного гарнизона

чаи обращения в секту уже во время службы. Так, в 1818—1819 гг. скопцы начали пропаганду своих взглядов среди воинских чинов столичного гарнизона. Среди солдат стали производиться многочисленные оскорбления, обнаружился интерес офицества к скопчеству⁷.

В самом начале XIX века в частях распространилась секта запашивания, приверженцы которой голодом и фа-

гибель. Их семьи и родственники Николай I высылал в Ахалкалакский уезд Закавказья, где они умирали от тяжелых болезней и инфекций¹⁰.

Еще в 1835 году официальные власти отделили собственно раскольников-староверов от сектантов. Чиновники также разделили секты на менее и особенно вредные. К последним были отнесены духоборы, молокане, иконоборцы, а также иудействующие. В

1842 году обер-прокурор Священного Синода граф Н.А. Протасов определил, какие раскольничьи секты и толки признаются несовместимыми с православием и какова степень их вредности¹¹.

Основные каноны веры сектантов носили бескомпромиссный и явно антивоенный характер. Например, духоборы твердо стояли на решительном отрицании воинской повинности, ссылаясь на жизненную позицию своих предков, следовавших заповеди «не убий»¹². Соответственно представители вреднейших сект относились к категории особенно фанатичных уклонистов от военной службы.

Согласно официальной точке зрения на 1905 год в армии насчитывалось: старообрядцев¹³ — 18 тыс., язычников — 2,5 тыс., менонитов — 1000, сектантов инославных христианских исповеданий — 250 и караимов — 50 человек¹⁴. На самом деле их было значительно больше. Во-первых, многие военнослужащие скрывали свою принадлежность к расколу и сектам, приспособляясь к условиям армейской службы¹⁵. Во-вторых, учет основной массы сектантов велся по православным метрическим книгам, что означало на практике определение их вероисповедания как православного. В-третьих, неточность в подсчете сектантов объяснялась также тем, что для некоторых полковых священников лучше было укрывать их истинное количество, чем показать свою слабость в борьбе с ними.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ свободы вероисповеданий и веротерпимости (указ от 17 апреля 1905 г.) поставило Военное министерство перед проблемой: что делать с сектантами, которые отказывались нести военную службу? Военное ведомство в 1905 году внесло в Министерство внутренних дел, ведавшее призывом военнообязанных, предложение прекратить прием в нее сектантов, заменив для них военную службу казенными работами.

На запрос военного ведомства министр внутренних дел П.Н. Дурново 14 мая 1905 года потребовал привлечь всех приверженцев сектантских толков и старообрядческих согласий к отбыванию воинской повинности на общих основаниях. Однако было сделано незначительное отступление: «Если означенные лица по определению их в войско будут сопротивляться исполнению обязанностей и ношению оружия... то в заслуживающих случаях надлежит секретным распоряжением военного министра освободить их от строевой службы и ношения оружия»¹⁶.

Новую установку министра внутренних дел разделяли далеко не все правительственные чиновники. Так, в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий считали, что с сектантами-отказниками невозможны компромиссы¹⁷.

ВОЕННОЕ ведомство предлагало наложить на сектантов повинность не менее тяжелую, чем воинская, а именно: привлечь их на службу в рабочие команды гражданского ведомства на 8 лет, т.е. на более чем двойной срок против принятого в армии срока службы

18 августа 1906 года в дополнение к разделу II главы III Воинского устава о наказаниях была введена статья 125 (прим.), в которой определялось, что «за упорный отказ с целью совершенного уклонения от исполнения воинской повинности, от несения строевой или нестроевой службы виновные подвергаются отдаче в арестантские отделения на время от 4 до 6 лет, или ссылке в каторжные работы на то же время»¹⁸.

Последующий опыт привлечения сектантов к военной службе показал бесперспективность использования принципа равенства перед законом. Насилие над сектантами оказалось малоэффективным. Его достижения были сомнительны, а вред — очевиден: генерировалось отвращение к властям со стороны «пострадавших за веру».

Православные священники в унисон с государственными чиновниками среди прочего отмечали, что главные очаги сект находились в таких крупных культурных и экономических центрах России, как Киев, Харьков, Одесса, Москва, Петербург, где дислоцировались крупные гарнизоны войск. Успехи сектантов они объясняли упадком церковно-приходской жизни, неудовлетворительным состоянием богослужебной практики, негодным материальным и нравственным состоянием духовенства и, наконец, «недостаточностью» миссий¹⁹. Поэтом на миссионерских съездах православного духовенства (в Нижнем Новгороде (1907 г.), Киеве (1908 г.) и др.) остро ставился вопрос о всяческом противодействии распространению сектантства.

Священный Синод в определении от 13 мая — 2 июня и 4—6 июля 1909 года также

предписывал усилить апологетико-миссионерскую деятельность православных священников²⁰. В эту работу включились и военные священники, поскольку их прямой обязанностью являлись предотвращение отступления солдат и офицеров от догматов православной церкви, ограждение их от вредных учений.

ВОЕННОЕ ведомство настойчиво добивалось пересмотра порядка призыва сектантов на военную службу. Удобный повод решить эту проблему представился в связи с обсуждением весной 1912 года новой редакции Устава о воинской повинности. Позиция Военного министерства нашла понимание и сочувствие в III Государственной думе. При рассмотрении законопроектов первой очереди депутаты

Думы предложили правительству остановиться на законопроекте об отношении к воинской повинности сектантов, предложенном военным ведомством, и внести необходимые изменения в устав. Однако этот вопрос вновь повис в воздухе, поскольку чиновники посчитали его плохо проработанным, так как были непонятны как сам механизм освобождения сектантов от службы, так и политические и религиозные последствия этого нововведения.

тантов повинность не менее тяжелую, чем воинская, а именно: привлекать их на службу в рабочие команды гражданского ведомства на 8 лет, т.е. на более чем двойной срок против принятого в армии срока службы²¹.

Несмотря на, казалось бы, вполне убедительные доводы, предложения военного ведомства вновь натолкнулись на серьезные возражения со стороны представителя Министерства внутренних дел. Чтобы освободить воен-

них дел от 14 марта 1913 года снова вынужден был инициировать обсуждение этой волнующей проблемы, указывая на то, что «призыв в армию сектантов представляет опасность для армии»²³.

Аналогичное обращение последовало и в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, который 28 мая 1913 года уведомил Военное министерство, что предоставление сектантам существенных льгот по отбыванию воинской повинности неминуемо привело бы к тому, что даже те сектанты, которые из опасения утраты признания их прав государством не провозглашали открыто отрицательного отношения к воинской повинности, незамедлительно включили бы это положение в официальный вариант своего вероучения и таким путем получили бы право на освобождение от службы в войсках²⁴. Чиновники департамента также утверждали, что использование освобожденных от службы в войсках сектантов вызывает весьма существенные сомнения. Они исходили из того, что чрезвычайно затруднительно было точно определить количество сектантов, подлежащих службе в проектируемых рабочих командах гражданского ведомства, однако, учитывая тенденцию к росту числа сектантов, эта цифра оказалась бы значительной²⁵. Министр внутренних дел поддержал мнение департамента. Об этом он сообщил военному министру 5 июня 1913 года. Таким образом, проблема старообрядцев и сектантов в войсках так и не была разрешена.

ПРИ вступлении Российской Империи в Первую мировую войну многие сектанты изменили свои взгляды и выразили поддержку военной полити-

ЛИЦА, при самом призыве к воинской повинности отказывающиеся носить и употреблять в дело оружие, не принимаются на военную службу и передаются в распоряжение гражданских властей для вынесения приговора в общих уголовных судах

В правительстве и военном ведомстве осознавали, что в целях сокращения количества отказывающихся от службы по религиозным мотивам оставлять на прежнем уровне удовлетворение вероисповедных прав старообрядцев и сектантов в армии уже невозможно. Поэтому в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий был разработан и 27 февраля 1912 года направлен в войска циркуляр, информировавший о содержании разработанных в Главном штабе правил удовлетворения религиозных нужд военнослужащих-старообрядцев, иноверческих исповеданий и сектантов, исходя из принципа свободы вероисповедания.

В начале ноября 1912 года вопрос о сектантах во второй раз был внесен на обсуждение межведомственной комиссии по пересмотру Устава о воинской повинности. Военное министерство выступило с предложением прекратить прием лиц, которые, ссылаясь на свои убеждения, отказывались носить и применять оружие. Но чтобы этой мерой не поощрить православных к переходу в секты, военное ведомство предлагало наложить на сек-

нослужащих от явного соблазна обращаться в секты и от всей судебной процедуры с сектантами, военное ведомство внесло на обсуждение межведомственной комиссии более упрощенное предложение: «Лица, при самом призыве к воинской повинности отказывающиеся носить и употреблять в дело оружие, не принимаются на военную службу и передаются в распоряжение гражданских властей для вынесения приговора в общих уголовных судах. Равным образом лица, уже состоящие на военной службе и заявившие о нежелании носить и употреблять в дело оружие, должны быть немедленно удаляемы из армии и судимы в общих судебных установлениях империи»²². Однако и это предложение большинством межведомственной комиссии не было поддержано.

Военный министр в своем послании министру внутрен-

ЛИЦА, уже состоящие на военной службе и заявившие о нежелании носить и употреблять в дело оружие, должны быть немедленно удаляемы из армии и судимы в общих судебных установлениях империи

Таблица

**Солдаты, осужденные военно-окружными судами
за отказ от употребления оружия против врага и службы
по религиозным убеждениям**

Религиозные общины	На 1 декабря 1916 г.	На 1 февраля 1917 г.
Баптисты и штундисты	99	114
Адвентисты	64	69
Духоборы	16	16
Малеванцы	25	27
Евангелические христиане	223	256
Молокане	21	22
Добролюбовцы	13	13
Субботники	16	16
Духовные христиане	6	6
Иеговисты	7	7
Свободные христиане	8	9
Иудействующие	2	3
Толстовцы	19	20
Квакеры	5	6
Нет указаний о вероисповедной принадлежности	239	249
ИТОГО	763	833

Составлено по: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 462. Л. 8, 15.

ке правительства. Например, когда началась мобилизация, руководители духоборов призвали единоверцев поддержать военные усилия правительства в борьбе с «безборным немецким императором». Молокане также выразили верноподданнические чувства. Журнал молокан «Духовный христианин» в передовице в № 8—9 за 1914 год призывал своих единоверцев «идти на войну, не уклоняться от воинской повинности...»²⁶. Баптисты, используя страницы своего журнала «Гость», также поклялись царю не пожалеть сил для победы. С первых дней войны среди «братьев во Христе» они начали сборы пожертвований. Во многих молитвенных домах баптистов, а также и евангелистов прошли собрания в поддержку верховной власти. Рядовым членом сект рекомендовалось «не уклоняться от военной службы, брать в руки оружие и идти бить нечестивых врагов»²⁷. Старообрядческая церковь объявила день начала войны религиозно-патриотическим днем. Во всех старообрядческих общинах и храмах проходили молебны, призывавшие на борьбу с «германцем» до победы, сбор денег на нужды войны.

Оценив этот патриотический порыв, военный министр В.А. Сухомлинов писал: «Я был бы весьма рад, если бы таких служак, как старообрядцы, было в армии побольше. Они достойны подражания»²⁸.

Вместе с тем документы свидетельствуют, что баптисты, евангельские христиане, штундисты, толстовцы, менониты, адвентисты и другие в годы войны развернули активную антигосударственную деятельность, умело используя трудности военного времени. Это главным образом проявлялось в антимилитаристских акциях²⁹. Военнообязанные сектанты и старообрядцы уклонялись от службы в армии и участия в боевых действиях по сугубо религиозным причинам. Однако количество подобного рода уклонений было не так велико (см. табл.).

По сравнению с десятками тысяч дезертировавших и сдавшихся в плен солдат русской армии статистика уклонистов-сектантов представляется незначительной.

Однако русская православная церковь и в годы войны продолжала считать сектантов «вреднейшим элементом в армии». И если с инославными и иноверцами церковь пыталась найти компромисс, то сектантство, особенно

вышедшее из протестантизма, вызывало у нее сильное раздражение. Даже изменение взглядов многих сект на войну и службу в армии православное духовенство не воспринимало.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бонч-Бруевич В.Д. О религии, религиозном сектантстве и церкви: В 3 т. М.: Изд. АН СССР, 1959. Т. 1. С. 175.

² Мельников П.И. Раскольничьи секты в России // Исторический вестник. 1885. Июль. Кн. VII. С. 60.

³ Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб.: Изд. А.А. Ильина, 1875. С. 94.

⁴ Грекулов Е.Ф. Православие и инквизиция в России. М.: Наука, 1964. С. 129.

⁵ Шахназаров О.Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 75.

⁶ Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и Вооруженные Силы России в 1800—1917 гг. СПб.: Нестор, 1999. С. 185.

⁷ Знаменский П.В. История русской церкви. М.: Крутицкое патриарш. подворье, 1996. С. 433.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 3. Д. 5742. Л. 7, 8.

⁹ Там же. Д. 6008. Л. 1, 2.

¹⁰ Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч. С. 291, 292.

¹¹ Чимаров С.Ю. Указ. соч. С. 189, 190.

¹² Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч. С. 172.

¹³ В соответствии с Указом от 17 апреля 1905 г. (п. 7) было принято решение: «присвоить наименование старообрядцы, в замен ныне употребляемого названия раскольники». См.: РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 147. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Ф. 805. Оп. 4. Д. 5687. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 98. Л. 74.

¹⁶ Там же. Д. 147. Л. 56 об., 57.

¹⁷ Там же. Л. 72.

¹⁸ Там же. Л. 59.

¹⁹ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 448.

²⁰ Иваницкий Т. О миссионерской постановке преподавания Закона Божия в уч. командах и духовных беседах в воинских частях // Вестник военного и морского духовенства. 1911. № 21. С. 656.

²¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 262. Л. 2. Следует указать, что это было первое обоснованное предложение о введении в России альтернативной службы для отказников по религиозным мотивам.

²² РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 262. Л. 3 об.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 7, 7 об.

²⁶ Иванов Ф. Война // Духовный христианин. 1914. № 8—9. С. 3.

²⁷ Суглобов Г.А. Союз креста и меча (Церковь и война). М.: Воениздат, 1969. С. 39.

²⁸ Там же. С. 41.

²⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 451. Л. 63; Ф. 806. Оп. 5. Д. 8170. Л. 14; Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД). Ф. 2856. Оп. 1. Д. 17-6. Л. 1.

В.Р. КРАВЧУК

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ АРМИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В последнее время средства массовой информации все чаще обращаются к проблеме комплектования Вооруженных сил. Решения об изменении сроков службы по призыву и сокращении оснований для отсрочек придали проблеме особую остроту, и вопросы комплектования в ближайшее время, надо надеяться, будут решены положительно. В свете этого редакция полагает, что читателей заинтересует, как решались проблемы комплектования русской армии в конце XIX – начале XX века.

ВОЕННЫЕ реформы в русской армии в 60—70-е гг. XIX века и в 1905—1912 гг. XX века были вызваны необходимостью преодоления отсталости военной организации империи, особенно остро проявившейся в ходе двух неудачных войн: Крымской 1853—1856 гг. и Русско-японской 1904—1905 гг. В первом случае реформы, проводившиеся под руководством военного министра Д.А. Милютина, были направлены на превращение русской армии в массовую. Они затронули ее организацию, управление, вооружение, обучение и воспитание войск, подготовку офицерских кадров. При этом одной из главных сторон реформы было упразднение рекрутских наборов и введение с 1874 года всеобщей воинской повинности. Основными положениями «Устава о воинской повинности» — аналога современного закона «О воинской обязанности и военной службе» — предусматривалось сокращение срока военной службы с 20—25 лет в сухопутных войсках до 6 лет на действительной службе и до 9 лет в запасе, на флоте соответственно до 7 и 3 лет. Это давало возможность свести до необходимого минимума численность кадровых вооруженных сил в мирное время и обеспечить накопление военнообученных резервов. Следует учесть, что свыше половины призывников имели льготы и зачислялись в случае войны в ополчение. От военной службы освобожда-

лись народы Севера, Средней Азии, Сибири, некоторые народы Кавказа, священнослужители, ряд других категорий.

В 1868 году было принято новое «Положение о полевом управлении войсками в военное время». Значительным шагом вперед стала также реформа военного образования, больше внимания потребовала к себе и практическая подготовка военных специалистов. В связи с изменениями в тактике, что обуславливалось, в первую очередь, усовершенствованием средств вооруженной борьбы, армия получила новые уставы и наставления.

Реформы Д.А. Милютина оказались довольно удачными для своего времени и их основные положения не претерпели сколько-нибудь существенного изменения до 1905 года. Война с Японией выявила многие недостатки в военной организации России, в том числе и в системе комплектования войск. Согласно новому «Уставу о воинской повинности», утвержденному в 1912 году, сроки действительной военной службы сокращались в пехоте и полевой артиллерии с 5 до 3 лет, в других родах войск с 5 до 4, на флоте с 7 до 5 лет. Были также упразднены слабые в боевом отношении резервные и крепостные войска, сформированы 7 новых пехотных дивизий и 1 стрелковая бригада. В европейской части империи вводилась территориальная система комплектования войск, создавались корпусные, дивизионные

и полковые районы пополнения, что облегчало процесс мобилизации, сокращались льготы по семейному положению, зато увеличивались по образованию. Лица, находившиеся в запасе, делились на два разряда: молодые возрасты предназначались для пополнения полевых войск, старшие — тыловых.

Рассмотрим подробнее основные положения «Устава о воинской повинности» 1912 года, регламентирующие прохождение военной службы. Согласно этому документу, вооруженные силы состояли из «постоянных войск» и «государственного ополчения», предназначавшегося для усиления постоянных войск на случай войны. Постоянные сухопутные войска состояли из армии, пополняемой ежегодными призывами новобранцев; запаса армии, состоявшего из лиц, прошедших военную службу или уволенных раньше окончания общего срока службы; казачьих войск и иррегулярных войск, создаваемых из так называемых инородцев (киргизы, калмыки и др.).

Морские силы, как и сухопутные войска, состояли из действующих команд и запаса флота.

Воинская повинность была всеобщей, ибо защита престола и Отечества являлась священной обязанностью каждого подданного, а потому служить должно было — по идее — все мужское население независимо от сословной принадлежности и имущественного положения. Денежный выкуп от воинской повинности и замена охотником¹ не допускались. Исключались из участия в воинской повинности и не принимались вовсе на военную службу только лица, лишенные приговорами по суду всех гражданских прав.

Следует отметить, что требования закона о воинской повинности не распространялись на отдельные категории граждан России, в том числе на войсковое казачье население

ние, жителей Закавказья и Северного Кавказа, военная служба которых регламентировалась иными правовыми положениями.

От воинской повинности освобождались коренные жители Туркестанского края и некоторых регионов Сибири, а также иных периферийных губерний и областей. Однако уроженцы местностей, на которые распространялись требования основных положений закона о воинской повинности, имели право поступать на военную службу в качестве вольноопределяющихся² и охотников.

Ряд призывников имел право на замену. Так, член семьи, который призывался на действительную службу или уже состоял на военной службе, мог быть заменен в любое время физически годным к военной службе родным или двоюродным братом, имевшим возраст не более 26 лет, и если он не подлежал призыву и не числился в запасе.

Таким образом, согласно закону о воинской повинности все мужское население империи в возрасте от 21 до 43 лет состояло на военной службе: на действительной или в запасе. Нахождение в запасе ограничивалось 39-летним возрастом, после чего военнообязанные приписывались на 4 года в ополчение. По словам генерала от инфантерии А.Ф. Редигера, бывшего в 1905—1909 гг. военным министром, подготовившего и начавшего проведение военных реформ 1905—1912 гг., «к исполнению воинской повинности призывался ежегодно один только возраст населения, именно молодые люди, которым уже исполнилось 20 лет от роду к 1 января того года, когда производился призыв, следовательно к призыву будут являться все молодые люди, родившиеся в одном и том же году (с 1 января по 31 декабря)»³.

Сроки проведения набора и службы учитывали интересы как военного ведомства, так и населения, прежде всего крестьян: призыв осуществлялся по окончании осенних полевых работ с 1 октября по 1 ноября, при этом, в зависимости от местных условий, допускались отступления от этих чисел. Что касается общего срока службы, то до 1905 года для сухопутных войск он составлял 18 лет, из них 5 лет действительной военной службы и 13 — в запасе;

для флота — 10 лет, из них 7 лет действительной военной службы и 3 года в запасе.

Военному министру предоставлялось право в случаях, когда политические, военные или климатические условия вызовут необходимость задержать нижние чины на действительной военной службе по выслуге ими установленно-го срока, приостановить «с высочайшего каждый раз на то соизволения перечисление нижних чинов с действительной военной службы в запас, не дольше, однако, как на 6 месяцев»⁴.

ОСОБОЕ место в российских законах о воинской повинности занимали разного рода освобождения от военной службы, отсрочки и льготы. В 1874 году отсрочки предоставлялись:

по семейному положению — для обеспечения имущественно-хозяйственного благосостояния семьи;

по образованию — с целью предоставления образования лицам, обучающимся в высших и средних учебных заведениях; для отдельных народностей, которые или не были еще достаточно подготовлены, или по своей поведенческой культуре совершенно не годились для несения военной службы;

для отдаленных местностей — в целях освоения их русским населением;

по роду занятий для лиц, отрывать которых от их профессий или не соответствовало бы государственным интересам, или же не отвечало бы духу самих профессий;

по имущественному и хозяйственному положению.

Отметим, что предоставление отсрочек стало возможным в силу того, что число лиц мужского пола, достигших в 1874 году призывного возраста и внесенных в призывные списки, составляло 700 тыс. человек, из которых по существовавшим штатам армии и сроку службы подлежало призвать всего 150 тыс., или 21,4 проц. от всего числа призывников. Впоследствии это негативным образом отразилось на состоянии российских вооруженных сил: отсрочки и льготы все более затрудняли комплектование армии и флота. Выгодное когда-то соотношение между контингентом новобранцев и числом призывников постепенно ухудшалось. Так, в 1908 году в при-

зывные списки были внесены 1 млн. 282 тыс. человек, а новобранцев можно было принять лишь 456 тыс. Таким образом, если в 1874 году брали в армию одного новобранца из пяти призывников, то к 1912 году из 5 призывников необходимо было брать уже двух новобранцев. Но этому препятствовали многочисленные льготы. Недобор новобранцев год от года увеличивался: в 1901 году некомплект вооруженных сил составлял 2501 человек, в 1902-м — 2913; в 1903-м — 3350; в 1906-м — 21 578; в 1907-м — 19 557, в 1908-м — 17 926, в 1909-м — 21 234 человека⁵.

Стало совершенно ясно, что многочисленные отсрочки и льготы требуют законодательного пересмотра. В соответствии с законом 1912 года все льготы по исполнению воинской повинности были разделены на 4 категории: совершенное освобождение от военной службы; освобождение от военной службы в мирное время; отсрочка призыва; сокращенные сроки службы. Это распространялось на всех лиц призывного возраста, пользующихся льготами. Законодательно был закреплен следующий перечень льгот: по физическому состоянию; по семейному положению; по образованию; по званию и роду занятий; по имущественному положению, а также льготы для некоторых местностей и для отдельных народностей.

По физическому состоянию освобождались от службы юноши призывного возраста, имевшие недостаточный рост⁶, телесные недостатки или различные болезненные расстройства. Эта категория лиц признавалась совершенно неспособной к военной службе (за исключением умышленных членовредителей, которых лечили и отправляли в войска).

Лица, освобожденные от действительной военной службы по физическому состоянию, но способные носить оружие, зачислялись в ратники ополчения 2-го разряда, т.е., получая освобождение от службы в мирное время, они могли быть призваны при мобилизации для прохождения службы в тыловых частях и учреждениях. Лицам, оказавшимся недостаточно годными по состоянию здоровья для военной службы или не вышедшим от болезни, предос-

тавлялись отсрочки до двух лет. В случае, если они через два года оказывались неспособными к несению военной службы, то их освобождали от призыва совсем или зачисляли в ополчение.

Основной принцип предоставления отсрочек от призыва по семейному положению заключался в том, чтобы не давать полного освобождения тем призывникам, которые имели (в год призыва) младших братьев, близких к достижению трудоспособного возраста, или же старших братьев, еще находившихся на действительной военной службе, но подлежащих в этот год увольнению в запас. Благодаря этому в семье всегда находился трудоспособный человек. При этом следует иметь в виду, что неспособными к труду считались: совершенно не имеющие возможности работать вследствие увечья или болезненного расстройства; слепые; находящиеся в безвестной отлучке более трех лет; находящиеся по призыву не сверхсрочными на действительной военной службе нижними чинами⁷. Исходя из этого закон 1912 года определял четыре разряда льгот.

Льготы по первому разряду предоставлялись для: единственного сына в семье; единственного способного к труду сына при отце, к труду не способном, или при матери вдо-

ве; единственного способного к труду брата при одном или нескольких круглых сиротах братьях или незамужних сестрах; единственного способного к труду внука при бабушке или бабушке, не имеющих способного к труду сына; внебрачного, на попечении которого находится мать, или незамужняя сестра, или не способный к труду брат; вдовца-одиночки, имеющего одного или несколько родных детей.

Юноши, пользующиеся правом на льготу первого разряда, кроме лиц иудейского вероисповедания, на службу не призывались, а зачислялись в ополчение второго разряда.

Льготы по второму разряду получал единственный способный к труду сын, при отце, способном к труду, если отцу было 50 лет, и он не имел другого сына, достигшего 16 лет, либо состоявшего на действительной военной службе и подлежавшего увольнению в следующем году.

На льготы по третьему разряду имели право: единственный способный к труду сын при отце, способном к труду, если отцу было менее 50 лет, и он не имел другого сына, достигшего 16 лет, либо состоявшего на действительной военной службе и подлежавшего увольнению в следующем году, а также призывник, непосредственно следующий по возрасту за братом, погибшим во время

прохождения действительной военной службы или безвестно пропавшим на войне.

Четвертый разряд предусматривал льготы для: лица, непосредственно следующим по возрасту за братом, проходящим действительную военную службу и не подлежащем увольнению в следующем году; призывника, получившего льготы по одному из первых трех разрядов вследствие наличия другого члена семьи, достигшего 16-летнего возраста, либо проходящего действительную военную службу и подлежащего увольнению в следующем году.

Льготы 2, 3 и 4 разрядов имели лишь условное значение, так как давали право на освобождение от службы только при наличии достаточного для пополнения армии контингента призывного возраста, не имевшего льгот. Лица, имевшие льготы этих разрядов, зачислялись в ополчение первого разряда. Призывники, имевшие право на льготу или отсрочку по семейному положению, лишались этого права, если они, по заявлению отца или матери, бабушки или бабушки, не служили поддержкой семьи.

Сводные братья призывников, родившиеся от разных с ними отцов и матерей, в расчет не принимались, если они не служили поддержкой для семьи призывника.

ХРОНОГРАФ

1 августа 1916 года началось формирование флотилии Северного Ледовитого океана.

1 августа 1941 года приказом народного комиссара обороны СССР образованы Главное управление тыла, управления тыла фронтов и армий и утверждено Положение об этих управлениях. С 1998 года 1 августа отмечается как День Тыла Вооруженных Сил.

4 августа 1956 года на испытательной станции ИС-102 НИИХИММАШ проведены первые в нашей стране огневые испытания двигательной установки ракеты-носителя Р-7, которой затем впервые в мире выведен в космос первый искусственный спутник Земли.

5 августа 1941 года началась оборона Главной военно-морской базы КБФ — Таллина. Несмотря на мужественное сопротивление, моряки-балтийцы и воины 10-го стрелкового корпуса 8-й армии вынуждены были 28 августа оставить город. Корабли, транспорта и вспомогательные суда КБФ со значительными потерями прорвались в Кронштадт.

5 августа 1941 года началась оборона Одессы, которая возглавлялась на Приморскую армию (генерал-лейтенант И.Е. Петров). Прикрытие города с моря и огневую поддержку войск осуществляли отряд кораблей Черноморского флота и береговая артиллерия. Защитники

Одессы более чем на два месяца сковали у стен города до 18 дивизий противника, который потерял более 160 тыс. солдат и офицеров.

6 августа 1941 года первыми партизанами, удостоенными звания Героя Советского Союза, стали командиры белорусских партизанских отрядов Т.П. Бумажков и Ф.И. Павловский.

7 августа 1941 года состоялась первая радиопередача из цикла «Большой театр — фронту!». Перед микрофоном выступили ведущие артисты театра: В. Барсова, М. Михайлов, Н. Ханаев и другие.

7 августа 1941 года младший лейтенант В.В. Талалихин на И-16 одним из первых в истории авиации совершил ночной таран в небе над Москвой, уничтожив немецко-фашистский бомбардировщик Хе-111. 8 августа 1941 года В.В. Талалихину присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб в воздушном бою 27 октября 1941 года.

8 августа 1761 года — 245 лет назад — родился Андрей Дмитриевич Захаров, выдающийся русский архитектор, создатель комплекса зданий Главного адмиралтейства (Санкт-Петербург). Строительство началось в 1806 году, закончилось уже после смерти зодчего в 1823-м. Адмиралтейство стало символом северной столицы России. Его изображение — на лицевой стороне медали «За оборону Ленинграда». А.Д. Захаров умер 27 августа 1811 года.

Все даты приводятся по новому стилю

ЛЬГОТЫ по образованию заключались в предоставлении отсрочки от призыва или сокращения срока действительной военной службы. Отсрочкой пользовались лица призывного возраста, обучавшиеся в средних и высших учебных заведениях, причем первые имели право на отсрочку до 24 лет, а вторые — до 27—28 лет, в зависимости от срока обучения в вузе. Стипендиатам, командированным за границу, и лицам, оставляемым при высших учебных заведениях для подготовки к занятию ученых или учебных должностей, отсрочка предоставлялась до 30-летнего возраста. Однако при мобилизации все эти студенты и, говоря теперешним языком, аспиранты могли быть призваны в войска.

Что касается сокращения сроков действительной военной службы, то они были законодательно закреплены еще «Уставом о воинской повинности» 1874 года как льгота молодым людям, «выделяющимся по своему образованию из общей массы». Этим преследовались две цели: первая — поощрить стремление юношества к получению образования; вторая — привлечь в армию образованных молодых людей, которые, отбыв обязательный срок службы, могли бы затем остаться офицерами. По закону 1912 года лица с высшим и средним образованием могли служить только два

года, предварительно выдержав в течение этого срока экзамен на получение звания прапорщика или подпоручика, что способствовало пополнению офицеров запаса.

Особым положением в законе определялись права и обязанности лиц призывного возраста, имевших медицинское и ветеринарное образование. «Лица, имеющие степень доктора медицины или лекаря, магистра ветеринарных наук или фармацевта, ветеринара или провизора и при том пользующиеся правом на занятие в военном ведомстве соответствующих их специальности классовых военных должностей, состоят на действительной военной службе 2 года. По прослужении четырех месяцев в строю в нижнем звании, эти лица назначаются, без особого испытания... на указанные классные должности сверхштата сообразно приобретенным ими правом по образованию и оканчивают установленный двухлетний срок действительной военной службы в этих должностях, после чего зачисляются в запас на шестнадцать лет»⁸.

Вольноопределяющиеся также имели определенные льготы: в казарме они проживали в отдельных помещениях, а находившиеся на собственном содержании — на частных квартирах, они носили улучшенного качества одежду, а иногда — особую форму, име-

ли преимущества при поступлении в военные училища. При увольнении в запас вольноопределяющиеся первого разряда обязаны были сдавать экзамены на звание прапорщика запаса. Лица, успешно выдержавшие этот экзамен в период прохождения действительной военной службы, служили не два, а 1,5 года, при этом они могли отслужить эти 1,5 года сразу, или же прослужить 1 год и 3 месяца, а оставшиеся 3 месяца прослужить в войсках на следующий год уже офицерами. Вольноопределяющиеся, поступившие на военную службу в период с 15 по 31 декабря, проходили действительную военную службу непрерывно в течение 1 года и 8 месяцев.

Вольноопределяющиеся, отвечавшие требованиям, предъявляемым к офицерскому составу, имели право в случае успешной сдачи в конце первого года службы в нижнем звании экзамена на присвоение офицерского чина производиться по представлению начальства в прапорщики, и дослуживали срок действительной военной службы уже в офицерской должности. По окончании срока действительной военной службы вольноопределяющиеся, как нижние чины (рядовые), так и произведенные в прапорщики, переводились в запас и находились в запасе до окончания общего 18-летнего срока службы.

8 августа 1941 года Ставка Верховного Командования преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования под председательством И.В. Сталина. В ее состав входили: С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Н.Г. Кузнецов, Б.М. Шапошников. При Ставке был учрежден институт постоянных советников, которыми в разное время были Н.Ф. Ватутин, Н.А. Вознесенский, Н.Н. Воронов, А.А. Жданов, П.Ф. Жигарев, К.А. Мерецков, А.И. Микоян, другие политические и военные деятели.

8 августа 1941 года по решению Ставки ВГК по военным объектам Берлина был нанесен первый бомбовый удар советской авиацией с аэродрома «Кагул», расположенного на о. Сааремаа Моонзундского архипелага. 1 августа была сформирована авиагруппа в составе 10 самолетов ДБ-3 ВВС КБФ под командованием командира 1-го мино-торпедного полка полковника Е.Н. Преображенского, увеличенная позднее до 33 самолетов за счет ВВС Красной армии. 8 августа 15 самолетов (три группы под командованием полковника Е.Н. Преображенского, капитанов В.А. Гречишников и А.Я. Ефремова) нанесли первый бомбовый удар по Берлину. Все самолеты благополучно возвратились на аэродром. 9 августа был произведен второй удар по Берлину. 12 самолетов сбросили 72 бомбы и листовки. Налеты на Берлин продолжались до 4 сентября 1941 года.

8 августа 1941 года на Западный фронт в район Вязьмы выехала первая концертная бригада московских

актеров во главе с директором Мосэстрады Б.М. Филипповым. В составе бригады — В. Хенкин, М. Гаркави, И. Гедройц, Л. Русланова, Т. Каченко и другие артисты.

10 августа 1941 года в Москве закончил работу 1-й Всеславянский антифашистский митинг. Он определил цели международного славянского движения, провозгласил программу, принял обращение к славянским народам — бороться против фашизма — и решение о создании Всеславянского комитета. Писатель и академик Алексей Толстой выступил с речью «Весь славянский мир должен объединиться для разгрома фашизма». В митинге также участвовали писатели А. Фадеев, А. Корнейчук, Я. Купала и другие.

11 августа 1791 года — победа русской эскадры под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова над турецким флотом у мыса Калиакрия.

11 августа 1911 года — освящение храма во имя Христа Спасителя (Спас на Водах) в Петербурге, уникального храма-памятника морякам, погибшим в период Русско-японской войны 1904—1905 гг.

11 августа 1941 года был совершен первый в истории высотный таран (около 10 км). Летчик 6-го авиакорпуса ПВО лейтенант А.Н. Катрич на истребителе МиГ-3 таранил немецкий самолет «Дорнье-17», шедший к Москве. За мужество и героизм 28 октября 1941 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

(Окончание на с. 32-35)

Для лиц, не имевших соответствующего образовательного ценза, но пожелавших пройти военную службу до наступления призывного возраста, определялся порядок их призыва в качестве охотников. Главное требование: хорошее здоровье и возраст не менее 18 лет. Охотниками не принимались осужденные, находившиеся под следствием и под гласным надзором полиции.

Кроме перечисленных выше, существовали также льготы по званию и роду занятий. Так, от воинской повинности освобождались: священнослужители всех христианских вероисповеданий, а также православные псаломщики⁹, окончившие курс в духовных академиях, семинариях или в духовных училищах; настоятели и наставники старообрядческих и христианских общин, утвержденные в своих должностях правительственными структурами; некоторые лица магометанского духовенства¹⁰: академики, адъюнкты, профессора и некоторые другие лица из ученого и учебного персонала высших учебных заведений, пансионеры Императорской академии художеств, отправляемые за казенный счет за границу для усовершенствования образования, и лица, окончившие художественно-промышленные училища и отправленные для усовершенствования по своей специальности за границу.

Следует обратить внимание на тот факт, что по закону 1874 года большинство из лиц, перечисленных выше, освобождались от службы только в мирное время, зачисляясь при призыве в запас на 18 лет. В случае мобилизации они прибывали в войска совершенно неподготовленными, поэтому законом 1912 года они были освобождены от прохождения действительной военной службы вообще. Несмотря на то, что этим самым нарушался принцип всеобщности обязательной воинской повинности, это нарушение, по утверждению руководства военного ведомства, допускалось в интересах государства, тем более что количество лиц, освобождаемых по данной причине от службы, было незначительным: в 1909 году около 0,04 проц.¹¹

Если лица, освобожденные от военной службы по роду занятий, а также православ-

ные псаломщики оставляли занимаемые ими должности до достижения 30-летнего возраста, то они призывались для прохождения действительной военной службы на общем основании.

Кроме того, предусматривались и такие льготы, как сокращение сроков действительной военной службы до 2 лет. Это распространялось на лиц, занимающих в учебных заведениях должности, не дающие им право освобождения от исполнения воинской повинности; на преподавателей различных учебных заведений, содержащихся за счет казны городов, обществ, ведомств, сословий или частных лиц и существующих на одинаковых правах с государственными (исключая воскресные школы) учебными заведениями; на директоров воспитательно-исправительных заведений и учителей, преподающих определенные уставом этих заведений предметы.

В виде временной меры, до 1 декабря 1917 года, законодательно было допущено сокращение срока действительной военной службы до одного года для упомянутых выше категорий граждан, окончивших курс в высших учебных заведениях (или в учебных заведениях по подготовке учителей) и занимавших должности по учебной части в учебных заведениях с курсом обучения не ниже двухклассных начальных училищ.

Также освобождались от службы в мирное время с зачислением в запас флота на 10 лет подлежащие призыву на военную службу лоцманы и лоцманские ученики, имевшие эти звания по закону и действительно исполнявшие связанные с этим званием должности.

По имущественному и хозяйственному положению предоставлялась отсрочка от призыва на действительную военную службу не более чем на 2 года лицам, управляющим лично собственным недвижимым имуществом или принадлежащим им торговым, фабричным или промышленным заведениям (за исключением заведений, производящих мелкую продажу крепких напитков).

На основании особых положений отсрочки и льготы предоставлялись также переселенцам в отдельных местностях¹².

В заключение необходимо сказать, что совершенствование системы всеобщей воинской повинности в Российской Империи было одним из важнейших направлений укрепления боевой готовности армии и флота, и потому прежний опыт заслуживает внимательного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Охотники — лица, добровольно поступавшие на военную службу, несмотря на формальное освобождение их по закону от воинской повинности. В России в качестве охотников в армию имели право поступать лица, не принимавшиеся на военную службу как вольноопределяющиеся. В охотники зачислялись мужчины не старше 30 лет в мирное время и не старше 40 — в военное как на строевые, так и нестроевые должности. С 1912 г. охотниками в армию и на флот могли поступать лица, годные по состоянию здоровья, но не достигшие призывного возраста, освобожденные от действительной военной службы по семейному положению и по состоянию здоровья. Охотники состояли на казенном содержании и имели право на выбор рода войск в пределах разрядов.

² Вольноопределяющийся — военно-служащий, добровольно поступивший после получения высшего или среднего образования в армию и проходивший службу на льготных основаниях. В русской армии было два разряда вольноопределяющихся: 1) имевшие образование в объеме не ниже 6 классов среднего учебного заведения; 2) сдавшие экзамен по особой программе (приблизительно курс 4-классного училища). Первый разряд служил 1 год, второй — 2. Вольноопределяющиеся принимались на строевые должности во все рода войск; в гвардии они содержали себя на собственные средства.

³ Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженных сил. СПб., 1913. С. 142.

⁴ Там же.

⁵ Антонович Б.А. Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1990. № 11. С. 27.

⁶ Наименьший рост для призывника был определен в 2 аршина и 2,5 вершка (1 м 53 см); расписание же телесных недостатков и болезней, препятствующих призыву на службу, было изложено в особом Наставлении присутствиям (комиссиям) по воинской повинности.

⁷ Редигер А.Ф. Указ соч. С. 150.

⁸ «Устав о воинской повинности» от 23 июня 1912 г., ст. 38. 2-е Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ).

⁹ Псаломщик — церковнослужитель, помогающий священнику при проведении богослужений.

¹⁰ «Устав о воинской повинности» от 23 июня 1912 г. Ст. 46. 2-е ПСЗРИ.

¹¹ Редигер А.Ф. Указ соч. С. 158.

¹² «Устав о воинской повинности» от 23 июня 1912 г. Ст. 60. 2-е ПСЗРИ.

Полковник С.В. БАЙДАРОВ

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ И В ЭМИГРАЦИИ. 1917–1945 гг.

С конца 1917 года территория Оренбургского казачьего войска на два года стала ареной ожесточенной братоубийственной борьбы. Казачье офицерство, являвшееся для казаков не только начальством, но и безусловным авторитетом, сыграло в этих событиях особую роль.

выставленных войском в годы Гражданской войны, можно приблизительно определить в 800 человек — больше, чем было в годы Первой мировой войны¹⁰.

ПОСЛЕ расформирования русской армии на Южный Урал вернулись многие офицеры — выходцы из этих мест, служившие как в казачьих, так и в других частях. Нехватка офицерских кадров привела к ускоренному продвижению по службе младшего и среднего звена командного состава. В отношении чинов производства оренбургских казачьих офицеров обозначилась следующая закономерность. Казачьи штаб-офицеры за годы Гражданской войны, как правило, становились генералами, обер-офицеры — штаб-офицерами, а в обер-офицерских чинах оказывались либо офицеры военного времени производства периода Первой мировой и Гражданской войн, либо выслужившие за это время офицерский чин унтер-офицеры.

Нередко командирами полков становились обер-офицеры. Многие опытные старшие офицеры — ветераны нескольких войн, наоборот, оказывались на тыловых должностях. В итоге в период Гражданской войны на должностях младших офицеров, непосредственно общавшихся с рядовым казачеством, оказывались почти исключительно офицеры военного времени, часто из нижних чинов. Такое положение приводило к панибратским отношениям рядового и офицерского составов, падению авторитета офицера и, как следствие, выходу казаков из подчинения своим командирам.

Почти во всех казачьих полках нехватка обер-офицеров выражалась в двузначных

цифрах. 7 сентября 1918 года войсковой атаман полковник А.И. Дутов даже обратился к казачьим офицерам с призывом не покидать свои части¹. По данным на 15 октября 1918 года, некомплект офицеров в частях войска составлял не менее 63 штаб-офицеров и 801 обер-офицера².

Точных данных об общей численности оренбургских казачьих офицеров — участников антибольшевистского движения не имеется. Тем не менее на 11 июля 1918 года во 2-м и 3-м военных округах Оренбургского казачьего войска в антибольшевистском соприкосновении вне подчинения А.И. Дутову действовали 137 офицеров³. К 15 июля в распоряжении войскового атамана был 141 офицер⁴, на 23 августа, включая башкирские части, — 327 офицеров⁵. По данным на 21 сентября 1918 года, на фронтах Оренбургского военного округа числились уже 609 офицеров⁶.

4—5 октября 1918 года были изданы приказы об обязательной регистрации и мобилизации всех офицеров до 55 лет, находившихся на территории Оренбургского военного округа, не исключая отставных⁷. К 15 октября того же года в Оренбургском войске были мобилизованы 549 офицеров, 99 чиновников и врачей⁸. В войсках Московской группы армий на 1 октября 1919 года (т.е. уже после оставления территории войска) находились 205 оренбургских казачьих офицеров и генералов⁹. Таким образом, общее количество офицеров,

По нашим подсчетам, в борьбе с большевиками принимали участие 46 оренбургских казачьих генералов, причем подавляющее большинство из них (33 человека) получили генеральские чины уже в ходе Гражданской войны. Лишь один дослужился до чина полного генерала (генерал от артиллерии М.В. Ханжин), 6 офицеров (М.П. Бородин, А.И. Дутов, Г.П. Жуков, В.М. Панов, Н.Т. Сукин, Л.П. Тимашев) закончили службу в чине генерал-лейтенанта, остальные — генерал-майорами.

18(31) января 1918 года Оренбург пал, белые добровольческие отряды, состоявшие в основном из офицеров, казаков-стариков и учащейся молодежи, было решено распустить. Те, кто не пожелал сложить оружие, временно укрылись по станицам или отступили по двум направлениям: на Уральск (во главе с генеральным штаба генерал-майором К.М. Слесаревым) и на Верхнеуральск. Самому А.И. Дутову пришлось спешно покинуть войсковую столицу в сопровождении шести офицеров, забрав войсковые регалии. Несмотря на требования большевиков задержать А.И. Дутова и обещание вознаграждения за его поимку, ни одна станица не выдала войскового атамана.

За поддержку выступления А.И. Дутова казачьи офицеры сильнее других социальных групп Южного Урала пострадали от большевистского террора и насилий. 24 января 1918 года матросы расстре-

ляли юнкера А. Бабичева, который укрывался в монастыре у станции Платовка и, по их мнению, выпустил сигнальную ракету¹¹. В тот же день на одном из разъездов был расстрелян возвращавшийся с фронта к семье бывший командир 2-го Оренбургского казачьего полка генерал-майор П.В. Хлебников, ранее задержанный на станции Платовка и доставленный для краткого допроса в Оренбург¹². В своей квартире были убиты 67-летний генерал-лейтенант Ш.-И.-И.А.В. Кочуров и с ним бывший командир 12-го Оренбургского казачьего полка полковник М.Ф. Доможиров. С бывшего атамана 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта Н.А. Наследова на улице сорвали погони и избили. Лишь чудом 63-летнему генералу удалось добраться домой живым. На глазах собственных малолетних детей был убит есаул Г.М. Нагаев¹³. Расстреляны есаулы С.С. Полозов и А. Кручинин.

7 апреля 1918 года были расстреляны шесть штаб-офицеров 2-й Оренбургской гимназии военного ведомства, в том числе ее директор генерал-майор А.К. Ахматов¹⁴, отставной генерал-майор Ф.С. Воробьев, войсковой старшина Никитин¹⁵, полковник в отставке А.Н. Полозов (позднее сообщено, что расстрелян «по недоразумению»)¹⁶, сотник Н.В. Стрелковский.

Неподалеку от Оренбурга, в станции Сакмарской, в мае 1918 года были арестованы и расстреляны 14 человек, в том числе несколько казачьих офицеров¹⁷. Всего, по данным оренбургских эсеров, на городском кладбище Оренбурга за несколько недель власти большевиков были захоронены около 400 трупов¹⁸. Офицеров в Оренбурге брали в заложники, причем населению объявлялось, что за каждого убитого советского работника или красногвардейца будут расстреляны 10 человек (всего около 100 офицеров)¹⁹. В Верхнеуральске по оставлении его сторонниками А.И. Дутова также начались расстрелы офицеров, казаков, простых людей. По имеющимся сведениям, казнили около ста человек (в том

числе не успевшего покинуть город члена войскового правительства И.С. Белобородова, городского голову Верхнеуральска П.С. Полосина, войскового старшину П.Ф. Воротовова, протоиерея Громогласова)²⁰.

13 июня 1918 года на территории 3-го военного округа были расстреляны полковник К.Т. Кузнецов, окружной атаман войсковой старшина А.Н. Половников (родной брат начальника военного отдела войскового правительства и помощника А.И. Дутова генерал-майора В.Н. Половникова), войсковой старшина Д.М. Нагаев (25 марта 1918 г.), подъесаул П.В. Токарев, сотники А.М. Дерягин и И. Кожевников, хорунжие Н.И. Плотников, М. Елагин, А. Носов, прапорщики А. Матюнов, И.Ф. Плотников, П.И. Беспалов, офицер А. Нагаев²¹.

А.И. Дутов решил не покидать территорию войска и от-

Весной 1918 года, вне связи с А.И. Дутовым, на территории 1-го военного округа поднялось мощное повстанческое движение против большевиков, которое возглавили съезд делегатов 25 объединенных станиц и штаб фронтов во главе с войсковым старшиной Д.М. Красноярцевым. 28 марта в станице Ветлянская казаками был уничтожен отряд председателя совета Илецкой защиты П.А. Персиянова, 2 апреля в станице Изобильная — карательный отряд председателя Оренбургского ВРК С.М. Цвиллинга, а в ночь с 3 на 4 апреля отряд войскового старшины Н.В. Лукина совершил налет на Оренбург, заняв город на некоторое время и нанеся красным ощутимые потери. В результате только на территории 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска к июню 1918 года в повстанческую борьбу были во-

СУДЬБЫ казачьих офицеров, оставшихся в советской России или возвратившихся из эмиграции, сложились трагично. Практически все они были репрессированы в 1930-е годы.

правился в Верхнеуральск, расположенный вдали от крупных дорог и дававший возможность сформировать новые силы против большевиков. Основу нового формирования составили партизанские отряды войсковых старшин Г.В. Енборисова и Ю.И. Мамаева, подъесаулов В.А. Бородин и К.Н. Михайлова. 29 января 1918 года в Верхнеуральске открылся 2-й чрезвычайный войсковой круг Оренбургского казачьего войска. А.И. Дутов высказался за создание в войске офицерских отрядов. Было постановлено также, что офицеры не должны снимать погони.

На территории 2-го (Верхнеуральского) военного округа отряды А.И. Дутова держались до середины апреля, когда казаки были вынуждены под ударами превосходящих сил красных под командованием В.К. Блюхера уйти вместе с семьями в шестисотверстный поход на юго-восток, в Тургайские степи.

влечены свыше 6000 казаков. Также здесь находились офицеры, ранее ушедшие из Оренбурга в Уральское казачье войско.

При этом повстанческие части отличались низкой дисциплиной, командный состав был выборным. В результате казаки иногда не исполняли приказы вышестоящего начальства.

В конце мая к движению сопротивления присоединились казаки 3-го военного округа, поддержанные чехословаками. 3 июля 1918 года повстанческие отряды освободили Оренбург. Под натиском повстанцев войска красных под командованием В.К. Блюхера, Н.Д. Каширина и Г.В. Зиновьева отступили из-под Оренбурга на север, в район Белорецка и на юг, в Туркестан. 7 июля из Тургай в город вернулся полковник А.И. Дутов. Руководители повстанческих отрядов признали его войсковым атаманом.

Освобождение территории войска от большевиков шло с

А.И. Дутов

А.С. Бакич

И.Г. Акулинин

Г.П. Жуков

двух сторон: на юге оно осуществлялось повстанческими отрядами оренбургских казаков, а на севере — соединенными силами казаков и частей восставшего против большевиков Отдельного Чехословацкого стрелкового корпуса. Причем оренбургские казачьи части на севере действовали в составе Сибирской армии и в подчинении временного сибирского правительства, а на юге — в составе частей А.И. Дутова, признавшего Самарский комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч). Несмотря на существовавшие противоречия между этими силами антибольшевистского лагеря, к осени 1918 года практически вся территория Оренбургского казачьего войска оказалась под контролем казаков.

Многие офицеры в этот период заняли выжидательную позицию (например, генерал-лейтенант М.В. Ханжин, не принимавший до июля 1918 года участия в вооруженной борьбе и проживавший с семьей на территории войска). При этом все офицеры до 48 лет (пределный возраст — 55 лет) обязаны были нести службу. Не получившие назначения в строевые части составляли войсковой офицерский резерв.

Лето 1918 года характеризовалось переориентацией политики А.И. Дутова с Комуча на Временное сибирское правительство и изменением его политического курса. Указом войскового правительства от 12 августа было провозглашено образование в составе Российской Федеративной республики (как будущей

формы государственного устройства, утвержденной всеми войсковыми кругами) особой Области войска Оренбургского, т.е. создана казачья автономия, впоследствии признанная адмиралом А.В. Колчаком. В этот период оренбуржцы сражались вместе с частями народной армии на Волге, дрались на ташкентском и других направлениях, участвовали в освобождении Екатеринбурга. 28 сентября 1918-го казаки взяли Орск — последний из городов на территории войска, занятых большевиками. В сентябре 1918 года в Уфе прошло государственное совещание, на котором было сформировано Временное всероссийское правительство (директория).

Во второй половине 1918 — первой половине 1919 года в ожесточенной борьбе на Урале решалась дальнейшая судьба России. 17 октября 1918 года из оренбургских и уральских казачьих частей была образована Юго-Западная армия (командующий — А.И. Дутов, уже в чине генерал-лейтенанта). Осенью того же года по освобождению территории войска большинство казаков посчитали свою задачу выполненной и стремились разойтись по станицам, чтобы заняться своим хозяйством, что оказалось на руку большевикам и способствовало их успехам на фронте.

А.И. Дутов одним из первых после омского переворота 18 ноября 1918 года признал власть адмирала А.В. Колчака. Однако именно Оренбургское войско больше других пострадало от последствий этого переворота. В Оренбурге деяте-

ли партии социалистов-революционеров, лидеры национальных окраин (тоже придерживавшиеся социалистической ориентации), а также представители «демократической» оппозиции оренбургского казачества генерально-го штаба полковник Ф.Е. Махин и полковник К.Л. Каргин готовили заговор против А.И. Дутова. Случайно заговор был раскрыт и вооруженный переворот не удался. Впоследствии, в феврале 1919 года, башкирские части под влиянием участника заговора, лидера башкир А.-З. Валидова перешли на сторону красных, ослабив фронт Оренбургского казачьего войска.

28 декабря 1918 года Юго-Западная армия была реформирована в Отдельную Оренбургскую армию (общая численность — 18 728 человек при 53 орудиях и 319 пулеметах — по данным на 18 января 1919 г.), на положении которой вскоре оказались осенние неудачи белых на Волге. Весной 1919 года войска А.И. Дутова вновь перешли в наступление с целью занять Оренбург, оставленный белыми в январе. Однако осада города затянулась и к успеху не привела. 23 мая 1919 года из Отдельной Оренбургской армии, Оренбургского военного округа на театре военных действий и Южной группы Западной армии была образована Южная армия (командующий — генерал-майор П.А. Белов*).

* Настоящее имя — Виттекопф Ганс Альфредович. Сменил имя и фамилию во время Первой мировой войны.

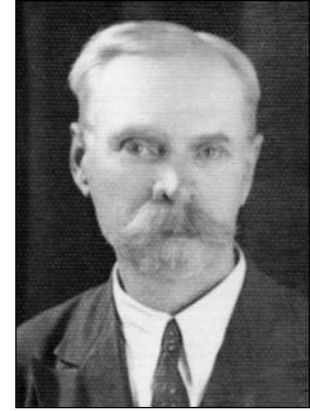
М.В. Ханжин

В.Н. Половников

Н.Д. Каширин

В.В. Кручинин

К осени 1919 года главные силы армии оказались зажатými на линии Ташкентской железной дороги между Актюбинском на севере и станцией Аральское море на юге. Чтобы не быть уничтоженными, войска начали отход на запад и на восток от дороги. При отступлении с территории Оренбургского казачьего войска в конце августа — первой половине сентября в районе Оренбург — Актюбинск в плен красным сдались до 57 тыс. человек, в основном военнослужащих Южной армии. Это были главным образом оренбургские казаки, не пожелавшие покинуть территорию войска и уйти в Туркестан.

18 сентября 1919 года Южная армия, войскам которой пришлось отступать на Тургай, была переименована в Оренбургскую (командующий — вновь генерал-лейтенант А.И. Дутов). В частях свирепствовал тиф. К середине октября в строю осталось не более 50 проц. личного состава. От Тургая предстояло пройти еще свыше 400 верст по степи до ближайших населенных районов Акмолинской области. Расположившись в октябре 1919 года вблизи городов Атбасар и Кокчетав, войска армии планировали нанести фланговый удар по красным у Петропавловска, но в середине ноября отступление продолжилось уже на Каркаралинск и Семипалатинск.

1 декабря красные заняли Семипалатинск, и частям Отдельной Оренбургской армии (такое название — с начала ноября 1919 года) пришлось отступать на Сергиополь, в районе которого располага-

лись части Отдельной Семиреченской армии генерал-майора Б.В. Анненкова. В начале января 1920 года отдельная Оренбургская армия преобразована в отдельный отряд имени атамана А.И. Дутова под командованием генерал-майора А.С. Бакича, войдя в состав Отдельной Семиреченской армии. В марте 1920 года вскоре после падения Сергиополя отряд покинул пределы бывшей Российской Империи, перейдя китайскую границу в районе города Чугучак.

Оренбургские казаки сражались и на других театрах военных действий — участвовали в Сибирском Ледяном

ский взвод и инженерное отделение. Во время 1917—1919 годов в училище постоянно обучались от 160—320 юнкеров. В начале 1919 года училище было эвакуировано на восток России и позднее разместилось в Иркутске²². К июлю 1919 года оно выпустило 285 офицеров; по состоянию на 18 июля, в нем обучались 100 юнкеров (по штату полагались 320)²³.

Взаимоотношения внутри офицерского корпуса также были далеко непростыми. Существовало деление на казачьих и неказачьих офицеров, причем некоторые представители каждой из групп с недоверием относи-

НЕСМОТЯ на требования большевиков задержать А.И. Дутова и обещание вознаграждения за его поимку, ни одна станция не выдала войскового атамана

походе и в боевых действиях на Дальнем Востоке (вплоть до конца 1922 г.). Оренбургский казачий полк, сформированный из казаков, существовал и в составе 3-й Русской армии в Польше (1920 г.).

В период Гражданской войны подготовка казачьих офицерских кадров осуществлялась в Оренбургском военном училище. В связи с общей нехваткой офицеров в Белой армии и отсутствием учебной базы для их подготовки казачье училище было преобразовано в общевоенное, где помимо подготовки казачьих офицеров были сформированы пехотная рота, кавалерийский эскадрон, артиллерий-

лись к другим. Этому вопросу, несмотря на традицию скрывать внутренние ведомственные противоречия, осенью 1918 года даже был посвящен специальный материал в «Оренбургском казачьем вестнике»²⁴.

Конфликты существовали и среди собственно казачьих офицеров. В частности, в конце октября — начале ноября 1918 года разгорелся острейший конфликт между генерал-майором Г.П. Жуковым и его штабом, с одной стороны, и начальником 1-й Оренбургской казачьей дивизии генерал-майором Д.М. Красноярецевым — с другой. Подоплека конфликта заключалась в не-

П.В. Хлебников

Г.В. Енборисов

Л.Н. Доможиров

Н.С. Анисимов

яности вопроса о подчиненности дивизии Д.М. Красноярцева. Вопрос пришлось улаживать на уровне войскового атамана и правительства²⁵.

К серьезным конфликтам с другими старшими офицерами в 1918—1919 гг. приводили действия войскового атамана А.И. Дутова. По возвращении из Тургайского похода атаман и его окружение, участвовавшее в походе, стало во главе антибольшевистского движения в войске, тогда как участники повстанческой борьбы, не покидавшие в отличие от А.И. Дутова войска, оказались на вторых ролях, что привело к расколу в офицерской среде. Войсковому атаману повезло — руководителями казаков-повстанцев были, в большинстве своем, безвестные обер-офицеры, которые не могли соперничать с заслуженными штаб-офицерами с академическим образованием, ушедшими с ним в Тургай. Не в пользу повстанческих лидеров было и то, что они сильно тяготели к партизанским методам борьбы. Все эти факторы предопределили слабость и заведомую обреченность оппозиции в борьбе за власть в войске.

В периоды военных неудач среди офицеров появлялись сомнения в целесообразности продолжения борьбы с большевиками. К примеру, есть сведения, что состоявший в распоряжении войскового штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Л.Н. Доможиров, выступая весной 1919 года на станичном сходе в станице Кизильской, говорил казакам о бесперспективности борьбы с

красными²⁶. Некоторые офицеры, в особенности осенью 1919 года, дезертировали из частей и переходили на сторону красных. Имели место даже случаи массовой сдачи в плен. Так, Ф.А. Богданов в чине полковника командовал 2-й Отдельной Оренбургской казачьей бригадой. 8 сентября 1919 года вместе с бригадой в полном составе (в том числе 80 офицеров, всего более 1500 сабель) и со всем вооружением он перешел на сторону красных. В ночь на 22 сентября председателю ВЦИК М.И. Калинину, прибывшему на фронт, были представлены Ф.А. Богданов и другие перешедшие к красным казачьи офицеры, которые «горячо благодарили за прием, оказанный советской властью, каялись в своих ошибках, клялись честно служить народу, защищать со-

бургских казаков в Харбине. Однако после падения белого Приморья стало известно, что Н.С. Анисимов растратил войсковые капиталы. Еще осенью 1920 года от атамана Г.М. Семенова он получил свыше 100 тыс. золотых рублей на поддержку оренбуржцев в Синьцзяне, однако этих денег А.С. Бакич и А.И. Дутов для своих отрядов практически не получили. Лишь впоследствии в результате расследования деятельности Н.С. Анисимова, проведенного ревизионной комиссией под председательством надворного советника П.С. Архипова, были выявлены факты хищений большей части этих средств (57 тыс. руб.)²⁸. Ему было выражено недоверие, а войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков 16 февраля 1923 года избрали бывшего помощника А.И. Дутова

А.И. ДУТОВ одним из первых после омского переворота 18 ноября 1918 года признал власть адмирала А.В. Колчака. Однако именно Оренбургское войско больше других пострадало от последствий этого переворота

ветскую власть»²⁷. В дальнейшем бригада Ф.А. Богданова успешно действовала в составе РККА.

Когда 7 февраля 1921 года в Суйдине был убит А.И. Дутов, возникла проблема преемственности атаманской власти. Заместителем атамана с 1 марта 1921 года стал генерал-майор Н.С. Анисимов, избранный на этот пост организационным собранием орен-

бургского штаба генерал-майора И.Г. Акулинина. Впоследствии Н.С. Анисимов перешел на сторону большевиков и 5 апреля 1925 года с группой казаков угнал из Шанхая в СССР пароход «Монгугай».

После гибели А.И. Дутова резко усилилось разложение белых отрядов в Западном Китае, прежде всего отряда самого атамана в Суйдине. Неприглядную картину являло

собой поведение офицеров отряда в те годы. Пьянство, кражи, драки и разврат стали чертами повседневной жизни. Новый атаман генерал И.Г. Акулинин считал необходимым «употребить все усилия на то, чтобы казаки, разметавшись по разным странам, не превратились в человеческую пыль, а наоборот — сохранили между собою тесную спайку и в нужный момент выявили свое казачье лицо»²⁹. Свой пост войскового атамана зарубежных оренбургских казаков И.Г. Акулинин, судя по всему, сохранял до самой смерти в 1944 году³⁰.

С исходом в эмиграцию борьба оренбургского казачества против большевиков не прекратилась, а лишь приобрела иные формы. Само существование зарубежной России было вызовом большевистскому режиму. Уже в 1920 году в Харбине оренбургские казаки создали так называемую рабочую артель, переименованную в 1922 году в Оренбургскую казачью дальневосточную станицу — первое казачье объединение в Маньчжурии (атаман — есаул А.Я. Арапов). В 1924 году в Харбине была образована Оренбургская имени атамана А.И. Дутова станица (атаман — генерал-майор В.В. Кручинин). В 1927 году обе станицы объединились. Оренбургские казаки в 1923 году вошли в состав Восточно-Казачьего союза с центром в Харбине (председатель правления — оренбургский казак полковник Г.В. Енборисов). В 1930—1940-х годах оренбуржцы входили в Союз казаков на Дальнем Востоке, некоторое время возглавлявшийся генерал-майором А.В. Зуевым (с 1937 года — атаман Оренбургской имени атамана А.И. Дутова станицы).

Наиболее благоприятным периодом существования оренбургской казачьей эмиграции на Дальнем Востоке были 1930-е годы, когда казаки уже сумели адаптироваться к новым условиям существования, активизировали исследовательскую и просветительскую работу. В этот период в Харбине выходили однодневные газеты и сборники, публиковавшие мемуары и исследования по истории

войска, в том числе периода Гражданской войны. Именно в 1930-е годы в Китае вышли воспоминания генералов И.Г. Акулинина и А.В. Зуева, полковника Г.В. Енборисова.

В общей сложности в эмиграции оказались около 1500 офицеров — участников антибольшевистского движения оренбургского казачества (не только казачьих офицеров). В 1930-х годах в составе Союза казаков на Дальнем Востоке числились 109 офицеров-оренбуржцев, проживавших в Маньчжурии³¹. Сколько из них были природными казаками, сейчас сказать трудно. В годы Второй мировой войны часть оренбургских казаков, включая генерала И.Г. Акулинина, поддержала Германию в борьбе с СССР. Со вступлением советских войск в Маньчжурию в 1945 году основные центры антисоветского движения оренбургского казачества были ликвидированы, часть казаков бежала на Филиппины, в Австралию, США.

Судьбы казачьих офицеров, оставшихся в советской России или возвратившихся из эмиграции, сложились трагично. Практически все они были репрессированы в 1930-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39512. Оп. 1. Д. 72. Л. 35.

² Подсчитано по: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 106. Л. 1—5.

³ Подсчитано по: РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 4. Л. 98, 98 об.

⁴ *Войнов В.М.* Офицерский корпус белых армий на Востоке страны (1918—1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 57.

⁵ РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

⁶ Там же. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 1; Народное дело. 1918. № 71. 6 окт. С. 2.

⁸ Подсчитано по: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 106. Л. 1—5.

⁹ Подсчитано по: РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 193. Л. 27 об., 28—33, 33 об.

¹⁰ *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 257.

¹¹ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 7924. Оп. 1. Д. 158. Л. 112.

¹² 2-й Оренбургский казачий воевода Нагого полк в документах и фотографиях (*Публ. Семенова В.Г.*) // Гостиный Двор (Калуга). 1997. № 5. С. 218.

¹³ *Шмотин М.П.* Славный подвиг казаков-оренбуржцев // Оренбургский казак (Харбин), 1937. С. 42.

¹⁴ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 255 об.

¹⁵ Предположительно речь идет о Филиппе Ивановиче Никитине (1856 — не позднее 1918), впрочем, находившемся уже в годы Первой мировой войны в чине полковника.

¹⁶ *Г.Ц.* Большевистские дни Оренбурга // Яицкая Воля (Уральск). 1918. № 151. 11(24) авг. С. 1.

¹⁷ Оренбургский казачий вестник. 1918. № 55. 8 сент. С. 4.

¹⁸ *Сафонов Д.А.* Легенда о «казачьем мятеже» // 1743. Историко-литературный альманах (Оренбург). 2000. № 1. С. 57.

¹⁹ *Коростелев А.А.* Мои встречи с С. Цвиллингом // За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С. 64.

²⁰ *Полосин М.П.* 1918 год (из воспоминаний обывателя) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 265; *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937. С. 54, 79.

²¹ *Кривошеков А.* Памяти мучеников за казачество // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 110. 14 июня. С. 2; *Кобзов В.С.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска в 1918—1919 гг. // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. М., 2003. С. 70.

²² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

²³ *Симонов Д.Г.* К вопросу о комплектовании армии адмирала А.В. Колчака командными кадрами // История «белой» Сибири. Тезисы научной конференции (7—8 февраля 1995 г.). Кемерово, 1995. С. 49; *Петров А.А.* Португей-юнкера адмирала Колчака // История «белой» Сибири. Материалы 6-й научной конференции. 7—8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005. С. 73.

²⁴ Оренбургский казачий вестник. 1918. № 49. 1 сент. С. 5.

²⁵ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 72. Л. 242, 243.

²⁶ Там же. Д. 32. Л. 30.

²⁷ Цит. по: *Тимошков С.* Разгром Южной армии Колчака // Воен.-истор. журнал. 1940. № 3. С. 53.

²⁸ *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 114, 115, 119, 120.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5872. Оп. 1. Д. 214. Л. 2.

³⁰ В 1937 и 1939 году И.Г. Акулинин упоминался как заместитель войскового атамана Оренбургского казачьего войска. См.: ГА РФ. Ф. Р-6711. Оп. 1. Д. 23. Л. 42 об; Часовой. 1939. № 228—229. 1 февр. С. 3.

³¹ Подсчитано по: Справочник-список руководящего и рядового состава — членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск, 1950. С. 3—321.

А.В. ГАНИН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ И РЕЗЕРВОВ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ В 1941—1945 ГГ.

ОДНИМ из главных направлений в деятельности местных органов Советской власти в годы Великой Отечественной войны стала своевременная подготовка боевых резервов для Вооруженных Сил страны.

17 сентября 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»¹, в соответствии с которым 1 октября того же года вводилось обязательное военное обучение всех граждан СССР мужского пола с 16 до 50 лет. Обучение осуществлялось вневоинским порядком без отрыва от работы на фабриках, заводах, в совхозах, колхозах, учреждениях. В составе Наркомата обороны образовывалось Главное управление всеобщего военного обучения (всевобуч), в военных округах, в областных (краевых, республиканских) военкоматах создавались отделы всевобуча.

Местные партийные организации должны были обеспечить быстрое развертывание органов всевобуча, решить вопросы создания для них учебной, материально-технической базы, выделения соответствующих кадров. «Осуществление этого мероприятия, — писала в те дни "Красная звезда", — имеет огромное значение для всего хода нашей Отечественной войны против германского фашизма... Под знамена доблестной Красной армии придут новые миллионные резервы, обученные ведению современного боя»².

Местные Советы депутатов трудящихся совместно с военными комиссариатами приступили повсеместно к организации подготовки боевых резервов для фронта. Обучение строилось по территориально-производственному принципу. Занятия проводились по 110-часовой программе, которая давала обучаемым военные знания и

практические навыки в объеме одиночной боевой подготовки. В зависимости от числа обучавшихся на данном военно-учебном пункте личный состав сводился во взводы, роты, батальоны и полки. Готовились бойцы-специалисты: истребители танков, снайперы, автоматчики, пулеметчики и др.

Военное обучение проводилось непосредственно на производстве, в оборудованных для этого военно-учебных пунктах (ВУПах). Советы, их оборонные комиссии совместно с партийными органами³ создавали боевые группы по изучению военного дела, специальные краткосрочные школы, где готовили командный состав для всевобуча. Привлекались значительные силы специалистов разных профилей, прежде всего командный и политический состав запаса (например, в Краснодарском крае: старших офицеров — 7 человек, офицеров — 302, младших офицеров — 884, рядовых — 1183)⁴.

Председателям исполкомов Советов, секретарям городских и районных комитетов партии предписывалось выделить соответствующие помещения под сборные пункты и оборудовать их для проведения занятий по военной подготовке⁵. Советы помогали военным комиссариатам оборудовать помещения для занятий, подбирать командный и политический состав, разрабатывать учебные пособия, строить стрелковые тир. Несмотря на нехватку бумаги, для подразделения всевобуча издали большими тиражами 18 различных брошюр. Среди них: «Овладевай штыковым боем», «Ручной пулемет», «Автомат», «Винтовка»⁶ и др.

В результате активной работы местных Советов к началу обучения по стране создали и обеспечили оружием и материально-техническим имуществом свыше 18 тыс. ВУПов, привлекли для

работы из запаса более 65 тыс. командиров и политработников⁷.

Незадолго до принятия постановления ГКО бюро ГК ВКП(б) Ленинграда вынесло решение одновременно с мобилизацией начать обучение военному делу мужчин в возрасте от 17 до 55 лет, не занятых на оборонных работах. Советы депутатов трудящихся города направили своих представителей на все крупные предприятия. В результате заработали 102 военно-учебных пункта, в которых обучались 107 тыс. рабочих и служащих, зачисленных в резервную армию народного ополчения⁸.

СОВЕТЫ Куйбышевской области пошли по другому пути. В октябре 1941 года они развернули массово-политическую работу среди населения по разъяснению постановления ГКО. Их целью было убедить каждого гражданина области, способного носить оружие, в необходимости овладеть военным делом и стать достойным защитником Родины. В целом к 1 декабря 1941 года военным обучением в области были охвачены 61 486 человек. По плану отдела всевобуча областного военного комиссариата предусматривалось подготовить 33 500 человек, на самом деле обучили 57 490⁹. К подготовке в первую очередь привлекались призывники и военнообязанные. Советские органы области согласно заданию, предусмотренному планом, создали условия для обучения 19 855 стрелков, 10 200 пулеметчиков, 1160 минометчиков, 1125 истребителей танков, большого количества резервистов других военных специальностей¹⁰.

Исполнительные комитеты городских Советов Куйбышевской области выделили и оборудовали помещения под сборные пункты. Они помогли облвоенкомату провести учет всего контингента, подлежащего военному

обучению, подобрать командный состав, установить порядок и сроки проведения занятий. Депутаты, активисты Советов составляли списки, осуществляли оповещение. Ход и результаты этой работы освещались на страницах газеты «Волжская коммуна», в городских и районных изданиях¹¹.

Уже в сентябре 1941 года Советами Ярославской области было решено к концу месяца провести точный и полный учет всех граждан в возрасте от 16 до 50 лет, обязанных пройти военную учебу. Военкоматы выявляли с помощью советского актива младший, средний командный и политический составы запаса для привлечения его к обучению населения. Исполком областного Совета занимался подбором преподавательского состава, организацией ВУПов и других мест для занятий, обеспечивая их мебелью, наглядными пособиями, определяя дни и часы занятий¹².

Местные органы государственной власти Ростовской области, работавшие в особенно сложных условиях, накопили немалый опыт организации всеобщей учебы. Здесь бойцы не призывались в армию до окончания обучения, во всех подразделениях была установлена строжайшая дисциплина, при изучении военного дела учитывался боевой опыт. Командно-политический состав для проведения занятий выделялся без замены. Между подразделениями всеобщей учебы, а также отдельными бойцами организовывалось соревнование

за отличное усвоение программы. Регулярно выпускались боевые листки, стенгазеты, освещавшие ход учебы.

Непосредственно участвуя в организации военного обучения граждан 1926 и 1927 года рождения и более старших возрастов, Советы Ростовской области поставили перед собой цель, используя опыт прифронтовых и тыловых областей страны, обеспечить военную и политическую подготовку призывников. Обучение в области началось с 1 апреля 1943 года также по 110-часовой программе. Занятия проходили 5 раз в неделю по 4 часа в день без отрыва от производства. Военные отделы городских и районных комитетов партии оказывали помощь военкоматам в подборе лучших командиров и политработников для ВУПов. Опыт Советов Ростовской области показал, что проведение всеобщей учебы было возможно и необходимо даже на оккупированной территории.

Как только тот или иной район освобождался от захватчиков, местные Советы сразу приступали к работе. 10 января 1944 года, вскоре после освобождения Киева, исполком городского Совета принял решение «О проведении в городе всеобщего военного обучения»¹³. Аналогичный вопрос ранее был решен Сталинградским обкомом ВКП(б) после освобождения области. В результате только Славянск, Краматорск и Лиманский район дали фронту свыше 97 тыс. готовых бойцов¹⁴.

СОВЕТЫ депутатов трудящихся, оборонные комиссии, многочисленный актив уделяли большое внимание ознакомлению обучаемых с боевым опытом. Например, на бюро ЦК ВКП(б) Таджикистана отмечались хорошие результаты встреч населения с фронтовиками, Героями Советского Союза¹⁵. Данная форма работы широко практиковалась и в других регионах. В Уральском военном округе в 1944 году прошли 992 встречи, в Москве — 411, в Харьковском военном округе — 123¹⁶.

Все годы войны местные Советы оказывали всестороннюю помощь Главному управлению всеобщей учебы по осуществлению контроля за качеством обучения. По архивным документам, контроль был частым в конце 1941 — начале 1942 года, когда положение на фронте оставалось очень сложным. Было проверено 93 областных, краевых и республиканских, 126 городских и 464 районных военкоматов, 2464 ВУПа, 138 вузов, 38 техникумов, 1365 средних школ, 300 училищ системы трудовых резервов, а также проконтролировано 645 занятий с командным составом и 942 показательных занятия с бойцами всеобщей учебы¹⁷. По результатам проверки лучшими были признаны военные учебные пункты Москвы, Ленинграда, Ярославля, Ульяновска, Тамбовской и Горьковской областей, Удмуртской АССР.

Архивные материалы свидетельствуют о высокой результа-

ХРОНОГРАФ

(Окончание. Начало на с. 22-23)

11 августа 1941 года началась наступательная операция войск Западного фронта на смоленском направлении против 9-й полевой армии и 3-й танковой группы противника. В операции приняли участие 16-я, 19, 30 и 20-я армии. Боевые действия развернулись на участке 320 км (фронт наступления от 80 до 120 км). Правофланговые 22-я и 29-я армии Западного фронта в это же время начали сдерживающие оборонительные бои в районе Великие Луки, Торопец. Наступательная операция на смоленском направлении и сдерживающие оборонительные бои на великолукском явились составной частью Смоленского оборонительного сражения.

13 августа 1911 года в г. Умань, ныне Черкасской обл., Украина, родился Алексей Иванович Радзиевский, генерал армии (1972), Герой Советского Союза (1978). В Красной армии — с 1929 года. В Великую Отечественную войну — начальник штаба кавалерийских дивизий, корпуса, 2-й танковой армии, а затем ее командующий. С 1950 года — главнокомандующий Северной группой войск, с 1952-го — командующий войсками Туркестанского военного округа, с 1953-го — бронетанковыми и механизированными войсками Советской армии, в 1954—1959 гг. — командующий войсками Одесского военного округа, 1-й заместитель начальника Военной академии Генерального штаба ВС СССР, начальник Главного

управления военно-учебных заведений МО СССР, в 1969—1978 гг. — начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе. Умер 30 августа 1979 года.

14 августа 2001 года Главному испытательному центру (испытаний и управления космическими средствами) присвоено почетное наименование имени Г.С. Титова.

15 августа 1896 года в г. Кишиневе, Молдавия, родился Иона Эммануилович Якир, командарм 1 ранга (1935). В Красной армии — с 1918 года. В Гражданскую войну — командир красногвардейского отряда, комиссар стрелковой бригады, член РВС 8-й армии, командовал Южной группой войск 12-й армии, Фастовской, Злочевской, Львовской группами войск и 14-й армией. После войны командовал войсками Крымского района, Киевского военного округа и Киевского района. С 1923 года — командир и комиссар стрелкового корпуса, начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА, командующий войсками Украинского (позже Киевского) военного округа. В 1930—1934 гг. — член РВС СССР. Репрессирован и расстрелян 12 июня 1937 года. Реабилитирован в 1957 году.

15 августа 1946 года на базе 92-го гвардейского мотострелкового Гомельского полка из состава Группы советских войск в Германии сформировано первое ракетное соединение Вооруженных Сил СССР, вооруженное баллистическими ракетами (БР) дальнего действия (22-я бригада особого назначения Резерва Верховного Главного Командования (РВГК)).

тивности обучения в системе ВУ-Пов. Показательны цифры по Таджикистану: успеваемость в республике в среднем составила 94,7 проц. В частности, по тактической подготовке — 95,5 проц., стрельбе из винтовки — 81,9 проц., штыковому бою — 93,1 проц., знанию материальной части оружия — 96,4 проц., саперной подготовке — 95,1 проц. и т.д.¹⁸

В докладной записке ЦК КП(б) Грузии о результатах всеобщего написана следующее: во всех районах республики занятия начались 1 октября 1941 года. Занятия на сборных пунктах прошли организованно: в Кировском районе г. Тбилиси на них явились все граждане, в Ленинском районе — 97 проц., районе Имени 26 бакинских комиссаров — 96,4 проц., Сталинском районе — 95 проц., Карельском было создано 7 ВУПов, в которых обучался 661 человек¹⁹.

Архивные документы содержат и негативные факты. Так, в запущенном состоянии оказался процесс военного обучения в ряде районов Бурят-Монгольской АССР. Военным специальностям планировалось обучить почти 30 тыс. человек, на самом деле их оказалось 17,5 тыс. На 317 ВУПах занятия начались лишь 5—10 октября 1941 года²⁰. Местные органы Советской власти в этом регионе проявили неразворотливость, ждали указаний сверху, что и привело к серьезным упущениям в столь важном государственном деле. Обеспечение ВУПов всем необходимым закончилось лишь во второй по-

ловине января 1942 года. Районы республики спланировали занятия тоже по-разному. Например, Северо-Байкальский район составил план обучения из расчета 20 ч в неделю, а Селенинский и ряд других — 6 ч.

Некоторые органы военного управления Бурят-Монгольской АССР, по отношению к которым было ослаблено внимание со стороны местных Советов, пытались даже искусственно сократить контингент обучающихся с 17 500 до 7500 человек, изменить профиль их подготовки. Все это осложняло работу в системе всеобщего. Соответственно и результат был посредственный. К моменту проведения зачета первой очереди обучающихся по военным специальностям выяснилось, что всего в республике осталось 224 ВУПа с 8508 обучающимися²¹. Кроме того, нельзя назвать действенной помощью этой республике со стороны Центрального совета Осоавиахима в октябре 1941 года²². В январе 1942 года материальное обеспечение подготовки резервов для Красной армии несколько улучшилось благодаря усилиям местных Советов республики²³.

Первая очередь обучения военному делу в Бурят-Монгольской АССР закончилась к 1 марта 1942 года. По плану нужно было подготовить: стрелков — 15 650 человек, станковых пулеметчиков — 820, истребителей танков — 445, минометчиков — 300, снайперов — 300. Фактически было подготовлено соответ-

ственно: 5626, 311, 740, 313, 175²⁴. В ходе учебы и по окончании ее многие граждане республики призывались в ряды Красной армии. 15 марта 1942 года начались занятия второй очереди (обучены 12 350 человек)²⁵.

Еще одной выявленной в ходе исследования причиной трудностей в деятельности всеобщего являлась недостаточная агитационная работа местных Советов. В итоге в некоторых районах Куйбышевской области снизилась посещаемость занятий по военной подготовке. В Астрадамовском и Ружевиченском сельских Советах депутатов трудящихся Астрадамовского района подчас на занятиях присутствовало всего 30—40 проц. обучаемых. А ведь в области были и другие примеры. Так, в г. Сызрани занятия по военной подготовке проходили бесперебойно и организованно, с высоким процентом посещения²⁶. По состоянию на 1 декабря 1941 года в этой системе по области обучались: призванных 1923 года рождения — 13 711, военнообязанных — 45 816, призванных 1924—1925 гг. — 1959. Всего 61 486 человек²⁷.

КАК ПОКАЗАЛА практика, сильной стороной деятельности местных Советов, оборонных комиссий по организации занятий явилось привлечение ими ресурсов предприятий местной промышленности и промкооперации. На это их настойчиво нацеливали партийные органы. В частности, члены бюро Челябинского ОК ВКП(б) на сво-

15 августа 1956 года ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление «О Ленинских премиях за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства».

16 августа 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) одобрили «Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». План предусматривал как перемещение промышленных предприятий из прифронтовой полосы и ввод их в действие на новых местах, так и новое строительство промышленных объектов, главным образом на Урале и в Сибири, а также создание в новых промышленных районах государственных резервов.

Новый план усиливал поворот в развитии народного хозяйства в сторону обеспечения нужд войны, который был намечен мобилизационным народнохозяйственным планом на III квартал 1941 года, принятым через неделю после начала войны.

16 августа 1941 года в Москве заключено соглашение между СССР и Великобританией о товарообороте, кредите и клиринге. Великобритания предоставила СССР для оплаты товаров кредит в 10 млн. фунтов стерлингов стоимостью 3 проц. годовых сроком в среднем на 5 лет, платежи между сторонами регулировались на основе безналичных расчетов.

17 августа 1751 года — 255 лет назад — в станице Старо-Черкасской, ныне Аксайский район Ростовской области, родился Матвей Иванович Платов, герой Оте-

чественной войны 1812 года, войсковой атаман Донского казачьего войска (с 1801 г.), генерал от кавалерии (1809). На военной службе — с 13 лет, в 20 лет командовал кавалерийским полком. На Кубани и в Крыму служил под началом А.В. Суворова, отличился при штурме Измаила в 1790 году, за что получил чин генерал-майора. В 1797 году Павел I заподозрил его в заговоре и сослал в Кострому, позже заключив в Петропавловскую крепость. В январе 1801 года Платов был освобожден. Во время Отечественной войны 1812 года первоначально командовал всеми казачьими полками на границе, затем во главе казачьего корпуса прикрывал отход армии П.И. Багратиона. Успешно действовал в Бородинском сражении, в кампаниях 1813—1814 гг. В 1814 году сопровождал Александра I в его поездке в Великобританию, где был торжественно встречен и получил диплом почетного доктора Оксфордского университета. Умер 15 января 1818 года, похоронен в Новочеркасске, где ему был поставлен памятник (скульптор П.К. Клодт) с надписью: «Признательные донцы — своему атаману». После революции 1917 года памятник был разрушен.

19 августа 1906 года царское правительство ввело военно-полевые суды.

19 августа 1981 года создана группа специального назначения КГБ СССР «Вымпел» (первый начальник — капитан 1 ранга Э.Г. Козлов, впоследствии Герой Советского Союза).

ем заседании 25—27 сентября 1941 года, посвященном ходу выполнения постановления ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», потребовали от партийной группы облисполкома Совета и его председателя т. Соболева в 5-дневный срок рассмотреть данный вопрос и разместить заказ на предприятиях местной промышленности, промкооперации и в ремесленных училищах на изготовление учебного оружия, гранат для ВУПов области²⁸.

Согласно документам, использованию местных ресурсов большое внимание уделялось и в других регионах страны, поскольку централизованных поставок не хватало. По линии Куйбышевского областного военного комиссариата для сборных и учебных пунктов было выделено 1000 учебных винтовок, 10 боевых винтовок, 5 снайперских винтовок, 5 самозарядных винтовок и 5 автоматов. Этого, конечно, было недостаточно, для того чтобы по всем правилам организовать военное обучение в области. Так, Суринский район начал военное обучение, не имея ни одной винтовки, а Камышинский район имел только одну винтовку и один ручной пулемет. Видя такое положение, местные органы власти взяли на вооружение ленинградский опыт — обходиться собственными ресурсами. Местные Советы депутатов трудящихся г. Куйбышева и области, их исполнительные комитеты организовали изготовление 1000 учебных винтовок на предприятиях местной

промышленности. Это был выход из положения и ощутимая помощь центральным органам снабжения. Из местных материалов было изготовлено 2660 учебных винтовок, 3540 учебных гранат, 165 чучел для рукопашного боя, 19 макетов танков²⁹.

В целом на основании результатов исследования можно утверждать, что цель, состоявшая в качественной и своевременной подготовке боевого резерва для РККА и РККФ органами Советов и партии была достигнута. Документы свидетельствуют: с 1940 по 1944 год в Калининской области, например, было проведено 5 очередных призывов молодежи на действительную военную службу. 96 проц. личного состава призывников прошли обучение военному делу, то есть каждый из них имел ту или иную военную специальность³⁰. Эта работа продолжалась все годы войны и в полной мере себя оправдала. Так, в Калужской области в системе всеобща только за 1944 год было подготовлено 8142 специалиста для армии и флота³¹. В Хабаровском крае обучили военному делу 193 973 человека с привлечением более 5000 старших, средних, младших командиров и политработников запаса³².

При активном участии Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся на 1 июля 1941 года из подлежащих призыву 47 995 человек 38 141 прошел через военное обучение в ВУПах. В подразделениях всеобща края занимались 33 297 человек. Обучение проводилось и непосредственно в частях и

подразделениях народного ополчения, истребительных ротах и батальонах. Из прошедших всеобщу в рассматриваемый период в крае было сформировано 8 отдельных батальонов (163 роты).

К 1 января 1942 года в Краснодарском крае первая очередь призывников закончила обучение по 110-часовой программе. В крае отмечались города, районы, которые успешно справились с заданием ГКО по подготовке военных специалистов. В этом была немалая заслуга Советов, их оборонных комиссий, многих народных избранников. Хорошо зарекомендовал себя Кропоткинский район, на ВУПах которого были подготовлены 3066 человек. Неплохо обстояли дела и в Гулькевичском районе, где военным обучением были охвачены 725 призывников и 129 военнообязанных старших возрастов. Хорошо обстояло дело в Белореченском, Штейнгардовском, Ново-Татаровском, Архангельском, Виселковском, Мартеновском и других районах³³.

Решая вопросы подготовки, например, снайперов, автоматчиков, минометчиков, станковых пулеметчиков и истребителей танков в системе всеобща, органы государственной власти области строили свою работу в строгом соответствии с приказом НКО СССР от 11 февраля 1942 года. Согласно этому документу, Советы совместно с партийными органами помогали чрезвычайным военным органам и военным комиссариатам осуществить отбор и

ХРОНОГРАФ

20 августа 1831 года в Петербурге спущен на воду 24-пушечный колесный пароход «Геркулес», впервые в мире оснащенный безбалансирной паровой машиной.

20 августа 1836 года в Петербурге спущен на воду первый отечественный пароходофрегат «Богатырь».

23 августа 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования на базе Закавказского военного округа сформировала Закавказский фронт (командующий генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, член военного совета дивизионный комиссар Ф.А. Шаманин, начальник штаба генерал-майор Ф.И. Толбухин) в составе 44, 45, 46 и 47-й армий. В оперативном подчинении фронта находились Севастопольский оборонительный район, Черноморский флот и Азовская военная флотилия.

24 августа 1941 года принято постановление ГКО «О денежном содержании личного состава истребительных батальонов». Постановление закрепляло ежесуточную оплату питания каждого бойца-истребителя — 8 рублей. Документ устанавливал также месячную зарплату истребителей — 300 рублей. ГКО распространил свое предыдущее постановление от 9 июля 1941 года на батальоны Подольского, Серпуховского, Ногинского, Электростальского, Краснопахринского, Малоярославецкого, Можайского, Волоколамского, Истринского, Клинского, Дмитровского, Щелковского, Коломенского, Каширского, Ступинского, Лотошинского, Уваровского и Шаховского районов Московской области выдавать на питание 8 рублей в сутки каждому бойцу.

25 августа 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования расформировала Центральный фронт, передав его войска Брянскому фронту.

26—27 августа 1813 года произошло сражение между союзной (русско-австрийско-прусской) Богемской армией под командованием австрийского фельдмаршала К. Шварценберга и армией Наполеона I в районе Дрездена во время войны 1813—1814 гг. 6-й антифранцузской коалиции против наполеоновской Франции. В ходе сражения, вошедшего в историю как Дрезденское, Наполеон нанес удар по слабому левому крылу союзных войск и опрокинул его. Командовавший русскими и прусскими войсками М.Б. Барклай-де-Толли предложил Шварценбергу нанести контрудар, но командующий отверг его и отдал приказ об отходе. Отступавшие союзные силы прикрывал арьергард русских войск под командованием А.И. Остермана-Толстого (а после его тяжелого ранения — А.П. Ермолова), которые, несмотря на двойной численный перевес французов, в сражении при Кульме (ныне — Хлумец, Чехия) 29—30 августа сумели продержаться до подхода главных сил Богемской армии. Несмотря на неудачу под Дрезденом, союзные войска под командованием Баркляя-де-Толли сумели вырвать инициативу из рук французов, частично уничтожив или пленив под Кульмом 37-тысячный корпус Вандама. Поражение вынудило Наполеона начать отход к Лейпцигу, где французам 16—19 октября 1813 года было нанесено сокрушительное поражение.

27 августа 1966 года в целях расширения и совершенствования военно-исторических исследований, ак-

комплектование подразделений всевобуча к 24 февраля 1942 года, а занятия проводить с 25 февраля того же года по 9 часов в неделю без отрыва от производства. Они следили за точным исполнением этого приказа, своих собственных решений, за соблюдением сроков подготовки по каждой военной специальности. Например, автоматчики, минометчики и истребители танков должны были быть подготовлены к 1 мая 1942 года, расчеты станковых пулеметов — к 15 мая, снайперы — к 1 июня.

В Киргизской ССР к 1 октября 1943 года прошли подготовку по программе военного обучения 51 751 человек, из них сдали экзамен по специальностям: истребителей танков — 1750, минометчиков — 132, автоматчиков — 201, снайперов — 276 человек. План подготовки боевых резервов для Красной армии по республике был намного перевыполнен³⁴.

Подготовка боевых резервов через систему всевобуча активно осуществлялась в прифронтовых и тыловых районах страны повсеместно на предприятиях, в учреждениях, на бывших избирательных участках, в подразделениях Осоавиахима, воинских частях, дислоцировавшихся во внутренних военных округах. Всевобуч стал одним из мощных источников пополнения войск резервами. Уже к 1 декабря 1941 года план обучения военнообязанных только по 10 военным округам был выполнен на 362 проц. В Московской области действовали 600 военно-учебных пунктов все-

вобуча, в Ленинграде — более 100, сотни таких пунктов готовили резервы в городах Урала, Сибири, Средней Азии.

Всего по стране по состоянию на 1 января 1943 года в подразделениях всевобуча были подготовлены 3 млн. человек³⁵. Возглавляли эту работу местные Советы. Ее организация требовала длительной, напряженной, упорной и дисциплинированной деятельности. За годы Великой Отечественной войны военным обучением были охвачены 9862 тыс. человек, что в 1,5 раза превышало численность действующей армии вместе с резервами Ставки Верховного Главнокомандования к началу 1944 года³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22.06.1941 по 1.03.1942: Сб. документов / Ред. А.И. Денисов. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1942. С. 49, 50.

² Всеобщее военное обучение граждан СССР // Красная звезда. 1941. 18 сент.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 5-е изд. 1963. Т. 39. С. 237.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 60. Л. 93.

⁵ Там же. Оп. 22. Д. 1558. Л. 195.

⁶ Там же. Оп. 43. Д. 2397. Л. 60.

⁷ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 57. Оп. 21491. Д. 16. Л. 2.

⁸ В годы суровых испытаний: Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне: Сб. науч. тр. / Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ленинградское отделение Ин-

ститута истории АН СССР. Л.: Лениздат, 1985. С. 96.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 63. Л. 55.

¹⁰ Там же. Л. 55.

¹¹ Там же. Оп. 22. Д. 1558. Л. 195, 196.

¹² Там же. Д. 3911. Л. 110.

¹³ Лепешкин А.И. Советы — власть народа. 1936—1967. М.: Юридическая литература, 1967. С. 66.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 244. Л. 17, 17 об.

¹⁵ Там же. Д. 227. Л. 34.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 230866. Д. 87. Л. 34.

¹⁷ Там же. Оп. 214668. Д. 15. Л. 20; Д. 16. Л. 186.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 114. Л. 9.

¹⁹ Там же. Д. 42. Л. 17.

²⁰ Там же. Д. 114. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Там же. Л. 7, 8.

²³ Там же. Л. 8.

²⁴ Там же. Л. 8, 9.

²⁵ Там же. Л. 10.

²⁶ Там же. Д. 63. Л. 57.

²⁷ Там же. Оп. 63. Д. 63. Л. 58.

²⁸ Там же. Оп. 22. Д. 3711. Л. 138 об.

²⁹ Там же. Оп. 88. Д. 63. Л. 56.

³⁰ Там же. Оп. 45. Д. 731. Л. 12 об.

³¹ Там же. Д. 745. Л. 153.

³² Там же. Оп. 88. Д. 245. Л. 102, 103.

³³ Там же. Д. 60. Л. 93.

³⁴ Киргизия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.): Сб. науч. тр. / Киргизский государственный университет им. 50-летия СССР. Фрунзе, 1990. С. 117.

³⁵ КПСС — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне / Под общ. ред. Н.М. Киряева. М.: Воениздат, 1959. С. 81.

³⁶ Превращение Советской страны в единый военный лагерь в первый период Великой Отечественной войны 1941—1942 гг. М.: 1960. С. 87; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М.: Воениздат. 1965. Т. 6. С. 109.

М.И. ЛОТАРЕВА

тивизации всех форм военно-патриотической работы ЦК КПСС приняло Постановление «Об организации Института военной истории», подчинив его Министерству обороны и Главному политическому управлению СА и ВМФ. Первым его начальником 28 октября 1966 года был назначен генерал-майор П.А. Жилин, в 1959—1964 гг. — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала».

28 августа 1756 года 95-тысячная армия прусского короля Фридриха II внезапно вторглась в Саксонию, принудив ее армию капитулировать. Так началась Семилетняя война 1756—1763 гг., в ходе которой противоборство шло между двумя коалициями: англо-прусской, к которой примкнул ряд германских государств, и франко-австро-русской, к которой присоединились Швеция, Саксония и большинство германских государств, входивших в так называемую Священную Римскую империю. Как известно, русские войска достигли значительных успехов, войска даже заняли Берлин (9 октября 1760 г.), но после смерти Елизаветы Петровны 5 января 1762 года вступивший на престол Петр III заключил с Фридрихом II союзный договор, что спасло Пруссию от полного разгрома. Война завершилась Губертсбургским миром 15 февраля 1763 года.

29 августа 1941 года постановлением ГКО расформировано главное командование войск Северо-Западного направления, а фронты, входившие в его состав, подчинены непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

30 августа 1941 года началась Ельнинская операция войск Резервного фронта (генерал армии Г.К. Жуков). В ходе операции, завершившейся 8 сентября, была проведена оборона противника, нанесено поражение 2 танковым, 1 моторизованной и 7 пехотным дивизиям немецкой 4-й армии и ликвидирован ельнинский выступ.

30 августа 1941 года по приказу народного комиссара ВМФ в составе Беломорской военной флотилии сформирован Северный отряд для обороны проливов Новой Земли, портов и станций Северного морского пути.

30 августа 1976 года на боевое дежурство заступил первый ракетный полк (командир — полковник Доронин А.Г.) с ракетным комплексом РСД-10 «Пионер». Этот комплекс имел на вооружении ракету средней дальности и в соответствии с Договором об РСМД (1987 г.) попал под сокращение.

31 августа 1926 года состоялось подписание договора между СССР и Афганистаном о нейтралитете и взаимном ненападении.

31 августа 1941 года к причалам Архангельска подошли суда первого английского конвоя PQ-0 «Дервиш» с 15 самолетами «Харрикейн», а к 12 сентября еще 24 таких же самолета перелетели в Ваенгу с палубы авианосца «Аргус».

**Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ**

АВИАЦИЯ КБФ: ИЮНЬ 1941 — ИЮНЬ 1942 ГОДА

НКВД о недостатках и упущениях командования КБФ в первые месяцы войны

В публикуемом материале помещены обобщенные сведения о действиях морской авиации КБФ в первый год войны, показаны многочисленные нарушения и недостатки в летной боевой работе, а также приведены новые статистические данные. Введение этого документа в научный оборот позволит лучше представить картину того, что происходило в небе над Балтикой в первые месяцы Великой Отечественной войны, понять причины наших неудач того периода, а также даст в руки исследователей конкретные, ранее не известные цифры и факты.

**Справка начальника
3-го отделения особого
отдела НКВД КБФ
батальонного
комиссара [А.М.]
Наталича о недочетах [в]
боевой деятельности
авиации ВВС КБФ за
период
Отечественной войны**

14 июня 1942 г.

**Состояние ВВС КБФ к началу
войны и в настоящее время**

Военно-воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота к началу Отечественной войны в своем составе имели 639 самолетов, из них: ДБ-3 — 91, СБ — 66, Ар-2 — 17, И-16 — 137, И-15 — 31, МиГ-3 — 38, Як-1 — 8, МБР-2 — 144, Че-2 — 5, И-153 — 100.

Потери авиации ВВС КБФ за период¹ Отечественной войны составляют 685 самолетов, из них: 1. От истребителей противника — 228; 2. От зенитной артиллерии противника — 78; 3. Не вернулись с боев[ых] задан[ий] по неизвестным причинам — 95; 4. При вынужденных посадках — 72; 5. При взлете на своем аэродроме — 29; 6. При посадке на своем аэродроме — 40; 7. Сбито своими сам[олета]ми и зен[ит-

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 4, 6.

ной] арт[иллерией] — 19; 8. Уничтожено при отходе — 25; 9. От бомбардировки и штурмовых ударов пр[отивни]ка по нашим аэродромам — 64; 10. От других причин — 27.

За этот же период погибло и пропало без вести 695 чел[овек], в том числе: летчиков — 351 чел[овек], штурманов — 167 чел[овек], стрелков-радистов — 177 чел[овек].

За период Отечественной войны Военно-воздушные силы флота пополнены 277 самолетами.

Отремонтировано на аэродромах и в мастерских ВВС КБФ ____ самолетов².

К 65-летию начала Великой Отечественной войны

Всего на 10 июня 1942 г[ода] авиация ВВС КБФ имеет 258 самолетов³, из них бомбардировочной авиации — 82 самолета, истребительной авиации — 136 самолетов, штурмовиков — 11.

За период войны переформированы и заново оснащены материальной частью 11 иап⁴, 21 иап, 73[-й] бомбардировочный авиаполк Героя Советского Союза [А.И.] Крохалева.

**Причины больших потерь
мат[ериальной] части
и личного состава**

Основной причиной больших потерь авиации ВВС КБФ за период войны является неумелое, а в ряде случаев совершенно неправильное руководство боевыми операциями и работой летных частей со стороны командования ВВС КБФ, в частности генерал-майора авиации [М.И.] Самохина и бывшего комиссара КБФ дивизионного комиссара [Л.Н.] Пурника.

В воздушных боях и от зенитного огня противника за период войны потеряны 404 самолета⁵. Эти потери были бы значительно меньше, если бы командование ВВС КБФ своевременно взялось за изучение тактики противника, тщательно готовило боевые операции, обобщало боевой опыт и совершенствовало тактику своей авиации, если бы каждая операция тщательно анализировалась и разбиралась с командованием частей и летным составом. Но этого и до сего времени нет.

Со стороны командующего ВВС КБФ генерал-майора авиации [М.И.] Самохина по-прежнему отдаются непродуманные приказания, нередко влекущие за собой гибель самолетов и экипажей⁶.

Штаб ВВС, штабы соединений и частей вопросами тактики и боевого управления занимаются мало и плохо, ограничиваются голым счетом посадок, часов налетов, количеством сброшенных бомб. Разборы боевых эпизодов не готовятся и не проводятся.

Непродуманное и неумелое руководство боевыми операциями можно проиллюстрировать следующими примерами.

Бомбардировочная авиация

30 июня 1941 г[ода] бомбардировочная авиация ВВС КБФ должна была нанести бомбовый удар по живой силе и технике противника под Двинском. Операция была подготовлена плохо. Не было серьезной воздушной разведки района скопления противника. Бомбардировщики были выпущены днем без прикрытия истребителей. Противник эффективно использовал свои истребители и зенитную артиллерию. В результате из 63 самолетов, вылетевших на проведение операции, не вернулось 32, из них 22 ДБ-3 и 10 СБ.

Казалось бы, из данного события нужно было немедленно извлечь надлежащие выводы, но на другой день, 31 июня⁷, 5 самолетов СБ были посланы бомбить аэродром Овсище под прикрытием трех истребителей, из которых один вернулся, не дойдя до цели, а два не могли принять боя. При атаке истребителей противника три самолета СБ были сбиты и два выведены из строя.

17 сентября 1941 г[ода] с аэродрома Новая Ладога вылетело звено бомбардировщиков для нанесения удара по войскам противника в районе Красного Села. При подходе к ст. Любань наши самолеты были атакованы и сбиты истребителями противника. Сопровождавшие бомбардировщиков истребители бой не приняли, т.к. летели на 3 км справа и на 1000 метров выше.

6 октября 1941 г[ода] в Балтийском море двумя Ю-88 сбит самолет ДБ-3Ф, посланный на разведку без прикрытия истребителей.

24 октября 1941 г[ода] без прикрытия истребителей было послано звено бомбардировщиков Героя Советского Союза капитана [В.А.] Гречишникова. При выполнении задания Гречишников был сбит истребителями противника⁸.

В ночь с 8 на 9 января 1942 г[ода] 5 самолетов 1 гмтап⁹ получили задание нанести бомбоудар по г. Луге. Командир полка Герой Советского

Союза полковник [Е.Н.] Преображенский в этот день перебазировался с аэродрома Углово в Новинку и чувствовал себя усталым. Примерно в три часа ночи оперативный дежурный позвонил начальнику штаба полка и сообщил: «Сейчас звонил командир бригады полковник [Н.К.] Логинов и приказал передать, что генерал-майор Коробков¹⁰ и полковник Логинов хотят, чтобы полковник Преображенский сегодня полетал».

Самолет полковника Преображенского был подготовлен к полету наспех и, возвращаясь с задания, полковник Преображенский совершил вынужденную посадку в районе Малой Вишеры и пять дней блуждал вместе с экипажем в лесу¹¹.

Штурмовая авиация

За период войны только один 57[-й] авиаполк потерял 34 самолета Ил-2.

ОСНОВНОЙ причиной больших потерь авиации ВВС КБФ за период войны является неумелое, а в ряде случаев совершенно неправильное руководство боевыми операциями и работой летных частей со стороны командования ВВС КБФ

Эти потери объясняются главным образом неорганизованностью при проведении операции, отсутствием четкого взаимодействия между штурмовой и истребительной авиацией, несвоевременным доведением боевых задач до летного состава, а подчас и неправильной постановкой задач.

В августе 1941 г[ода] шесть самолетов Ил-2 должны были перебазироваться с аэродрома Лагсберг на аэродром Купля. Идя без прикрытия истребителей, штурмовики были атакованы 18 истребителями противника. При этом два наших самолета сбиты, а остальные получили повреждения.

С первых чисел сентября до 1 ноября 1941 г[ода] штурмовая эскадрилья 57-го авиаполка базировалась на аэро-

дроме Новая Ладога, а боевые операции проводила с Комендантского аэродрома в г. Ленинграде. С утра самолеты вылетали в Ленинград на Комендантский аэродром и находились на нем целый день, а на ночь снова возвращались в Новую Ладогу.

Командир 57-го авиаполка подполковник [Ф.А.] Морозов все это время находился со своим штабом в Н[овой] Ладоге, а боевыми операциями руководил пом[ощник] начальника штаба полка майор Пересада. Задание на вылет летчики, как правило, получали от Пересады за 20—30 минут до вылета, иногда в столовой за завтраком или обедом. Тщательной проработки задания не практиковалось. При постановке боевого задания не говорилось, что из себя представляют цель, маршрут к цели.

Истребители для сопровождения высылались с других аэродромов, задачи им ста-

вились по телефону, и зачастую они теряли штурмовиков.

В ряде случаев командование полка, посылая штурмовики на выполнение задания, не знало линии фронта. Так, 26 декабря 1941 г[ода] было дано задание штурмовать д. Падрилла, и, если кого подобьют зенитки противника, садиться на аэродром Шум, в то время как Шум был занят немцами.

23.1.[19]42 г[ода] сбито 2 самолета Ил-2 вследствие того, что командование 57[-го] авиаполка не поставило конкретно задачи перед прикрытием, а просто сообщило по телефону: «Истребители идут штурмовать пункт "М"», которых в этом районе несколько. Истребители потеряли штурмовиков, на которых напали самолеты противника.

9.1.[19]42 г[ода] не вернулся с задания летчик лейтенант Емельянченко. Причина — истребители 5 ап¹² не знали, куда идут штурмовики, и потеряли их.

9.1.[19]42 г[ода] по этой же причине погиб летчик Пыльнов.

27.3.[19]42 г[ода] погиб прекрасный летчик майор Карелов по причине того, что, несмотря на плохие метеорологические условия, генерал-майор авиации [М.И.] Самохин приказал лететь из Н[овой] Ладogi в

молета Як-1 и два самолета МиГ-3. Никаких выводов из этих боев командование бригады не сделало, тактику противника не учло, мероприятие не выработало. На следующий день, напав на 8 наших самолетов, Ме-109 в количестве двух самолетов беззачетно сбили два МиГ-3¹³.

С приходом в 61[-ю] авиабригаду генерал-майора [Н.Т.] Петрухина¹⁴ эта тактика была заменена тактикой активного нападения. В воздух стали высылать четное число самолетов. Оружие

дир полка подполковник Коронец и пилот Шахбазян (который затем был спасен) и четыре самолета разбиты при вынужденной посадке после выработки горючего.

Этого можно было бы избежать, если бы командование ВВС КБФ своевременно позаботилось создать промежуточную посадочную площадку на о. Лавенсаари.

4 апреля с.г. [1942] 71[-й] авиаполк выполнял задание по нанесению бомбового и штурмового удара по войскам противника в районе о. Тютерс.

Майор Катков по телефону передал в 16.55 приказание подготовить 9 самолетов для сопровождения 5 СБ, вылет произвести при появлении СБ над аэродромом в 17.28. К этому времени летчики вырулили на старт и сидели в самолетах. При появлении СБ истребители немедленно поднялись в воздух, но в это время майор Катков дает другое приказание: «Прикрытие СБ отставить и подготовить 12 самолетов для прикрытия наземных войск». Часть самолетов сумели вернуть по радио, а остальные ушли. После этого Катков еще два раза менял свои приказания, а летчики сидели в самолетах. В это время появились самолеты противника, шедшие на Ленинград. Вместо того чтобы дать возможность командованию полка вступить в бой и отвлечь на себя самолеты противника, Катков приказал летчикам сидеть в самолетах и ждать распоряжений. Авиация противника беспрепятственно прошла на Ленинград.

В ночь с 15 на 16 апреля штаб ВВС КБФ снова несколько раз менял полку задачи. При этом все распоряжения и сообщения о боевых действиях передавались открытым текстом.

12 мая 1942 г[ода] 1 гмтап потерял два самолета ДБ-3, один из них сбит нашей зенитной артиллерией в районе Окуловка, а второй до сих пор не обнаружен. Произошло это при следующих обстоятельствах. Генерал-майор [М.И.] Самохин отдал приказание нанести бомбовый удар по аэродрому про-

ПОТЕРИ объясняются главным образом неорганизованностью при проведении операции, отсутствием четкого взаимодействия между штурмовой и истребительной авиацией, несвоевременным доведением боевых задач до летного состава

Кронштадт. В результате самолет врезался в лед Ладожского озера.

Истребительная авиация

Большие потери истребительной авиации в значительной мере являются следствием [ее] неправильного тактического использования. На боевые задания обычно высылалось нечетное число самолетов, причем каждый вел бой самостоятельно. Широко применялась тактика круга. Даже при встрече с меньшим числом самолетов противника наши истребители становились в круг и принимали оборону, обрекая себя на пассивность.

В сентябре м[еся]це 1941 г[ода] на острове Эзель* погиб летчик 13[-го] авиаполка Дорогов, который был послан один на штурмовку противника. В это же время погиб [14 сентября 1941] Герой Советского Союза [14 июля 1941] [П.А.] Бринько, посланный сбивать немецкий аэростат.

За два воздушных боя 5 февраля 1942 г[ода] 61[-я] авиабригада потеряла 2 са-

самолетов было приведено к точному бою.

В результате за март месяц 1942 г[ода] один 4 гиап¹⁵ сбил 57 самолетов противника при единичных потерях с нашей стороны.

Неправильное тактическое использование и неумелое применение авиации со стороны командования ВВС КБФ и частей продолжается и до сих пор. Например, в результате нечеткого руководства штабов ВВС КБФ и 61 аб¹⁶ боевой деятельностью 71[-го] авиаполка были допущены оперативные и тактические ошибки при выполнении полком боевых заданий.

28 марта зам[еститель] командира 61[-й] авиабригады майор Катков приказал выслать 8 самолетов на бомбометание и штурмовку сил противника на о. Гогланд.

Учитывая тактику противника — навязывать нашим самолетам бой на отходе, когда горючее у них на исходе и они вынуждены уклоняться от боя, командование полка просило майора Каткова выслать большее количество самолетов и выделить группу прикрытия. Майор Катков подтвердил свое приказание.

В результате после первого вылета не вернулся коман-

* Прежнее название о. Сааремаа, существовавшее в дореволюционной России.

тивника в г. Пскове. Метеорологические условия были явно неблагоприятные, о чем Самохину было доложено. При отправлении шифровки командованию полка о прогнозе погоды он вычеркнул худшую часть прогноза, заявив при этом: «Еще испугаются и не полетят».

Для выполнения задания были выделены три самолета ДБ-3 под командованием майора Гончаренко, капитана Зорина и капитана Дроздова. Вылетом руководил командир полка Герой Советского Союза полковник [Е.Н.] Преображенский и зам[еститель] командующего ВВС КБФ генерал-майор [авиации В.А.] Русаков.

В связи с плохими метеорологическими условиями полковник [Е.Н.] Преображенский предложил вылет самолетов отставить, но генерал-майор [В.А.] Русаков приказал лететь.

Экипаж капитана Дроздова вернулся на свой аэродром через 7 час 15 мин, израсходовав все горючее, а экипажи майора Гончаренко и капитана Зорина погибли.

Ночью с 14 на 15 мая 1942 г[ода] намечен был перелет самолета ДБ-3 в Москву с командующим КБФ вице-адмиралом [В.Ф.] Трибуцем. Самохин убыл провожать командующего, оставив за себя начальника штаба полковника Игнатъева. На аэродром явился около 2 часов ночи в пьяном виде. В связи с ухудшением метеословий полковник Игнатъев несколько раз пытался вызвать Самохина к телефону, но тот разговаривать отказался.

Сопровождать вице-адмирала было выделено 12 истребителей И-16 11[-го] авиаполка. Не добившись разговора с Самохиным, полковник Игнатъев в последний момент приказал отменить вылет истребителей, но истребители все же вылетели по приказанию командующего Самохина. В результате из 12 самолетов только один долетел до места (Богуслово), пять долетело до Новой Ладogi, а остальные вернулись.

23 мая летчиком ораз¹⁷ ст[аршим] лейтенантом Сав-

ченко были обнаружены в Финском заливе два каравана судов противника. Командир 57[-го] авиаполка подполковник [Ф.А.] Морозов получил задание нанести штурмовой удар по караванам 5 самолетам Ил-2. Ст[арший] лейтенант Савченко предложил Морозову, что он пойдет с ним на Пе-2 и покажет им цель. Подполковник Морозов отверг это предложение, заявив, что он найдет цель сам, и повел 5 Ил-2 в сопровождении 4 Як-1. Выйдя в Финский залив, Морозов транспортов не нашел и принял решение бомбить Большой Тютерс, т.е. задание не выполнил и пропустил противника.

Потери авиации ВВС КБФ не в боевой обстановке

Отсутствие четкого конкретного руководства со стороны командования ВВС, командиров и военкомов соединений подчиненными им авиачастями и повседневному вниманию к повышению личного составом летного мастерства и овладения опытом войны приводит к большим потерям самолетов и летчиков не в боевой обстановке.

За период войны при взлетах и посадках побито свыше 70 самолетов.

ли этими машинами кроме командующего ВВС генерал-майора [М.И.] Самохина командир 8 аб полковник [Н.К.] Логинов, его помощник полковник Семенов, комиссар бригады бригадный комиссар Александров, инженер КБФ военный инженер 1 ранга Гуревич, инженер 8 аб военный инженер 2 ранга Криштан, командир полка Герой Советского Союза полковник [Е.Н.] Преображенский, инженер полка военный инженер 3 ранга Морозов и командиры подразделений.

Зачастую летные происшествия своевременно не расследуются. Больше того, некоторые командиры стараются их замазать, аварию посчитать за поломку и о ней молчать. Появилась теория закономерности летных происшествий в военное время, которой некоторые командиры пытаются прикрыть свою бездеятельность.

Так, например, командир 3 гиап подполковник [П.В.] Кондратьев даже не донес, что летчик Киреев разбил самолет МиГ-3. Летный состав пополнился большим количеством молодых летчиков, не имеющих опыта, но серьезной учебы с ними не организовано. Командиры подразделений своевременно не подмечают недостатки в их полетах и не учат на этих

ДАЖЕ при встрече с меньшим числом самолетов противника наши истребители становились в круг и принимали оборону, обрекая себя на пассивность

В ряде случаев командиры и комиссары руководство вылетами передоверяют своим подчиненным. Например, 5 февраля на аэродроме Выстав вылетом 9 самолетов 4 гиап руководил [один] краснофлотец-стартер¹⁸, но имеются и обратные примеры, когда неорганизованность создается вследствие того, что руководство полетами осуществляет слишком большим количеством лиц.

В ноябре м[есяц]е 1941 г[ода] на аэродроме Углово базировались 6 самолетов 1[-го] авиаполка, а руководи-

недостатках остальной летный состав, [который] с начала войны не проверялся по технике пилотирования и не получал указаний. Некоторые летчики зазнались, решили, что они в совершенстве овладели техникой, стали халатно относиться к полетам и вследствие этого разбили по несколько машин.

Инспекторы по технике пилотирования в соединениях и в штабе ВВС большую часть времени используют не по назначению. Начальник летной инспекции ВВС КБФ майор Пономаренко¹⁹ дли-

тельное время использовался как командир экипажа самолета ПС-84 («Дуглас») и только во второй половине мая начал заниматься своей непосредственной работой.

Инспектор по технике пилотирования 8 аб капитан Кузнецов С.И. длительное время использовался как простой летчик для перевозки по личным и служебным делам начальствующего состава бригады, стал проявлять воздушное хулиганство и, наконец, добился снятия с этой должности и назначения командиром эскадрильи 1 гмтап.

Технико-эксплуатационная служба в ряде частей ВВС КБФ поставлена совершенно неудовлетворительно. Глав[авный] инженер ВВС КБФ воен[ный] инженер 1 ранга Гуревич, инженеры бригад, полков, эскадрилий упустили контроль за эксплуатацией боевых самолетов. В ряде случаев в воздух выпускаются непроверенные самолеты, что приводит к вынужденным посадкам и авариям.

2 января 1942 г[ода] в 3 гиап при взлете ст[аршего]

ститель [командира] 1 гмтап подполковник Тужилкин.

В ночь с 5 на 6 декабря 1941 г[ода] при посадке поломал самолет летчик 1 гмтап мл[адший] лейтенант Разгон.

10 января 1942 г[ода] при попытке взлететь с непригодной площадки разбил самолет Герой Советского Союза [13.8.1941] майор [М.Н.] Плоткин.

23 января 1942 г[ода] при взлете с бомбовой нагрузкой с аэродрома Углово потерпел аварию самолет ДБ-3ф мл[адшего] лейтенанта Калинин.

16 февраля на аэродроме Новинка потерпел аварию самолет ДБ-3 мл[адшего] лейтенанта Зеленского. При взлете летчик не выдержал направление, уклонился влево, не справился с машиной и разбил ее.

За последнее время летные происшествия не только не увеличиваются²¹, но еще более возросли.

Так, например, по 11[-му] авиаполку с 25 апреля по 15 мая поломано 6 самолетов.

25.IV.[19]42 г[ода] при взлете на барраж над кораб-

захлестнулись тросы уборки шасси в патроннике.

28.IV.[19]42 [года] при рулежке на самолете И-16 сержант Цыганков попал в грязь, винтом задел за землю, погнул винт.

11.V.[19]42 г[ода] сержант Макаров на самолете И-16 при боковом ветре совершил посадку, подломал подкосы шасси. Самолет требует ремонта.

11.V.[19]42 г[ода] во время маскировки самолета И-16 механик сержант Швецов от неосторожного обращения с маскировочным материалом задел за РС-82, РС²² взорвался, повредил фюзеляж самолета и плоскость. Самолет требует ремонта.

8.V.[19]42 г[ода] сержант Парфенов на самолете И-16 произвел вынужденную посадку на фюзеляж на аэродроме Комендантский. Самолет требует ремонта.

8.V.[19]42 г[ода] летчик лейтенант Абрамов произвел вынужденную посадку на фюзеляж.

11.V.[19]42 г[ода] при возвращении с прикрытия кораблей летчик мл[адший] лейтенант Щербачев при посадке с боковым ветром на самолете И-153 сделал полный капот. Самолет требует длительного ремонта в мастерских.

10.V.[19]42 г[ода] при посадке летчик сержант Розов на самолете И-16 не справился со скосом (ветер под 90° к посадочной), самолет встал на нос, требует ремонта.

11.V.[19]42 г[ода] при посадке летчик сержант Иванов на самолете И-153 из-за боковика встал на нос. Самолет требует полевого ремонта.

По 3 гиап

28.IV.[19]42 г[ода] летчик капитан Костылев при расчете на посадке уклонился от посадочной полосы, посадку произвел на неукатанном поле, самолет встал на нос. Самолет требует ремонта.

27.IV.[19]42 г[ода] летчик ст[арший] лейтенант Руденко на самолете МиГ-1 при тренировочном полете на выравнивании потерял скорость. Самолет упал, разбит.

18.V.[19]42 г[ода] летчик капитан Ворисов при облете

ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ шифровки командованию полка о прогнозе погоды он вычеркнул худшую часть прогноза, заявив при этом: «Еще испугаются и не полетят»

лейтенанта Парфенова на самолете МиГ-3 обреза²⁰л мотор, при посадке с убранными шасси поломан винт, помят радиатор. Через десять дней у Парфенова снова обреза²⁰л мотор, и при посадке он разбил самолет.

27 января 1942 г[ода] летчик 3 гиап старшина Неделин по причине обрезания мотора садится на лес и разбивает самолет.

23 декабря 1941 г[ода] в 4 гиап совершили вынужденную посадку [с]заклиненными моторами 2 самолета И-16.

27 января 1942 г[ода] в этом же полку сержант Бунов сел на лед по причине недостачи масла. Масло вытекло через кран масляного радиатора, который был не законтрен.

21 января 1942 г[ода] при посадке разбил самолет заме-

лями летчик сержант Петунин на самолете И-16 уклонился на 60°. Самолет встал на нос и упал на костыль. Самолет сгорел.

27.IV.[19]42 г[ода] летчик подполковник Кудрявцев на посадке на аэродроме Приютино не дождал до конца рычаг выпуска шасси. Посадку произвел на фюзеляж. Самолет И-16 требует ремонта в мастерских.

28.IV.[19]42 г[ода] при облете самолета И-16 летчик мл[адший] лейтенант Татаренко не мог полностью убрать шасси. При заходе на посадку шасси полностью не выпустились. Летчик делал ряд эволюций в воздухе, шасси не выпускались. Посадка произведена на фюзеляж, самолет требует длительного ремонта. Причина:

самолета ЛаГГ-3 на аэродроме Приютино при посадке без щитков потерял скорость, свалился на правое крыло, снес шасси. Самолет требует длительного ремонта в мастерских.

там, самолеты зачастую терпели аварии.

В период января—февраля 1942 г[ода] только по 1 гмтап и 57 ап сидели на вынужденной посадке в тылу 5 боевых самолетов. Все вынужден-

длительное время, единственным средством связи здесь является мотоцикл.

При перебазировании летных частей командиры их не заботятся об обеспечении себя средствами связи на новом месте базирования. 3 гиап перебазировался из Н[овой] Ладоги на аэродром Гражданка без средств связи и сразу же вынужден был обращаться в штаб ВВС КБФ об обеспечении его связью.

Совершенно секретная корреспонденция хранится в ряде случаев небрежно и пересылается попутными самолетами. Было принято 16 совершенно секретных пакетов штаба ВВС КБФ, которые и до сих пор не обнаружены. Из штаба ВВС КБФ пропала схема связи ВВС, разработанная начальником связи майором Куркиным.

Переговоры по телефону о боевых операциях, как правило, ведутся открыто, без соблюдения кода. Между штабом ВВС КБФ и 71 ап телефонная связь проходит через четыре коммутатора, несмотря на это, сообщения о боевых действиях и заданиях полку передавались открытым разговором, чем мог воспользоваться противник. Открытые разговоры по телефону ведут командующий ВВС генерал-майор [М.И.] Самохин, начальник штаба полковник Игнатьев, а вслед за ними и их подчиненные. Например, капитан Возняк из 58[-й] авиаэскадрильи открыто по телефону требовал добавить ему иприта²⁷.

ЗА ВРЕМЯ войны ВВС КБФ потеряли 85 самолетов от бомбардировок и штурмовок авиацией противника наших аэродромов

По 1 гмтап

18.V.[19]42 г[ода] летчик лейтенант Калинин при перелете из Новой Ладоги в Углово при посадке на аэродром Капитолово промазал и срезал шасси.

За время войны ВВС КБФ потеряли 85 самолетов от бомбардировок и штурмовок авиацией противника наших аэродромов²³.

19 августа 1941 г[ода] при штурмовке противником аэродрома Низино уничтожено 22 и выведено из строя 13 наших самолетов. Это произошло в результате перегрузки аэродрома, расположенного близко к фронту, на котором находилось 104 самолета почти без маскировки.

Винovat командующий ВВС КБФ генерал-майор авиации [М.И.] Самохин и командующий 61[-й] авиабригадой полковник [Ф.А.] Морозов, не принявшие мер к разгрузке аэродрома.

29 августа 1941 г[ода] на аэродром оз. Копенское налетели 25 самолетов Ме-109 и сожгли большое количество наших самолетов МБР-2, стоявших на воде и на берегу. Это опять-таки произошло потому, что самолеты были плохо замаскированы и не рассредоточены.

Неправильное использование боевых самолетов

В течение зимы по приказанию генерал-майора авиации Самохина и командиров бригад большое количество боевых самолетов использовалось для перелетов в тыл по личным и служебным делам. Вылетая в дальние рейсы по неизученным маршру-

ные посадки сопровождались серьезными поломками, после которых самолеты в течение месяца ремонтировались.

4 декабря 1941 г[ода] потерпел аварию в 130 км на запад от г. Молотов²⁴ самолет ДБ-3, пилотируемый старшим лейтенантом Болебиным. Причина аварии точно не установлена, но имеется предположение, что Болебин совершил аварию, будучи в нетрезвом состоянии, т.к. до этого Болебин, будучи пьяным, разбил самолет на аэродроме Новинка, за что был осужден²⁵ ВТ²⁶ на 10 лет. Самолет до сих пор не введен в строй.

Состояние связи и сохранение военной тайны

Крупным недостатком в руководстве боевой деятельностью авиации является отсутствие должного внимания к работе средств связи и систематическое нарушение военной тайны.

Двусторонняя радиосвязь с самолетами в воздухе не на-

ИЗ ШТАБА ВВС КБФ пропала схема связи ВВС, разработанная начальником связи майором Куркиным

лажена. Средства наземной связи часто на длительный период выходят из строя. Например, телеграфная цепь между приемным центром и штабом ВВС КБФ была прервана с 26.IV до 12.V.[19]42 г[ода]. Телеграфная цепь Приютино — штаб ВВС была прервана с 11 до 20 мая. Телефонная и телеграфная связь между приемным и передающим центрами прервана уже

Систематически нарушается установленный порядок скрытой связи. Начальник штаба 8[-й] авиабригады майор Смирнов допустил к пользованию шифрперепиской лиц, которым это не положено. Эти лица читали вслух полученные шифротелеграммы. Составляли шифрдокументы работники штаба, а начальник штаба майор Смирнов только подписывал.

Длительное время шифрпост был размещен в коридоре и отделен тонкой фанерной перегородкой. Все разговоры шифровальщиков были слышны посторонним лицам.

В самом штабе ВВС КБФ отношение к шифровальной службе также недостаточно серьезное, несмотря на то, что управление ВВС на 80 проц. осуществляется шифром. По шифровке по флоту о том, что противник читает наши шифрдокументы, никаких мер принято не было. 22 мая на просьбу начальника СКС²⁸ выделить самолет для отправки шифрдокументов генерал-майор Самохин нецензурно выругал его, заявив: «Берите резиновую лодку и плывите со своими документами».

Систематически нарушается установленный порядок обращения с шифрдокументами. Шифровки задерживаются у Самохина и других работников штаба по 5—6 дней. Шифрдокументы отправляются в ряде случаев на попутных самолетах, без прикрытия. Так, был сбит самолет МБР-2, на борту которого находились шифрдокументы. Самолет сгорел. Судьба шифрдокументов точно не известна. В ночь на 21 мая командир 57 ап подполковник Морозов отправил действующие документы из Н[овой] Ладogi в Приютино на У-2 без прикрытия. Самолет с шифрдокументами не пришел.

Отношение командования к сохранению военной тайны характеризует такой факт: 13.III.[19]42 г[ода] на КП²⁹ ВВС КБФ в Н[овой] Ладoge была вызвана парикмахерша для бритья генерал-майора Самохина и [В.А.] Русакова. В ее присутствии Самохин вел разговор по ВЧ³⁰ с Москвой о боевых действиях авиации, о наличии самолетов и потерях.

Работа тыла

Эффективность боевых действий авиации снижает в ряде случаев нечеткая работа тыла.

Успешной работе тыла мешает, в частности, нечеткая организационная структура. Все тыловые учреждения

должны были бы замыкаться на пом[ощника] командующего по тылу, фактически авиабазы приданы летным частям и подчинены командирам этих частей. При перебазировании этих частей базы перебазировались вместе с ними с одного места на другое, загружают транспорт излишними перевозками, теряют и портят ценное имущество, отстают при перебазировании от летных частей и срывают их работу. Так было, в частности, с 11-й авиабазой, которая в течение зимы перебазировалась несколько раз вместе с 57 ап и уже в начале мая вновь перебазировалась на аэродромы Новинка и Белые Кресты, т.е. в тыл, в то время как авиация подтягивается ближе к Ленинграду и необходимо укреплять тыловые учреждения под Ленинградом.

С 1 АПРЕЛЯ проводится линия на «сохранение ВВС КБФ от уничтожения» и с этой целью всяческого сокращения взаимодействия с воздушными силами Ленинградского фронта

О личных качествах командования ВВС КБФ

Генерал-майор авиации [М.И.] Самохин, член ВКП(б), в должность командующего ВВС КБФ назначен в июле м[еся]це 1941 г[ода], до этого был зам[естителем] командующего. Имеет большую склонность к выпивке, что отражается на работе.

К решению боевых задач относится поверхностно, в ряде случаев принимает непродуманные и неправильные решения, приводящие к неэффективному использованию авиации и излишним потерям материальной части и летного состава.

Как командир авторитетом среди командиров и комиссаров частей не пользуется.

Об ограниченности Самохина, ведущей к антигосударственным действиям, свидетельствует занятая Самохиным позиция, наносящая серьезный вред обороне Ленинграда. Например, с 1 ап-

реля проводится линия на «сохранение ВВС КБФ от уничтожения» и с этой целью всяческого сокращения взаимодействия с воздушными силами Ленинградского фронта. Эта линия осуществляется путем увода боевых частей на переучивание, затяжки формирования новых частей, отказа от крупных совместных операций с авиацией Лен[инградского] фронта и выделения небольших сил там, где отказаться нельзя (удар по Красногвардейску).

Была поднята кампания о снятии с ВВС КБФ прикрытия Ладожской водной трассы, которая кончилась тем, что Лен[инградский] фронт оперативно подчинил себе 4 giap ВВС КБФ. В ходе этой кампании была отведена в тыл на переучивание на самолетах МиГ-3, ЛаГГ и Як-3 12 коаэ³¹, отлично владевшая

истребителями И-16. Ей были переданы самолеты МиГ-3 3 giap. В то же время летчики этого полка остались без материальной части и также отведены в тыл. Таким образом, была заморожена одна эскадрилья МиГ-3, которая могла оставаться на фронте.

С целью скрыть силы ВВС КБФ от Лен[инградского] фронта затягивается формирование и ввод в боевые действия новых частей — 21 ап, 73 ап. Так, 21 ап еще в начале апреля прибыл на аэродром Богуслово и до сих пор находится там, не вступая в боевые действия. Там же находится в настоящее время 73-й авиаполк. Неофициальным оправданием этому служит ссылка, что ВВС Лен[инградского] фронта скоро получат свою материальную часть.

Взаимодействия между авиацией флота и ВВС Лен[инградского] фронта на случай изменения обстановки на фронте не отработаны, что может привести к большим

потерям и неэффективным действиям. Проводя линию укрытия сил, Самохин объективно не освещает вопросы военному совету КБФ и Лен[инградского] фронта. Потери при операциях совместно с авиацией Лен[инградского] фронта представляются в свете пагубности этих операций для авиации флота.

Практика руководства генерал-майора Самохина в течение 10 м[еся]цев и особенно в свете сегодняшних задач ВВС КБФ показала, что он не соответствует этой должности и не может успешно руководить авиацией флота.

Зам[еститель] командующего ВВС КБФ генерал-майор [В.А.] Русаков снят с должности командующего ВВС ЧФ за бытовое разложение и пьянство, но это не явилось для него уроком. Русаков — морально разложившийся человек, что можно характеризовать рядом фактов. Запасной командный пункт ВВС КБФ в авиагарнизоне Новая Ладога, возглавлявшийся генерал-майором Русаковым, был расформирован 30 марта с.г. [1942]. Командиры запасного пункта были откомандированы в Ленинград, а генерал-майор Русаков оставался там до 12 апреля и ежедневно пьянствовал. Вечером 12 апреля с.г. [1942] в 8-й авиабазе ВВС КБФ была организована попойка, где Русаков напился до полного опьянения.

28 апреля с.г. [1942] около 21 часа Русаков прилетел на аэродром Приютино в нетрезвом виде. В столовой, позднее на квартире командира 11 ап Рассудкова, Русаков, напившись пьяным, учинил дебош, неоднократно вызывал к себе по телефону мед[ицинских] работников. Ругань и крики Русакова продолжались до 3 часов ночи.

29 апреля с.г. [1942] Русаков пьянку продолжал, требуя к себе на квартиру зубного врача и официантку столовой, одновременно требуя вина и закуски.

30 апреля с.г. [1942] Русаков явился в столовую и по-

требовал вина. По распоряжению командира 11 ап Рассудкова ему было подано 200 граммов, не удовлетворившись этим, он стал требовать еще вина. Начальник штаба 4 гиап еще дал 200 граммов, после чего Русаков идти сам не мог, и его пришлось из столовой отвести в соседнюю комнату.

Как командир генерал-майор Русаков ничем себя в авиации ВВС КБФ не проявил.

По большинству приведенных фактов нами своевременно информировался военный совет КБФ.

**Начальник 3-го отд[еления]
о[собого] о[тдела] НКВД КБФ
батальонный комиссар
(подпись) НАТАЛИЧ³²**

**«С о г л а с е н»
Начальник особого отдела НКВД
КБФ
дивизионный комиссар
(подпись) ЛЕБЕДЕВ**

*Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 14.
Оп. 4. Д. 1047. Л. 403—419. Подлинник.
Машинопись.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Видимо, имеется в виду период с 22 июня 1941 г. по 14 июня 1942 г.

² Цифра в документе не указана. В целом приводимые здесь цифры могут отличаться от данных других источников.

³ Имеется приписка от руки: «В том числе на ремонте в авиамастерских 54».

⁴ иап — истребительный авиационный полк.

⁵ Эта цифра расходится с приведенными выше статистическими данными.

⁶ **Самохин Михаил Иванович** — родился 19 января 1902 г., в ВМФ — с 1924 г. Окончил Военно-теоретическую школу ВВС (1929) и Качинскую военную авиационную школу пилотов (1931). С 1939 г. — заместитель командующего ВВС Балтийского флота. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В боях Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командовал ВВС Балтийского флота, участвовал в бомбардировке Берлина в августе 1941 г. За умелое руководство боевыми действиями ВВС флота, личное мужество и отвагу генерал-полковнику М.И. Самохину 29 июня 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны окончил Высшие академические курсы при Военно-морской академии (1947) и Военной академии Генерального штаба (1951). Командовал ВВС ряда флотов. С 1951 г. — начальник ПВО ВМС — заместитель командующего авиацией ВМС, с 1957 г. — заместитель, а в 1961—1963 гг. — помощник главнокомандующего Войсками ПВО страны. В 1963 г. уволился в запас.

⁷ Так в тексте документа. Возможно, это описка.

⁸ Свой подбитый самолет В.А. Грешишников направил на танковую колонну противника и погиб.

⁹ гмтап — гвардейский минно-торпедный авиационный полк.

¹⁰ Не ясно, кто такой генерал-майор Коробков: в конце 1941 г. ВВС КБФ были сведены в 8-ю бомбардировочную бригаду (полковник Н.К. Логинов), 61-ю истребительную бригаду (командир Герой Советского Союза полковник И.Г. Романенко) и 15-й отдельный морской разведывательный полк (командир майор А.В. Арефьев).

¹¹ Не ясно, почему органы не уделили внимания такому важному факту, как нанесение в августе 1941 г. первых бомбовых ударов по военным объектам Берлина силами 1-го минно-торпедного авиационного полка 8-й бомбардировочной авиационной бригады ВВС КБФ под командованием полковника Е.Н. Преображенского, за что 13 августа 1941 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. С 1942 г. Е.Н. Преображенский командовал авиационной бригадой, с сентября 1944 г. — исполнял обязанности командующего ВВС Тихоокеанского флота. В 1950—1962 гг. — командующий авиацией ВМФ.

¹² ап — авиационный полк.

¹³ Примечание на полях: «Что же было нового в тактике противника?».

¹⁴ Генерал-майор авиации Н.Т. Петрухин ранее успешно командовал 10-й авиационной бригадой.

¹⁵ гиап — гвардейский истребительный авиационный полк.

¹⁶ аб — авиационная бригада.

¹⁷ ораз — отдельная разведывательная авиационная эскадрилья.

¹⁸ Здесь: лицо, руководящее порядком взлета самолетов.

¹⁹ Видимо, речь идет о майоре И.Н. Пономаренко, помощнике командира 51-го минно-торпедного авиационного полка, Герое Советского Союза (22 июля 1944 г.).

²⁰ Летный жаргон — резкая остановка двигателя.

²¹ Так в тексте документа. Следует читать: «не уменьшились».

²² РС — реактивный снаряд.

²³ Эта цифра расходится со статистическими данными, приведенными выше.

²⁴ Имеется в виду г. Молотовск (1938—1957 гг.), ныне Северодвинск.

²⁵ Из текста не ясно, была ли снята с Болебина судимость.

²⁶ ВТ — военный трибунал.

²⁷ Автор докладной записки, видимо, использует жаргон. Иприт как отвращающее вещество в годы войны не применялся.

²⁸ СКС — Служба кодированной связи.

²⁹ КП — командный пункт.

³⁰ ВЧ — высокочастотная связь.

³¹ коаэ — корректировочная отдельная авиационная эскадрилья.

³² **Наталич Алексей Матвеевич** (1909 г.р.) — в органах госбезопасности с 1934 г., батальонный комиссар, начальник 3-го отделения особого отдела НКВД КБФ (на 14 июня 1942 г.); майор, служил на различных должностях в отделе контрразведки «СМЕРШ» КБФ и НКГБ-МГБ Эстонской ССР (1942—1946 гг.), уволен из органов госбезопасности в 1946 г. Дальнейшая судьба не известна.

Публикация И.Б. ИВАНОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ ЯПОНИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1930-е ГОДЫ

«Военно-исторический журнал» уже обращался к теме противоборства специальных служб СССР и Японии в военной сфере* в 1930—1940 гг. Из публикуемого сегодня материала видно, что антисоветские акции носили планомерный характер, и военное министерство Японии уделяло исключительное внимание подготовке кадров военной разведки для систематического ведения шпионажа на территории советского Дальнего Востока.

В ОДНОМ из фондов Российского государственного военного архива (РГВА) длительное время хранится переведенный с японского документ с весьма любопытным названием: «Положение о военных резидентах за границей», в котором речь идет о японских резидентах на советском Дальнем Востоке. Ознакомление с этой инструкцией дает представление о том, насколько серьезное значение придавала Япония системе отбора и подготовки военных резидентов, которым предстояло действовать на территории иностранных государств, в первую очередь Советского Союза.

Подобная щепетильность вполне объяснима: в военном министерстве Японии отлично знали, что советские спецслужбы внимательно отслеживают шпионское усердие своего дальневосточного соседа. Так было и на этот раз: инструкция, появившаяся на свет в декабре 1931 года, уже в феврале 1932 года, переведенная на русский в особом отделе ОГПУ, была доложена народному комиссару по военным и морским делам и председателю РВС СССР К.Е. Ворошилову¹. Докладная явилась очередным подтверждением того, что Япония на террито-

рии СССР осуществляла целенаправленный шпионаж, а, возможно, и готовила акции диверсионного характера. В организации информационно-разведывательной деятельности могли непосредственно участвовать генеральный консул Японии во Владивостоке Ямагути, сотрудник МИД Японии Иосидзава, военный атташе посольства Японии в Москве подполковник Касахара².

В ВОЕННОМ министерстве Японии отлично знали, что советские спецслужбы внимательно отслеживают шпионское усердие своего дальневосточного соседа

Необходимо отметить, что подобными документами ОГПУ уже располагало: в начале 1932 года военный атташе Японии в Москве подполковник Кавабэ получил от японского генерального штаба «Инструкцию-задание по вопросам военного характера, требующим изучения»³, где содержался подробный перечень вопросов организационно-мобилизационного, военно-технического, военно-промышленного и военнотопографического характера, подлежащих агентурному изучению на территории советского Дальнего Востока.

В «Положении о военных резидентах за границей» речь шла об офицерах японской армии, командировав-

шихся для выполнения разведывательных и иных задач на территории иностранных государств. При этом под прикрытием официальных должностей в составе посольств Японии находились, судя по всему, лишь начальник военных резидентов (он же военный атташе) и его помощник. Что касается самих военных резидентов, то их должностной статус и особенности профессиональной деятельности в Положении не оговаривались.

Одним из официальных каналов использования Японией военных резидентов на территории СССР могли быть связи и контакты с представителями РККА, за расширение которых ратовал перед вышестоящим начальством подполковник Ю. Касахара⁴. В частности,

он предлагал: «Для усиления изучения Красной Армии нужно первым делом увеличить количество командированных офицеров..., командировать в СССР офицеров технических войск, учредить должность военно-технического агента..., если не удастся..., то командировать их в страны, граничащие с СССР»⁵. Эта шифровка, отправленная военным атташе в генеральный штаб Японии, была перехвачена и доложена И.В. Сталину.

Структурно Положение состоит из четырех глав и 43 параграфов. Первая глава посвящена статусу и деятельности военных резидентов. Например, в 1-м параграфе определено, что «зва-

* См.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 2. С. 21—27; № 3. С. 16—20.

ние военных резидентов за границей получают все офицеры и военные чины приравненных к ним категорий, командированные за границу для изучения специальных вопросов»⁶. При этом на подготовку военных резидентов для выполнения порученной миссии отводилось всего три месяца. Что касается общего и непосредственного руководства деятельностью военных резидентов, то эти вопросы также нашли отражение в первой главе Положения, где говорится, что «военные резиденты подчинены начальнику департамента службы войск военного министерства», а «...при осуществлении данной им инструкции должны находиться под руководством начальника резидентов»⁷.

отдела снабжения, управления по подготовке и обучению войск, общего отделения военно-технического управления и начальник общего управления генерального штаба⁹. Подобный «представительский» уровень аттестационной комиссии свидетельствует о высокой заинтересованности высшего военного руководства Японии в кадровом обеспечении военной разведки.

С ПИСОК намеченных к откомандированию военных резидентов с указанием названий стран, в которые они направлялись, предоставлялся военному министру. Кроме того, ему же направлялись списки военных резидентов, срок командировки которых истек 1 июля текущего года и 31 июля следующего. Это

версантов, действовавшая на территории советского Дальнего Востока. Общее руководство организацией, насчитывавшей 25 человек, осуществляли сотрудники консульства Японии во Владивостоке Ватанабэ и Ямагути, а также начальник 2-го (разведывательного) отдела японского генштаба полковник Кондо Мосатанэ¹¹.

Какие же требования предъявлялись к офицерам японской армии, изъявившим желание служить в военной разведке? Ответ на этот вопрос содержится в 15-м параграфе Положения: «Кандидаты на пост военных резидентов должны быть людьми физически здоровыми, прилежными и хорошего, проверенного поведения. От кандидатов требуются соответствующие способности, практический опыт и обладание развитым чувством долга»¹².

Особое внимание привлекает третья глава Положения. В ней речь идет о статусе, обязанностях и особенностях служебно-должностной деятельности начальника военных резидентов, функции которого возлагались на военного атташе японского посольства. Он осуществлял контроль над выполнением специальных заданий военными резидентами, руководил их агентурной и иной деятельностью в стране пребывания. При этом предусматривалось, что в случае необходимости обязанности начальника военных резидентов могли исполнять и другие лица: помощник военного атташе или специально выбранное из среды военных резидентов доверенное лицо.

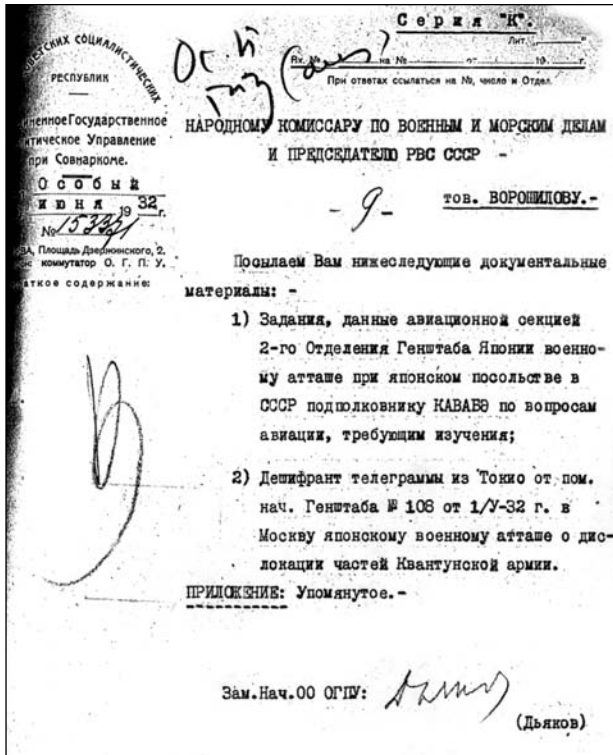
Представляют интерес некоторые особенности служебно-профессиональной деятельности начальника военных резидентов. Во-первых, он обладал всей полнотой информации о своих подчиненных, включая содержательную сторону их заданий, что свидетельствует о его профессиональной подготовленности и обширности агентурной информа-

ДЛЯ УСИЛЕНИЯ изучения Красной Армии нужно первым делом увеличить количество командированных офицеров

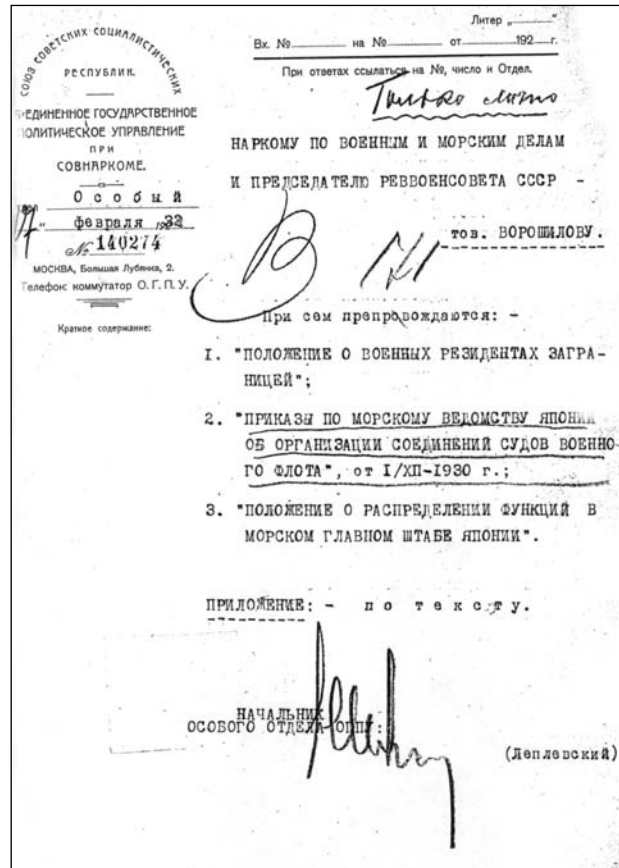
Заслуживает внимания существовавшая уже в те годы в военном министерстве Японии отлаженная система контроля за передвижениями резидентов. Так, 9-й параграф гласит: «Военные резиденты докладывают рапортом о выезде и приезде в Японию, о прибытии и отбытии из мест назначения, а также о дне выезда из страны, в которую они командированы, в случае перемены резидентуры»⁸.

Наибольшего внимания, с точки зрения современных оценок, заслуживает вторая глава Положения. Ее название — «Отбор кандидатов в военные резиденты» — говорит само за себя. Согласно документу, вся работа по отбору военных резидентов возлагалась на начальника отделения личного состава министерства обороны. Для этого создавалась специальная аттестационная комиссия, в состав которой входило практически все руководство военного министерства, начальники отделения личного состава, департамента службы войск,

положение, а также содержание других параграфов документа, регламентирующих процесс кадровой ротации, позволяют утверждать, что именно военный министр, а не начальник генерального штаба, обладая всей полнотой соответствующей информации, осуществлял общее руководство подготовкой и последующим перемещением военных резидентов. Однако это вовсе не означает, что генеральный штаб Японии в начале 1930-х гг. выполнял пассивную функцию в деле подготовки военных резидентов и руководства их дальнейшей оперативной работой. Более того, как свидетельствуют факты, именно японскому генеральному штабу принадлежала ведущая роль в организации шпионско-диверсионной деятельности на территории СССР, к которой были причастны и военные атташе посольств Японии в ряде европейских стран¹⁰. Например, осенью 1932 года органами ОГПУ совместно со Штабом РККА была разоблачена и арестована большая группа шпионов-ди-

Препроводительные записки к разведывательным документам, направленным К.Е. Ворошилову
См: РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 9, 171

ции, известной ему. Во-вторых, начальник военных резидентов не принимал самостоятельных решений без письменного доклада вышестоящему начальству.

Подобная практика характеризует как высокий уровень взаимодействия военных должностных лиц посольства и военного министерства Японии, так и весьма значительную роль начальника департамента службы войск в руководстве деятельностью не только начальника военных резидентов, но и в организации работы последних, в проверке исходящих от них разведывательных документов. Кроме того, все, что выходило за рамки устоявшихся и общепринятых профессиональных канонов, должно было немедленно письменно докладываться начальнику департамента службы войск.

В четвертой главе Положения рассмотрены вопросы финансовых расходов военных резидентов. К таковым относились: жалованье, путевые, командировочные,

подъемные, а также расходы, связанные с приобретением литературы, пользованием связью и транспортом и т.п. При выезде к месту назначения резидент получал пособие за четыре месяца вперед.

Из документа также следует, что для военных резидентов предусматривалась возможность отказаться от причитавшегося им жалованья в пользу оставшейся на родине семьи. Примечательно, что денежные средства выделялись даже на содержание лошади, если она числилась за тем или иным военным резидентом.

Что касается денежных и иных средств, выделяемых военным резидентам для организации агентурной работы в стране пребывания, то этот вопрос в документе не отражен. Вместе с тем в 11-м параграфе имеется фраза: «...в случае необходимости покупки дорогостоящих предметов, резидент может ходатайствовать об отпуске на их покупку специальных сумм». По всей видимости, подоб-

ного рода вопросы более подробно излагались в специальных инструкциях.

Из содержания 38-го параграфа следует, что военные резиденты, осуществляя переезды, а также «путешествуя» по стране пребывания, обязаны были вести дневник «путешествий». Вместе с подсчетом денежных расходов этот дневник впоследствии представлялся вышестоящему начальнику.

НАСКОЛЬКО эффективной была в те годы деятельность японских шпионов на территории СССР, пока сказать сложно. Судя по недавно выявленным архивным материалам, они активно занимались сбором сведений военно-политического, военного и военно-технического характера. Например, 20 января 1932 года военный атташе Японии в Москве подполковник Ю. Касахара (он же начальник военных резидентов) направил на имя помощника начальника генерального штаба Японии следующую телеграмму: «Генерал-майор Татэкава во время пребыва-

ЯПОНСКОМУ генеральному штабу принадлежала ведущая роль в организации шпионско-диверсионной деятельности на территории СССР, к которой были причастны и военные атташе посольств Японии в ряде европейских стран

ния в Москве высказал следующее мнение: в какой бы форме Япония не стала бы сейчас утверждать свое влияние в политическом и экономическом отношении в Сев[ерной] Маньчжурии, СССР не предпримет никаких контрмер. Если Советскому Союзу придется применить вооруженную силу, то ему, в силу экономических затруднений, грозит развал изнутри. Необходимо использовать настоящий момент для того, чтобы незамедлительно утвердить свое влияние в Северной Маньчжурии. Что касается количества войск в Северной Маньчжурии, то можно ни с кем не считаться. Необходимо сейчас же отправить в Маньчжурию возможно большее количество войск¹³. Упомянувшийся в шифровке генерал-майор Татэкава в то время возглавлял оперативный отдел генерального штаба Японии.

В материалах российских архивов фигурируют и другие имена японских офицеров, занимавшихся шпионской деятельностью на территории советского Дальнего Востока. Так, майор Иокои в апреле 1932 года, находясь во Владивостоке, «отслеживал» численность и профессиональные особенности краснофлотцев, прибывавших с Черноморского и Балтийского флота¹⁴. Иокои являлся военным резидентом во Владивостоке и напрямую подчинялся японскому военному атташе, находившемуся в Москве. Уместно заметить, что и сам военный атташе (подполковник Кавабэ, сменивший на этом посту подполковника Ю. Касахару), зачастую выполнял функции, весьма далекие от дипломатических. Например, в январе 1932 года он

получил секретные задания от разведывательного отделения генерального штаба Японии по добыванию информации об организации, дислокации, численном составе, тактико-технических характеристиках, сроках обучения летчиков, системе воспитания летно-технического состава ВВС РККА.

Особое внимание Кавабэ предлагалось уделить перспективным моделям советских военных самолетов. В частности, в документе, добытом советской контрразведкой и доложенном К.Е. Ворошилову 23 июня 1932 года, говорилось следующее: «Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы собрать агентурным путем сведения относительно самолетов, предназначенных в ближайшем будущем для употребления в авиачастях РККА, равно как о самолетах, находящихся в настоящее время в стадии изучения и проверки, навести справки о их видах и основных показателях»¹⁵. Кроме того, Кавабэ ставились и другие специальные задачи: выяснить «численность людского состава ВВС вообще и в особенности... число летчиков», «виды авиационных школ и их численность, состав курсантов и их образовательный уровень» и др.¹⁶

Круг вопросов, входивших в компетенцию Кавабэ, был настолько широк, что их агентурное изучение, безусловно, могло быть под силу

лишь глубоко законспирированной, профессионально подготовленной, хорошо знающей специфику советских ВВС группе агентов. Так, наряду с уже перечисленным, японскому военному атташе следовало: организовать «сбор сведений о видах бомб», «числе, местонахождении и производительности самолетостроительных заводов»; выяснить «тенденции советского командования в отношении использования штурмовиков, как проводится бомбардировка с разведывательных самолетов»; «изучить агентурным путем количество ВВС, которое может быть употреблено армией Советского Союза в военных операциях на Д[альнем] В[остоке]», выяснить «постановку обучения ночным операциям всех родов авиации»¹⁷.

При этом Кавабэ пользовался особым доверием у генерального штаба и сам был весьма ценным сотрудником военной разведки. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что 23 июня 1932 года в секретариат председателя РВС поступила еще одна докладная из особого отдела ОГПУ, в которой дважды фигурировал военный атташе при японском посольстве в СССР подполковник Кавабэ¹⁸. К докладной прилагались «Задания, данные Кавабэ, по изучению артиллерии РККА», и другие агентурные материалы, добытые советской контрразведкой¹⁹.

А ЧТО ДОКЛАДЫВАЛА разведка РККА о ведении Японией военного шпионажа против СССР? В докладной начальника Разведывательного управления Штаба РККА Я.К. Берзина, направленной 8 сентября 1930 года начальнику особого отдела ОГПУ, сообщалось: «Нами получены через

НЕОБХОДИМО приложить все усилия к тому, чтобы собрать агентурным путем сведения относительно самолетов, предназначенных в ближайшем будущем для употребления в авиачастях РККА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ специальных служб РККА и ОГПУ по ликвидации военной угрозы со стороны Японии позволяло советскому военно-политическому руководству эффективно решать задачи обеспечения военной безопасности государства

агентуру уже два донесения японского резидента на ст. Маньчжурия капитана Кавамата. Характер сведений, представляемых этим резидентом, его оценки и выводы относительно Красной Армии свидетельствуют о наличии в его распоряжении широкой и достаточно осведомленной сети как среди населения (на приграничной территории обеих стран), так и в рядах армии. По имеющимся сведениям, Кавамата занят главным образом изучением Красной Армии и вопросами взаимоотношений между СССР и Китаем. Данное лицо вместе с резидентом в Хайларе капитаном Ватанабе Уциро являются главными источниками информации военного отдела о Красной Армии (по агентурным сведениям)²⁰.

Берзин, информируя контрразведку о фактах шпионажа, упоминал имена и некоторых других японских резидентов: «Попутно считаем необходимым сообщить и о других, установленных агентурой, японских источниках информации о нас. 1). Резидент на ст. Пограничная Мито (Суэфудзи). Занимается подбором военных карт, переводами с русского материалов о Красной Армии и ее подготовке. Использует русских по обеим сторонам границы. 2). Японское коммерческое пароходство во Владивостоке («Нихон-сио-сен-гуми») занято обследованием и осведомлением о положении во Владивостоке (о морях, с[оветских] органах и пр.)²¹.

Еще одним японским шпионом, «обнаруженным» недавно в российских архивах, оказался капитан Сакама. Военный резидент изучал состав, численность и дисло-

кацию сухопутных, авиационных, морских частей (сил) РККА, частей и подразделений ОГПУ во Владивостоке, Хабаровске, Никольске, Раздольном, Барабаше, Шкотово, Посъете и на железнодорожной станции Гродеково²². Его шпионская деятельность была чрезвычайно продуктивной. Нет необходимости приводить весь перечень добытых группой капитана Сакама агентурных сведений, но стоит обратить внимание на одну деталь: японские агенты во Владивостоке «работали» круглосуточно, отмечая, что «все войсковые части прибывают ночью и под покровом ночной темноты размещаются по казармам»²³. Даже пшеница и пшеничная мука, ввезенная в 1932 году во Владивосток из Северной Маньчжурии и Японии в количестве 50 тонн, фигурировали в числе «важнейших сведений, добытых в порядке разведки».

К чему привела впоследствии шпионская деятельность Японии на Дальнем Востоке — сегодня хорошо известно. 29 июля 1938 года Япония реализовала свои агрессивные замыслы по отношению к СССР, вынашиваемые с конца 1920-х годов, спровоцировав вооруженный конфликт в районе озера Хасан, а в мае 1939 года — на реке Халхин-Гол²⁴.

Таким образом, Япония еще в начале 1930-х годов уже осуществляла целенаправленный военный и военно-технический шпионаж на территории СССР и прежде всего на Дальнем Востоке. Вполне очевидно, что ключевую роль в добывании информации играли военные атташе и военные резиденты, которые свою професси-

ональную деятельность осуществляли в соответствии с Положением о военных резидентах за границей и другими директивами военного министерства Японии. Взаимодействие специальных служб РККА и ОГПУ по ликвидации военной угрозы со стороны Японии позволяло советскому военно-политическому руководству эффективно решать задачи обеспечения военной безопасности государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 182—189.

² Там же. Л. 190.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Подполковник кавалерии Касара Юкио по возвращении из Москвы в Японию занял ответственный пост в Генеральном штабе и в дальнейшем стал одним из творцов антисоветской военной политики. Подробнее см.: *Дамаскин И.А.* Сталин и разведка. М.: Вече, 2004. С. 142.

⁵ *Дамаскин И.А.* Указ. соч. С. 145.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 171.

⁷ Там же. Л. 182.

⁸ Там же. Л. 183.

⁹ Там же. Л. 185.

¹⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 2—9, 14, 18.

¹¹ Там же. Л. 2; Подробнее см.: *Воен.-истор. журнал.* 2006. № 2. С. 21—27.

¹² РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 184.

¹³ Там же. Л. 194.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 11.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 15—17.

²⁰ Там же. Ф. 37967. Оп. 1. Д. 671. Л. 49.

²¹ Там же. Л. 49, 50.

²² Там же. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 24—27.

²³ Там же. Л. 27.

²⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 70—85; *Горбунов Е.А.* Наши партизаны в Маньчжурии // НВО. 2006. № 2. С. 7.

Полковник В.В. КАПИСТКА

РАЗГРОМ ТУРЕЦКОЙ АРМИИ И ОВЛАДЕНИЕ ПЕРВОКЛАССНОЙ КРЕПОСТЬЮ

ОВЛАДЕНИЕ крепостью Эрзурум (Эрзерум) войсками Кавказской армии 3(16) февраля 1916 года является одной из славных страниц российской военной истории. Операция по захвату хорошо укрепленной горной крепости была блестяще подготовлена и проведена в условиях суровой зимы, с соблюдением секретности и скрытности, обеспечивших ее внезапность. Для закрепления успеха развернулось наступление, в результате которого была освобождена значительная территория с городами и населенными пунктами, имевшими важное значение.

Победа русского оружия, однако, не получила должной оценки ни среди военных и политиков, ни в общественном мнении многих воевавших стран. В Турции долгое время запрещалось упоминать о поражении в Эрзуруме под угрозой тюремного заключения. «Характерно, что турецкий султан и его окружающие узнали о падении крепости Эрзурум лишь через несколько месяцев»¹. Союзники России по Антанте также не были в восторге от успеха русской армии на территории, входившей в сферу их интересов. Россия же не смогла извлечь из этой победы тех дивидендов, на которые вправе была рассчитывать, получив военно-стратегическое преимущество над Турцией. Эта историческая несправедливость и стала причиной недостаточно широкого освещения Эрзурумской операции в военно-исторической литературе. Автор предлагаемой читателям статьи, используя новые и малоизвестные источники, попытался внести свой вклад в освещение Эрзурумской операции.

Эрзурумская операция 1915–1916 гг.

ИСТОРИК Первой мировой войны Н.Г. Корсун писал: «Перед началом Эрзурумской операции, в связи с планом создания в пределах Азиатской Турции “независимой” Великой Армении, русская дипломатия стремилась, с одной стороны, к выходу на побережье Средиземного моря, к Александреттскому заливу, на который претендовала Франция, с другой стороны — к завладению обширной береговой полосой Черного моря и г. Синоп, лучшей морской базой на этом море; и здесь опять сталкивались интересы царской России и Франции.

На юге же зона “преобладания” интересов России примыкала к Мосульскому нефтеносному району, на который одновременно претендовали Англия и Франция... В общем, Эрзурумская операция привлекла особое внимание Англии к Месопотамскому театру и вызвала с ее стороны меры, направленные к тому, чтобы не допустить проникновения туда русской армии... Отсутствие взаимодействия русского и английского командования на турецких театрах позволило германо-турецкому командованию создать затруднения союзникам не только в Турции, но и в Персии, в Афганистане и на границах Индии»².

Еще осенью 1915 года начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.А. Алексеев разработал план захвата со стороны Кавказа всей Турции. Англичанам и французам в военном отношении согласно плану Алексеева отводилась второстепенная роль. Впрочем, политические и территориальные интересы союзников соблюдались в полной мере. Однако этот план не получил одобрения союзников, в первую очередь англичан³.

«19 сентября 1915 года Болгария, подписав болгаро-германо-турецкий договор, выступила на стороне центральных держав. Этим было открыто прямое сообщение между Германией и Турцией, что благоприятно отра-

зилось на артиллерийском снабжении турецкой армии во время продолжительной и тяжелой борьбы с англо-французским десантом на полуострове Галлиполи»⁴. В Турцию широким потоком были направлены германские и австрийские офицеры и солдаты, военные специалисты, оружие и боеприпасы.

Англичане, потерявшие за шесть месяцев галлиполийского десанта более 200 тыс. человек, учитывая продолжавшееся усиление турок в районе проливов немецкими специалистами и техникой, посчитали целесообразным покинуть полуостров. В декабре 1915 года состоялся военный совет Антанты в Шантильи (Франция), на котором было принято решение об эвакуации галлиполийского десанта англо-французских сил. В предложении о ведении боевых действий на Ближнем Востоке говорилось: «Положение Галлиполийского корпуса не сулит в будущем улучшения. Оно может стать, наоборот, критическим... Предпочтительно оттянуть наши войска раньше, чем они будут прижаты»⁵.

На этом же совете в связи с разгромом Сербии остро стоял вопрос о Салоникском фронте. Однако союзники уклонились от детального обсуждения этого вопроса. В разделе «Второстепенные фронты» говорилось: «Члены совещания единогласно признают, что на второстепенных фронтах нужно иметь только минимум сил и что войска, находящиеся на Востоке, в совокупности представляют достаточными для удовлетворения всех потребностей»⁶. В связи с этим русское командование, предвидя переброску турецких сил из района Галлиполи на Кавказ, «предположило упредить турок и разработало операцию по захвату Эрзурума — крупнейшего стратегического центра Турецкой Армении. Задачей новой операции ставилось: нанести удар по центру 3-й армии и разбить турецкие войска до подхода к ним свежих подкреплений»⁷.

Эрзурумская наступательная операция 28 декабря 1915 г. (10 января 1916 г.) — 3(16) февраля 1916 г.

Об указанных предположениях турецкого командования тогда же было получено сообщение от великобританского правительства, чрезвычайно тревожившего за свою армию в Месопотамии, где часть английских войск в районе Кут-эль-Амара* была окружена турками без надежды на освобождение⁸.

Неведение турок доходило до того, что в период подготовки операции в 3-й армии отсутствовали оба ее

плато Каргапазара само по себе представляет такое проявление героизма, совершение которого только и могло быть при сочетании непреклонной воли командующего армией, умевшего требовать от войск подъема, с незнакомой в истории сравнения доблести и беззаветного мужества русского офицера, солдата и казака. Трудно представить, какие нечеловеческие усилия нужно было приложить, чтобы поднять на эту, считавшуюся недоступной, высоту Каргапазара, выше 10 тысяч футов над уровнем моря, возвышавшуюся над долиной на 41/2 тысячи футов, двадцать орудий, из них 12 легких, без дорог, по протоптанной узкой тропе, с высеченными во льду ступенями¹¹.

Необычным для русской армии было и повышенное внимание к личному составу. «Русским командованием были приняты меры к снабжению войск теплой одеждой. Каждый боец получил: теплые портянки и пару валенок, которые он надевал на ночлегах, снимая кожаные сапоги; короткий, до колен, полушубок, не стеснявший движений; стеганные на вате шаровары, папаху с отворачивающимся назатыльником; теплые варежки и шинель, на походе скатанную. На подвоз войскам топлива обращалось особое внимание. На случай необходимой маскировки было приказано во всех частях заготовить для всех бойцов белые колленкоровые халаты и белые чехлы на шапки.

С целью предохранения глаз от ослепления в яркие солнечные дни войска 1-го Кавказского армейского корпуса получили защитные очки. Так как район наступления названного корпуса был безлесный и подвоз дров был почти невозможен, то все бойцы пехоты и конницы должны были при наступлении нести по два полена дров для обогрева на ночлегах. Кроме того, наступавшие роты должны были иметь с собой толстые доски или жерди для устройства переправ через ручьи, чтобы люди не мочили себе ног и затем не отмораживали их. Для помощи при отмораживании в ротах имелись запасы «несоленого сала».

Для учета влияния физико-географических условий на ход операции весь театр военных действий был покрыт сетью метеорологических станций, число которых к концу 1916 года доходило до семнадцати. Для объединения всей этой службы при штабе армии было образовано метеорологическое отделение¹².

Турки, несмотря на уроки Сарыкамышской операции 1914—1915 гг., не ожидали зимнего наступления на Кавказе. «По свидетельству турецкого командования, на фронте к началу операции вследствие условий суровой зимы «царствовало полное спокойствие» и исключалась всякая возможность наступления русских. Рассчитывая на это затишье в Армении, турки намеревались сосредоточить превосходящие силы против англичан в Месопотамии и до весны покончить с ними и, кроме того, перебросить часть сил в Персию, чтобы заставить русских ослабить собственнo Кавказский фронт. Весной же турки предполагали, собрав силы, сломить сопротивление Кавказской армии на главном — Сарыкамышском направлении... Таким образом, в первой половине 1916 года на фронте Кавказской армии следовало ожидать чрезвычайного ослабления обстановки, а между тем эта армия выделила в течение 1915 года значительные подкрепления на Западный русский фронт, что потребовало новых вторичных формирований и развертывания полков 2-го туркестанского корпуса и других кадровых частей.

руководителя: «командующий 3-й турецкой армией Махмуд-Кямил-паша в двадцатых числа декабря 1915 года по вызову отправился в Константинополь, а начальник штаба армии — германский майор Гузе, перенесший тиф, — находился в отпуске в Германии. Временно командовал 3-й турецкой армией Абдул-Керим-паша⁹. Историк турецкой армии Эдвард Эриксон пишет, что «особенно отсутствие опытного германского начальника штаба отрицательно сказалось на тактическом расположении 3-й армии и ее способности реагировать на ситуацию»¹⁰.

Подготовку к проведению Эрзурумской операции и организацию ее можно назвать образцовыми. Участник событий начальник оперативного отделения, исполнявший должность генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии полковник Е.В. Масловский пишет: «Всеми военными авторитетами крепость Эрзурум с укреплениями Девебойну считалась неприступной для атаки открытой силой... Сосредоточение целой дивизии с артиллерией на высоком, суровом, покрытом глубоким снегом

* В 110 км юго-восточнее Багдада.

Генерал Н.Н. Юденич и генерал П.А. Томилов с управлением генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии.

Стоят: капитаны Р.В. Злобин, Б.А. Штейфон, полковник Е.В. Масловский, подполковник Д.П. Драценко, капитаны Н.А. Де-Роберти, М.Н. Баташов

Заслуживает внимания организация воздушной разведки, что в условиях суровых морозов потребовало от летчиков настоящего героизма. «В то время, когда происходила описанная выше подготовка к штурму, к Гасанкале** был сосредоточен стоявший при штабе [Квантунской] армии [3-й] Сибирский [корпусный] авиационный отряд из нескольких ньюпоров... Сосредоточенный у Гасан-калы в период подготовки к штурму Эрзурумских укреплений отряд поручика Мейера¹³ был использован для необходимой разведки тыла Девебойнской позиции как перед штурмом, так и в течение его, когда только атмосферные условия этого допускали. Служба летчиков была безгранично опасна... В разреженном воздухе аэропланы с трудом брали необходимую высоту и зачастую при перелете через гребень Девебойну чуть не задевали последний. После каждого полета аэроплан возвращался с новыми многочисленными пробоинами от пуль. Жизнь летчиков была полна непрерывной смертельной опасности, и только сознание долга и беззаветное мужество начальника авиационного отряда поручика Мейера и офицеров отряда подвигали их на почти ежедневные полеты в таких условиях»¹⁴.

«С 1916 года получила дальнейшее развитие радиосвязь. При каждом корпусе находилось корпусное отделение, состоящее из одной полевой станции, двух станций выючных и двух для подслушивания. Для придания коннице имелись конные отделения из одной полевой и одной выючной станций. При штабе армии имелось армейское отделение из одной полевой, двух автомобильных и двух приемных станций. Служба радиосвязи была объе-

** Гасан-кала — позже Хасанкала.

Н.Н. Юденич

Б.И. Мерцалов (Мейер)

динена в отдельную радиогруппу, подчиненную штабу фронта»¹⁵.

В отличие от англо-французской Дарданелльской операции, которая, по свидетельству самих англичан, проходила под стрекот кинокамер, Эрзурумская операция стала также и образцом должного отношения к сохранению тайны предстоящего маневра от противника. «Для того чтобы не возбуждать подозрения турок необычайным усилением запасов на складах, распоряжения делались отдельными приказами, а не общим, обращающим на себя особое внимание приказом... Вследствие этого решение командующего Кавказской армией генерала от инфан-

терии Н.Н. Юденича о переходе в наступление не было разгадано и разглашено работниками тыла. Они полагали, что Кавказская армия на главных направлениях готовится лишь к зимовке в горах, когда обычно сообщения с тылом ухудшаются, вследствие чего усиление запасов всякого рода на фронте является нормальным явлением, чтобы сделать на этот период фронт независимым от тыла... Почта продолжала правильно работать по приему почтовой и телеграфной корреспонденции, но ей было приказано не отправлять ее в тыл. Поезда уходили из Карса под наблюдением органов разведки пустыми.

В течение изоляции Карса заставами и разъездами были задержаны и арестованы два подозрительных человека: один из них был найден в повозке, спрятавшимся под сеном, а другой пытался проскользнуть в тыл на велосипеде без дорог. И только с началом наступления все эти стеснительные мероприятия были отменены»¹⁶.

Сама операция прошла в несколько этапов. В ходе Кеприкеевского сражения 28 декабря 1915 — 8 января 1916 года турецкие войска понесли большие потери и были вынуждены укрыться в Эрзурумских фортах. Среди множества примеров героизма выделяется подвиг полкового священника протопопа Смирнова, поведшего в бой 154-й Дербентский полк. В этом сражении он потерял ногу. В ходе сражения при Кепри-Кее турки потеряли «до 25 тысяч человек, было взято в плен 7000 [человек] с 11 орудиями»¹⁷.

Несмотря на первые победы под Эрзурумом, Главкомандующий Кавказской армией генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич, руководствуясь соображениями своего советника генерального штаба генерала от инфантерии Ф.Ф. Палицына, приказал отвести армию от Эрзурума и стать на зимние квартиры. Командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н. Юденич подчинился, однако послал двух офицеров, полковника Е.В. Масловского и подполковника Б.А. Штейфона, на фронт для организации обес-

печения отхода. Но эти офицеры, убедившись на месте в степени разгрома неприятеля и высоком духе русских войск, доложили командующему армией о настоятельной необходимости продолжать наступление¹⁸.

В ночь на 28 января отряд российских солдат, среди которых были армяне и айсоры, говорившие по-турецки, перешел линию фронта около деревни Корнис. Здесь ему удалось захватить в плен «командира 38-й дивизии, восемь штабных офицеров, дивизионного ветеринара, командующего артиллерией с тремя членами штаба и несколько других дивизионных чинов. На обратном пути группа захватила три орудия и пленила около двухсот солдат»¹⁹. Успех этой вылазки сильно поднял дух русской армии.

Решающий штурм начался 29 января с короткой артиллерийской подготовки. «Огонь, руководимый начальником артиллерии Карской крепости генералом Вадиным, продолжался до наступления сумерек, когда и был остановлен... В 8 ч вечера 29 января 1916 года в совершенной темноте и в полном безмолвии, но быстро и энергично, войска двинулись на грозные твердыни Эрзурума»²⁰.

**Главнокомандующий
Кавказской армией великий
князь Николай Николаевич
(в центре) и командующий
Кавказской армией
генерал от инфантерии
Н.Н. Юденич с чинами штаба
армии после Эрзурумской
операции
1916 г.**

Первый форт первой линии фортов Далангез был захвачен в тот же день благодаря героизму воинов 153-го пехотного Бакинского полка под началом подполковника Пирумова (Пирумьяна). «Командовавший 10-й ротой прапорщик Навлянский первый вскочил на бруствер, увлекая за собой всю роту, но, прыгнув во внутренность форта, тотчас же был убит. За этот подвиг прапорщик Навлянский был посмертно высочайше награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, который был передан его матери-вдове»²¹. Атака остальных фортов продолжалась по всему фронту до 2 февраля, когда пришло сообщение воздушной разведки о выходе из Эрзурума турецких войск. Командующий армией Н.Н. Юденич правильно оценил ситуацию и начал решающий штурм крепости, в результате которого были захвачены все внешние форты.

«К вечеру 2 февраля в Пассинской долине было захвачено частью с боя, частью только что оставленные семь фортов позиции Девебойну: 263-й пехотный Гунибский полк захватил форт Узун-Ахмет № 1, ополченцы — Узун-Ахмет-Каракол, 5-й Кавказский стрелковый полк — Кобургу и оба Ортаюка. К вечеру елисаветпольцы вошли в форт 2-й линии Чобан-деде, незадолго перед этим брошенный спешно уходящими турками... На рассвете 3 февраля части Кавказской армии начали подходить к самому Эрзуруму. Первой вошла в Эрзурум казачья сотня со старшим адъютантом штаба 1-го Кав-

казского корпуса есаулом Медведевым... Рано утром 3 февраля командующий Кавказской армией генерал Юденич в сопровождении начальников оперативного и разведывательного отделений полковников Масловского и Драценко и личного адъютанта поручика Лавренива въехал на автомобиле в Эрзурум»²².

Н.Н. Юденич послал царю телеграмму со словами: «Господь Бог оказал сверхдобрестным войскам Кавказской армии столь великую помощь, что Эрзурум после пятидневного беспримерного штурма взят»²³. Турецкая армия потерпела сокрушительное поражение. «В результате штурма Эрзурума Кавказская армия захватила более 450*** орудий, т.е. всю крепостную и значительную часть полевой артиллерии, более 300 офицеров, более 20 тысяч аскеров, 9 знамен регулярных полков, 3 знамени курдских конных полков, громадные запасы продовольствия и разного рода артиллерийского, интендантского и инженерного имущества в складах и магазинах как самого Эрзурума, так и в районе Кеприкея и Гасан-калы»²⁴. «Третья турецкая армия в период боев в районе Кепри-кей и при штурме крепости Эрзурум понесла тяжелые потери; многие ее части как боевые единицы совершенно перестали существовать»²⁵.

О значении взятия Эрзурума для общесоюзнического дела полковник Е.В. Масловский писал: «В период, когда почти ни-

*** В других источниках — 315.

где у союзников не было успехов, когда англичане и французы только что должны были отказаться от борьбы с турками на Галлиполийском полуострове и эвакуировать оттуда свои войска, потеряв в течение сравнительно непродолжительной операции 268 000 человек убитыми, ранеными, пленными и больными, не добившись успеха, и это несмотря на все могущество технических средств, применявшихся ими там, и на мощное содействие многочисленной судовой артиллерии; когда после неудачного наступления англичан в Месопотамии английский отряд генерала Таунсенда был окружен у Кут-эль-Амары, готовясь к сдаче; когда наши армии на западном фронте после великого отхода набирались сил для будущих операций — весть о разгроме турецкой армии и овладении исторически известной первоклассной крепостью произвела сильнейшее впечатление не только у нас в России, но и у всех наших союзников; в газетах всех стран раздавались ликование и хвала Кавказской армии и ее руководителю.

Эрзурумская победа лишила противника сильнейшей крепости и базы его армии. Она привлекла исключительное внимание высшего турецкого командования к Кавказскому фронту, этим облегчив задачу борьбы с Турцией нашим союзникам, особенно англичанам в Месопотамии и Египте. Овладение Эрзурумом вместе с разгромом 3-й турецкой армии заставило турецкое командование отказаться от своего предположения об усилении 6-й армии в Месопотамии против англичан, а все, что только возможно было собрать во всей стране, направить на Кавказский фронт.

Вместе с тем эта победа сделала наше положение в полной мере устойчивым. Возможность вторжения турок в наши пределы теперь уже совершенно исключалась. Государь император поцарски награждал победителя [Н.Н. Юденича], прислав с фельдъегерем крест и звезду ордена Св. Георгия 2-й степени»²⁶.

Потеря Эрзурума вызвала у турецкого главнокомандования серьезное беспокойство. На Кавказский фронт в спешном порядке были переброшены подкрепления со всех театров военных действий, что значительно облегчило положение английских войск на Суэцком и Месопотамском фронтах. Одновременно произошла смена командования 3-й армии: командующим был назначен генерал Аб-

дул Керим-паша, а в начале 1916 года Мехмед Вехиб-паша»²⁷.

Помимо сказанного разгром реорганизованной, полностью укомплектованной 3-й турецкой армии и взятие Эрзурума отрицательно отразились на настроении турецкого народа и турецкой армии. 21 февраля египетская газета «Мабаттан» писала: «Антигерманские настроения усилились, что вызывает тревогу в Берлине. Популярность Энвера исчезла. Попытки убить Талаата не удалась. В мечети св. Софии прокляты немцы и младотурки»²⁸. Английская «Daily Telegraph» писала: «Взятие Эрзурума вызвало сильное возмущение в Турции. Число сторонников мира увеличилось. Была организована демонстрация против младотурков. Полиция произвела много арестов. В числе арестованных находился Ахмед Риза-паша, личный друг убитого престолонаследника»²⁹.

Командование Кавказской армии перевело свой штаб в Эрзурум и продолжило наступление в Турецкую Армению. Как писал в своих материалах к истории Кавказского фронта генерал Кулебякин, «история Эрзурума после его взятия русскими войсками в феврале 1916 года вплоть до февраля 1918 года, в сущности, есть главным образом история пребывания в нем штаба Кавказской армии»³⁰. Почетный председатель Центрального армянского национального бюро епископ Месроп телеграфировал заместителю на Кавказе: «Отныне Армения освобождается от страшнейшего турецкого ига, и народ армянский, благословляя ваше имя, как святое передает грядущим поколениям»³¹. В Европе падение Эрзурума также связывали с решением армянского вопроса»³².

В марте 1916 года состоялась парижская встреча представитель Антанты. В принятом общем меморандуме говорилось: «Русская армия на Кавказе одержала крупные успехи над турецкой армией. Она взяла Эрзурум, заняла Битлис, пересекла дорогу из Трапезунда и продолжает свои успехи, гоня перед собой турецкие силы, которые, по-видимому, совершенно расстроены»³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корсун Н.Г. Эрзурумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915—1916 гг. М., 1938. С. 145.

² Там же. С. 7, 8.

³ Лудшувейт Е.Ф. Турция в годы Первой мировой войны. М., 1966. С. 68.

⁴ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 13.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 191. Л. 129 об.

⁶ Там же. Л. 107.

⁷ Лудшувейт Е.Ф. Указ. соч. С. 69.

⁸ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 13.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Edward D. Erickson. Ordered to Die. A History of the Ottoman Army in the First World War. Westport, Connecticut — London, 2001. P. 122.

¹¹ Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917. Париж: Возрождение, 1933 (электронная копия экземпляра книги в Берлинской библиотеке).

¹² Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 18, 19.

¹³ Мейер (Мерцалов) Борис Иванович (1888—1934) — поручик (1916). 30 сентября 1911 г. вступил в службу на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 5-ю воздухоплавательную роту. В 1914 г. окончил Военную авиационную школу, служил в 24-м корпусном авиационном отряде. В 1915 г. командирован в 3-й Сибирский корпусной авиационный отряд. 12 января 1916 г. контужен разрывом шрапнели при воздушной разведке Девебойнских позиций под крепостью Эрзурум. В 1916 г. высочайше разрешено сменить фамилию Мейер на Мерцалов. За успешную разведку 3 января 1916 года, при проведении которой он «сам был контужен, а аппарат сильно поврежден неприятельскими выстрелами» Высочайшим приказом от 28 июня 1916 г. награжден Георгиевским оружием. См.: Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914—1918 годов: Биограф. справочник / Сост. М.С. Нешкин, В.М. Шабанов. М.: Росспэн, 2006. С. 189—191.

¹⁴ Масловский Е.В. Указ. соч.

¹⁵ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 19.

¹⁶ Там же. С. 19—24.

¹⁷ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 144.

¹⁸ Там же. С. 145.

¹⁹ Edward D. Erickson. Op. cit. P. 124, 125.

²⁰ Масловский Е.В. Указ. соч.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 150.

²⁴ Масловский Е.В. Указ. соч.

²⁵ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 145.

²⁶ Масловский Е.В. Указ. соч.

²⁷ Лудшувейт Е.Ф. Указ. соч. С. 69.

²⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3806. Л. 132.

²⁹ Там же. Л. 135.

³⁰ Государственный исторический архив Армении. Ф. 121. Оп. 1. Д. 26.

³¹ Армяне и война. 1916. № 1. С. 19.

³² Арутюнян А.О. Кавказский фронт (1914—1917). Ереван, 1971. С. 236.

³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 195.

В.В. МИХАЙЛОВ

ВЕСТОВЫЕ КОЛОКОЛА ДЛЯ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА МОСКОВСКОМ ПУШЕЧНОМ ДВОРЕ В XVII ВЕКЕ

В XVII веке колокола, собиравшие в поход русских воинов, получили небывалое распространение, и были выделены в особую группу — вестовых, от слова «вещать». Есть основания полагать, что выделение из общей массы отливаемых в Москве на Пушечном дворе специальных вестовых колоколов, надо относить к гораздо более раннему времени. Истоки следует искать в предыдущем столетии, когда началось формирование групп городов, где ставились русские гарнизоны и осадные полки для защиты пограничных областей.

Самым удобным способом оповещения максимального количества людей был сигнал колокола.

Однако на Руси, прежде всего, колокола выполняли сакральную функцию, являясь неотъемлемой частью православного богослужения. В связи с этим необходимо было разграничить колокольный звон, призывавший в храм, и звон, сообщавший о необходимости сбора служилых горожан. Специальные вестовые колокола должны были стать принадлежностью всех городов-крепостей Российского государства, чтобы поднимать в ружье их гарнизоны.

РАБОТЫ по отливке вестовых колоколов на московском Пушечном дворе в 1620-е годы шли очень интенсивно. Новый этап производства колоколов, приостановленный в годы смуты, был обусловлен возобновлением в стране единой государственности. Только в выявленных на сегодняшний день документах 20-х годов XVII века зафиксировано литье вестовых колоколов для 27 российских городов. Всего же на европейской территории России еще в начале 1620-х годов насчитывалось 42 города-крепости. География населенных пунктов, куда в эти годы на московском Пушечном дворе отливались вестовые колокола, напрямую связана с мероприятиями по усилению обороноспособности страны. Так, в первой половине 1620-х годов в первую очередь это западное и юго-западное направление: именно оттуда пришли войска польского королевича Владислава и запорожского гетмана Сагайдачного, попытавшихся захватить Москву. Спустя всего два года после Деулинского перемирия 1618 года,

на московском Пушечном дворе стали отливаться вестовые колокола для Вязьмы (смоленское направление) и Мещевска¹ (черниговское направление). В документах первой половины 1620-х годов упоминаются еще 16 городов, для которых были отлиты вестовые колокола².

С конца 1620-х годов началось энергичное укрепление южных

вестовые колокола для Лебеядни, Ливен, Валук; в 1628 перелит колокол Мещевска³, в сентябре началась подготовка колокольного образца⁴ для вестового колокола в Казани.

В конце декабря 1628 года приступили к изготовлению образцов двух вестовых колоколов для Саратова и Терека. Одновременно на Пушечном дворе продолжались ранее начатые работы по подготовке к литью пяти колоколов для соборов и монастырей. Весь январь 1629 года ярыги толкли глину и кололи дрова для сушки колокольных образцов, а кузнецы ковали к ним железные обручи⁵. Подготовительные работы на этот раз растянулись на целый месяц, причиной чего стало одновременное нахождение в производстве сразу восьми колоколов.

В начале февраля 1629 года образцы двух вестовых колоколов вместе с образцом колокола для старого государева двора поставили в литейную яму и засыпали землей. Колокола, по всей видимости, были отлиты в ночь на 4 февраля. На следующий день остывшие колокола откопали и приступили к их чистке, а кузнецы уже ковали для них языки⁶.

10 марта 1629 года, на Пушечном дворе начались подготовительные работы по изготовлению образца вестового колокола для Рильска. Спустя несколько дней, в производство поступили образцы еще для трех вестовых колоколов, для Оскола и в Печерников⁷. Работа над этими колоколами была

«СМЕТНЫЙ список служилых людей пушкарского чина, подчиненных Пушкарскому приказу», датируемый 1629 года, перечисляет 83 города, в каждом из которых должен был быть свой вестовой колокол

границ Российского государства. Мастерам московского Пушечного двора поступил государственный заказ на изготовление вестовых колоколов, теперь уже для городов-крепостей Украинного разряда. Так, в 1627 году были отлиты

коллективной. В ней принимали равное участие три мастера: Игнатий Максимов, Кирилл Самойлов и Данила Матвеев. Общее руководство принадлежало самому опытному из них, Игнатию Максиму⁸. Производство вестового

колокола в Рыльск заняло 25 дней, на Оскол и в Печерники — по 17. Эти цифры, по всей видимости, отражают реальный срок затраченный на производство одного колокола среднего размера, в отдельных случаях он мог растягиваться до полутора и более месяцев (колокола в Саратов и на Терек).

ИЗГОТОВЛЕНИЕ вестовых колоколов на московском Пушечном дворе в 1620—1630-х годах осуществлялось параллельно с отливкой колоколов

О нарастании потребности в производстве вестовых колоколов в 1640-х годах свидетельствует тот факт, что их отлив стали поручать не только опытным мастерам, но и их ученикам. Так, например, в 1641 году колокольному ученику Василию Борисову было велено перелить разбитый вестовой колокол, привезенный из Дедилова¹⁴.

Отливка вестовых колоколов, все чаще производилась партиями. Такие заказы, как правило, выполняли опытные литейщики. Например, в выписках И.Х. Гамеля из

протяжении нескольких десятилетий XVII века, что отвечало задаче повышения обороноспособности Российского государства. Важность выполняемого заказа подтверждается также тем, что в отливке колоколов были задействованы практически все мастера Пушечного двора, причем не только специализирующиеся на литье колоколов, но и производстве артиллерийских орудий. Результатом их плодотворной работы явилось изготовление вестовых колоколов для десятков городов-крепостей, чьи гарнизоны охраняли рубежи Российского государства.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ вестовых колоколов шло весьма интенсивно на протяжении нескольких десятилетий XVII века, что отвечало задачам повышения обороноспособности Российского государства

для российских монастырей и храмов. Производство и тех, и других выполнялось одними и теми же специалистами совместно с целым штатом чернорабочих (ярыг). Производство осуществлялось под неукоснительным надзором руководителей Пушкарского приказа. Осенью 1635 года глава приказа, окольный князь А.Ф. Литвинов-Мосальский, интересовался, почему до сих пор не отправлены в города вестовые колокола, которые велено было послать еще в прошлом году⁹. «Сметный список служилых людей пушкарского чина, подчиненных Пушкарскому приказу», датированный 1629 года, перечисляет 83 города¹⁰, в каждом из которых должен был быть свой вестовой колокол.

С продвижением российской границы все дальше на юг значение Тульского, или Украинного, разряда постепенно уменьшалось. Средоточием южной оборонной стала Белгородская засечная черта с центром в Белгороде, куда в 1636 году из Москвы отправили вестовой колокол весом 10 пудов¹¹. Белгороду подчинялось несколько десятков городов и уездов. Здесь по указу царя Михаила Федоровича было основано около 30 новых крепостей. В том числе построен Тамбов, куда в феврале 1636 года был послан артиллерийский наряд, состоявший из 29 пищалей, одна из которых вестовая «мало-болши полуторная», и вестовой колокол весом 15 пудов¹². Всего в документах приказа 1626—1644 года содержатся данные о городах Арзамасской, Белевской, Веневской, Зарайской, Каширской, Козельской, Коломенской, Кропивенской, Кцынской, Лихвинской, Перемышльской, Рязской, Рязанской, Тульской и Шацкой засек¹³.

неуказанной им книги Пушкарского приказа 1647 года, говорится об отливке мастером Иваном Фальком одновременно пяти вестовых колоколов в разные города¹⁵, что свидетельствует о продолжении в 1640-х годах выполнения программы повышения обороноспособности страны в части оснащения городов-крепостей вестовыми колоколами.

Позднее вестовые колокола стали изготавливать «в запас»: в ноябре 1650 года мастер Данила Матвеев с этой целью отлил шесть вестовых колоколов¹⁶. Такая практика была очень удобной, поскольку колокола довольно часто плавилась во время пожаров, либо разбивались при ударах или падениях и поврежденный колокол приходилось привозить на Пушечный двор для переливки. Создание запаса колоколов на складах Пушкарского приказа, обеспечивало наличие резерва, на много ускоряя замену колоколов.

В XVII веке существовал определенный стандарт на вестовые колокола, который регламентировал их оптимальный вес и размер. Параметры вестовых колоколов фиксировались в описях, и мастера получали задание «изготовить против прежних памятей...». Вес вестовых колоколов, отливавшихся на московском Пушечном дворе в XVII веке, составлял от 10 до 35 пудов (в зависимости от величины города, для которого предназначался колокол). По своему размеру и внешнему виду вестовые колокола ничем не отличались от церковных колоколов, поэтому зачастую они, заготавливаемые в прок, служили фондом, из которого по мере необходимости пополнялись колокольные наборы православных храмов.

Изготовление вестовых колоколов шло весьма интенсивно на

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Забелин И.Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам // Чтение в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). Ч. 1. 1882. № 743. С. 256; № 916. С. 284.

² Там же. № 921. С. 393.

³ Архив Санкт-Петербургского Института российской истории РАН (Архив СПБИРИ РАН). Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. С. 85—99, 383, 386, 391.

⁴ Колокольным «образцом» в документах Пушкарского приказа XVII в. назывался глиняный болван (или фальшивый колокол, опока), по которому затем производилась отливка.

⁵ Архив СПБИРИ РАН. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. Л. 118—120.

⁶ Там же. Л. 125—127.

⁷ Там же. Л. 135, 136.

⁸ Там же. Л. 139.

⁹ Там же. Л. 394.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 6. Д. 49. Л. 79—90 (сметный список служилых людей пушкарского чина, подчиненных Пушкарскому приказу; перечисляются 4573 человека по городам Московского государства).

¹¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

¹² Акты, собранные в архивах и библиотеках Археографической экспедицией. Т. III (1613—1645). СПб., 1836. № 261.

¹³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 87а. Л. 102, 103 и сл.; Российская национальная библиотека, отдел рукописей. Ф. 532. Ч. 1. Д. 581. Л. 1—57.

¹⁴ Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 17. Оп. 2. Д. 687. Ед. хр. 5а.

¹⁵ Архив СПБИРИ РАН. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. Л. 385.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 42.

А.Ф. БОНДАРЕНКО

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА БАЛТИЙСКИМИ ВОЕННЫМИ МОРЯКАМИ СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Первое успешное ведение морского боя
на заранее подготовленной
минно-артиллерийской позиции

Одной из славных страниц военной истории нашего Отечества является героическая оборона Балтийским флотом Свеаборгской морской крепости, прикрывавшей подход к Гельсингфорсу (ныне — Хельсинки), от англо-французского союзного флота в ходе Крымской войны 1853—1856 гг. При обороне крепости впервые в истории военноморского искусства русские парусные корабли вели бой на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции, что позволило им успешно отразить атаку во много раз превосходившего по силе англо-французского парового флота. Автору статьи вместе с курсантами Балтийского военноморского института имени адмирала Ф. Ф. Ушакова удалось на учебном корабле «Смоляр» в канун знаменательной даты побывать в местах героических подвигов русского флота — в районе группы островов Суоменлинна¹ (Свеаборг) в столице Финляндии (ныне музей-крепость, памятник архитектуры XVIII в.).

Схема островов Суоменлинна

Иллюстрация к статье о бомбардировке Свеаборга в иностранной прессе 1855 г.

См.: Weaver F. Secrets of Suomenlinna // Six Degrees. 2005. № 5. P. 14, 15.

К 150-летию окончания Крымской войны 1853—1856 гг.

ПОРАЖЕНИЕ России в Крымской войне 1853—1856 гг. показало политическую, экономическую и военную слабость империи середины XIX века. Однако, несмотря на поражение, уже в ходе войны вооружение и тактика действий русской армии и флота получили значительное развитие: появились новые боевые порядки, впервые широкое применение получили нарезное оружие и морские мины, зародились формы позиционной борьбы, изменилось управление огнем, подтвердилась необходимость взаимодействия армии и флота и т.д. Кроме того, война выявила возросшее значение морального фактора. При подавляющем техническом превосходстве англо-французской армии и флота русские вооруженные силы благодаря глубокому патриотизму, стойкости и мужеству сол-

дат и матросов, офицеров, генералов и адмиралов имели неоспоримое моральное преимущество перед противником. Безусловно, данные обстоятельства требуют более внимательного отношения при изучении военно-исторического наследия Крымской войны и заслуживают в наши дни обращения к ее опыту.

Принято считать, что боевые действия на Балтийском море не оказали значительного влияния на общий ход Крымской войны. На наш взгляд, данная точка зрения недостаточно обоснованна. Присутствие на Балтике крупных сил флота союзников вынуждало Россию держать для обороны побережья и особенно столицы значительное число сухопутных войск и не давало возможности использовать их на главном театре военных действий (ТВД) в Крыму. Причем паровой флот противника, имевший к тому же дальнюю артиллерию, мог сравнительно свободно выбирать нужную ему позицию и буквально расстреливать парусные русские суда, маневр которых всецело зависел от

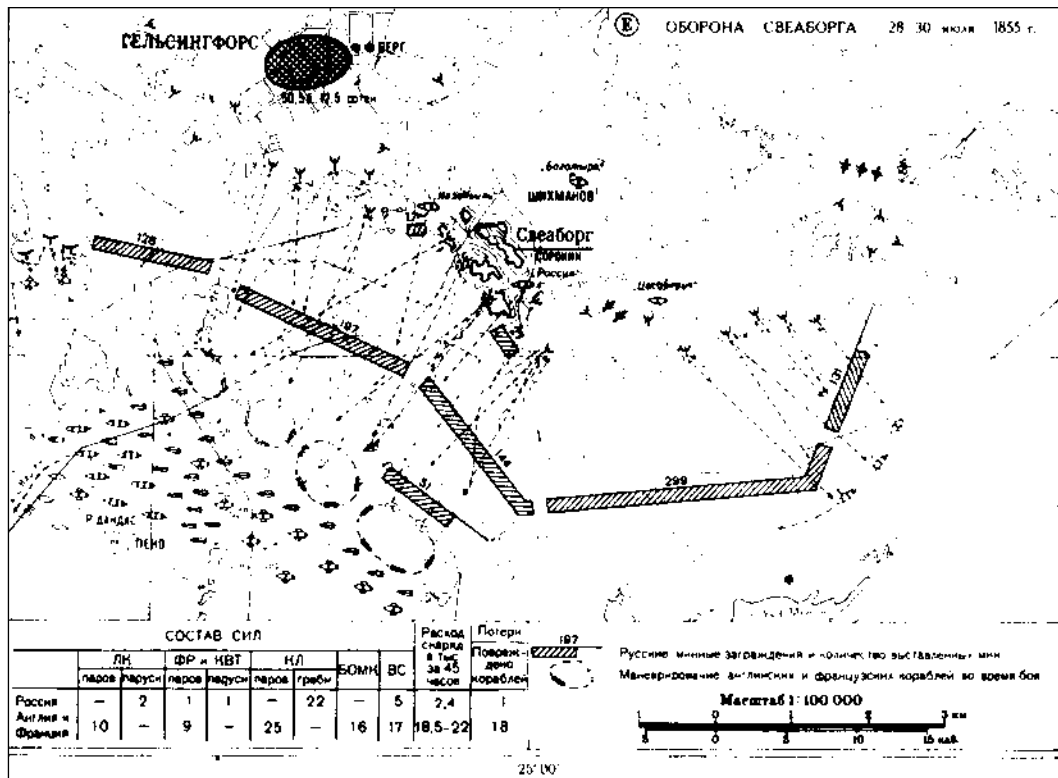

Схема обороны Свеаборга 28—30 июля 1855 г.

гократного преимущества шведского гарнизона: шведы значительно превосходили русских в численности войск и артиллерии (734 орудия против 59). Среди основных причин местных историки отмечают неготовность крепости к обороне с моря, да и вообще к какому-либо боевым дей-

направления и силы ветра. В этих обстоятельствах лишь военное искусство командиров, высокий уровень подготовки и храбрость русских моряков могли спасти их от неминуемой гибели, что подтвердила успешная оборона флотом морской крепости Свеаборг. Следовательно, успешность боевых действий на Балтийском море позволяла высвободить часть войск, сосредоточив их на главном ТВД, и положительно повлиять на кампанию в Крыму.

Внимания военных историков, на наш взгляд, заслуживает и памятник военной архитектуры XVIII века — группа финских островов Суоменлинна, на которых располагалась русская морская крепость Свеаборг. Строительство крепости началось после поражения Швеции в войне с Россией 1740—1743 гг., когда новая граница прошла всего в 150 км от современного Хельсинки, и все восточные укрепления оказались на русской территории. Кроме того, Россия создала в Финском заливе мощную морскую крепость-базу — Кронштадт. Контроль шведов над Балтикой был потерян: Россия «прорубила окно в Европу, щепки полетели в Стокгольм», вызывая понятное беспокойство. Финляндия и,

что скрывать, сама Швеция нуждались в надежной обороне. Размах стройки, затянувшейся на сорок лет, был нешуточным — ничего подобного ни в Швеции, ни тем более в Финляндии не сооружали. Крепость дено и ночью строили несколько тысяч человек: рекрутов, крестьян и заключенных.

Главным архитектором и первым начальником гарнизона крепости был швед А. Эренсвард, могила которого благодаря русским и финнам сохранена до наших дней, благоустроена для посещения. В период строительства крепости в ней проживали около 4500 человек, что в три раза превышало население Хельсинки. Даже в 1806 году, когда строительство основных объектов крепости было давно завершено, численность населения Свеаборга по-прежнему превосходила численность населения Хельсинки, составившего около 4200 человек. Поэтому Свеаборг длительный период по отношению к Хельсинки во многих отношениях был большим, чем просто крепость².

В 1808 году в ходе войны России со Швецией 1808—1809 гг. крепость была сдана русским, причем без потерь с обеих сторон в условиях мно-

ствам. По мнению шведских и финских историков, шведы исходили из предположения, что русские вряд ли нападут на крепость, а потому строили ее более для «отдыха, закрытого от посторонних взглядов», чем для ведения боевых действий. Кроме того, историки ссылаются на исключительно холодную зиму 1808 года, из-за чего гарнизон Свеаборга был ограничен в возможности пополнения боевых запасов и продовольствия. В свою очередь, взятие крепости в дальнейшем позволило организовать под командованием генералов П.И. Багратиона и М.И. Барклая-де-Толли беспримерный по храбрости переход русских войск по льду Ботнического залива и встать у стен Стокгольма. Результатом столь внезапного появления русской армии в глубине Швеции стало заключение перемирия, а вскоре и мирного договора, по которому Швеция признавала Финляндию российским владением.

Наибольшую известность крепость получила в 1855 году, когда во время Крымской войны 1853—1856 гг. корабли Балтийского флота и русский гарнизон были подвергнуты трехдневной бомбардировке кораблями англо-французской эскадры.

Ф.Ф. Берг

Я.А. Шихманов

А.П. Алексеев

В ходе войны командованием Балтийского флота большое внимание уделялось обороне Свеаборгской крепости, прикрывавшей подходы к Гельсингфорсу (ныне — Хельсинки). В этом районе были выставлены несколько заграждений из 994 морских мин. Их прикрывали береговые батареи, установленные на островах, и корабли. Минные заграждения были также выставлены у Ревеля и Усть-Двинска.

Потерпев неудачу под Кронштадтом, неприятельский флот в конце июня 1855 года отошел на запад и стал готовиться к нападению на Свеаборг. Замысел союзного командования заключался в том, чтобы, используя дальнобойную артиллерию, подавить с дальних дистанций огонь русской береговой и корабельной артиллерии, а затем высадить морской десант и захватить крепость.

Готовясь к отражению нападения на Свеаборг, русское командование усилило минные заграждения, дополнительно установило на островах несколько береговых батарей. В наиболее глубоководных проливах, ведущих на рейд, были развернуты линейные корабли «Россия» (120 орудий), «Иезекииль» (70 орудий), фрегат «Цесаревич» и бригада гребных канонерских лодок. Чтобы противник не мог пройти к Свеаборгу, в других проливах были затоплены старые корпуса судов — блокшивы. Для обороны крепости и Гельсингфорса были сосре-

доточены 502 полевых орудия, для прикрытия проливов — 300 корабельных орудий.

Для захвата крепости союзники выделили 10 линейных кораблей, 9 фрегатов и корветов, 7 вооруженных колесных пароходов, 25 канонерских лодок и 21 бомбардирское судно. Громадная эскадра обладала мощной артиллерией (более 1000 орудий). Англо-французское командование, опасаясь подрыва кораблей на минах, предпочло огонь по Свеаборгу вести с дальних дистанций³.

Утром 28 июля (9 августа) корабли противника находились в намеченной диспозиции: ближе к внешней линии свеаборгских укреплений держались на ходу бомбардирские суда и канонерские лодки, за ними стояли на якоре линейные корабли и фрегаты.

Бой начался в 7 ч 30 мин. Первыми огонь по крепости и береговым батареям, установленным на островах, открыли канонерские лодки и бомбардирские суда, вооруженные мощными дальнобойными орудиями. Обстрел продолжался двое суток. Противник выпустил по крепости, береговым батареям и русским кораблям более 20 тыс. снарядов различных калибров, но из-за большой дальности

стрельба была малоэффективна. Неоднократные попытки высадить десант на о. Друме были сорваны огнем батарей крепости⁴.

Все защитники Свеаборга действовали храбро и умело. Наиболее доблестно сражался экипаж линейного корабля «Россия» под командованием капитана 1 ранга В.К. Поклонского. Семнадцать часов он находился под непрерывным огнем, защищая главный вход на рейд в проливе Густавсверд, получил более 40 попаданий, три подводные пробоины, но в пролив противника не допустил. Когда неприятельский снаряд с горящим запалом попал на батарейную палубу, матрос Иван Антонов, рискуя жизнью, бросился к нему и выбросил за борт. На корабле трижды возникал пожар, и все три раза матросы тушили его под ожесточенным огнем противника, не прекращая стрельбы. Одна из бомб пробила палубу корабля «Россия» и застряла в районе кюйт-камеры, но подпоручик Ф.С. Попов с группой матросов бросился в трюм и предотвратил взрыв пороха.

В критических ситуациях личный состав крепости также не терял присутствия духа, действовал исключительно самоотверженно. Так, около 10 утра на острове Густавсверд загорелась деревянная труба, служившая для вентиляции порохового погреба. Воды поблизости не оказалось, тогда солдат набросил на трубу свою шинель. Его примеру последовали другие артиллеристы, и взрыв погреба, а вместе с ним и укрепления, удалось предотвратить.

Не добившись успеха в течение 45 часов непрерывной бомбардировки крепости, неприятель 30 июля (11 августа) прекратил атаки. Склады и де-

Могила архитектора и первого начальника гарнизона крепости А. Эренсварда

Конец XVIII в.
Фото автора, июнь 2005 г.

Батарейная палуба линейного корабля середины XIX в.

Художник С. ПЕН, 2000 г.

ревянные постройки были сожжены, но укрепления и батареи получили лишь незначительные повреждения. Людские потери защитников крепости составили около 70 человек убитыми и до 250 ранеными⁵.

Англо-французский флот простоял у Свеаборга еще двое суток и ушел в море. После продолжительной стрельбы множество корабельных мортир и бомбард противника вышли из строя, боеприпасы были на исходе. Официально английское и французское адмиралтейства сообщили, что эскадра задачу выполнила: «в Свеаборге разрушили все, что нужно было разрушить». Впрочем, это сообщение не обмануло ни Париж, ни Лондон. Газеты, восторженно встретившие весть о бомбардировке Свеаборга, позднее так резюмировали итоги бесславного похода союзной эскадры на Балтику: «Великолепный и огромный флот... высланный при всеобщих восторгах, вернулся с весьма сомнительным триумфом... Свеаборгские укрепления остались нетронутыми, а русские военные суда не уничтожены»⁶.

Защитники Свеаборга под командованием генерал-лейтенанта А.Ф. Сорокина умело использовали минные заграждения. В ходе обороны крепости впервые в истории военно-морского искусства русские парусные корабли и береговая артиллерия вели бой на заранее подготовленной минно-артиллерийской пози-

ции, что позволило успешно отразить атаку во много раз превосходившего по силе англо-французского парового флота.

В дальнейшем в ходе Крымской войны неприятель больше не предпринимал на Балтийском море крупных боевых действий, а ограничивался лишь крейсерством отдельных кораблей и небольших отрядов в Финском и Ботническом заливах. В конце ноября 1855 года англо-французский флот покинул Балтийское море.

Таким образом, покидая Балтику, союзники не достигли поставленных целей. Дипломатически эта кампания в ходе войны оказалась для них столь же малоэффективной, как и предыдущая, так как шведский король Оскар по-прежнему не желал примыкать к союзникам и объявлять России войну. Корабли флота союзников, на дальний поход которого к берегам России были потрачены огромные средства (в пересчете около 1,5 млн.

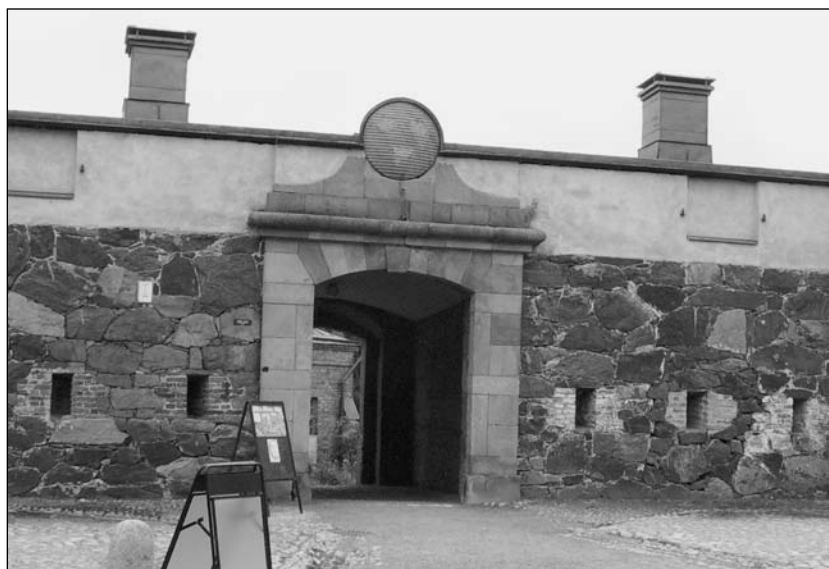
золотых рублей), возвращались в свои гавани, не выполнив боевых задач. Огромную роль в этом сыграли оперативные и тактически грамотные решения командования Балтийского флота и Свеаборгской крепости, высокий уровень подготовки, умелые и храбрые действия русских моряков.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива сохранились «Портреты лиц, отличившихся заслугами в событиях 1853, 1854, 1855, 1856 гг.», среди которых — отличившихся во время бомбардировки Свеаборга: графа Ф.Ф. Берга — генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, финляндского генерал-губернатора, командующего войсками в Финляндии; Я. А. Шихманова — вице-адмирала, начальника 3-й флотской дивизии, заведовавшего с мая 1855 года морской частью в Финляндии; А.П. Алексеева — генерал-майора, помощника коменданта крепости.

После Крымской войны в 1860—1880 гг. в крепости проводились реставрационные работы, Свеаборг укрепили новой линией обороны с современными 9- и 11-дюймовыми орудиями. Крепость и окружающие ее острова стали частью «Морских укреплений Петра Великого», призванных служить охране Санкт-Петер-

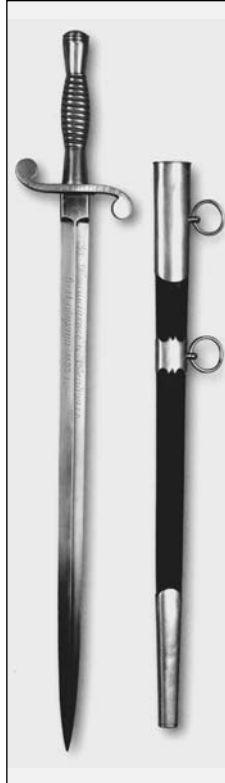
Часть построенной шведами 6-километровой стены крепости с Королевскими воротами

Вторая половина XVIII в.
Фото автора, июнь 2005 г.

120-пушечный корабль «Россия»
Художник С. ПЕН, 2000 г.

Кортик морской офицерский образца 1853 года с надписью: «За храбрость» (золотое оружие). Правая голомень клинка имеет подпись: «За Гельсингфорс и Свеаборг 6—11 августа 1855 г.». Принадлежал командиру 24-го флотского экипажа и корабля «Иезекииль» капитану 1 ранга Бровцыну 2-му

Черный остров) расположена Военно-морская академия Финляндии.

С 1991 года Суоменлинна внесена в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В настоящее время на островах ведутся реставрационные работы, первый этап которых планируется завершить к 2020 году. При этом необходимо отметить, что большую часть сохранившихся строений составляют объекты, построенные в русский период (1808—1918 гг.), а от крепости шведского периода остались лишь стены, однако довольно значительной протяженности — около 6 км⁸. В память о бомбардировке крепости в ходе Крымской войны 1853—1856 гг. ежегодно в августе финны устраивают на островах соревнования по фейерверкам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Суоменлинна в переводе с финского — «финская крепость». Такое название крепость Свеаборг (в переводе со шведского — «шведская крепость») получила в 1918 г., после того, как Финляндия обрела независимость.

² Weaver F. Secrets of Suomenlinna // Six Degrees. 2005. № 5. P. 14, 15.

³ Koenig W. Epic Sea battles / Edited by S.L. Mayer. China: OPG, 2004. P. 84, 85.

⁴ Золотарев В.А., Саксонов А.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. С. 363, 364.

⁵ Кошелев С. Балтийский флот в Крымской войне (1854—1855) // Очерки из истории Балтийского флота. Калининград: Янтарный сказ, 1997. С. 102, 103.

⁶ Sainsbury A.B. The Royal Navy day by day. Shepperton, England: Lan Allan Ltd, 1992. P. 123.

⁷ Лаурила А. Хельсинки и его жители // Хельсинки. Хельсинки: Тип. Ф.Г. Леннберг, 1988. С. 20, 21.

⁸ Weaver F. Op. cit. P. 15, 16.

**Капитан 3 ранга
В.Г. КИКНАДЗЕ**

бурга. Летом 1906 года отголоском первой революции в России над батареями гарнизона поднялся красный флаг. Началось Свеаборгское восстание. Мятежные артиллеристы захватили все пулеметы, но через три дня в перестрелке снаряд угодил в пороховой склад с 57 тоннами пороха, после чего корабли военной эскадры взяли «форт-фейерверк» без особых усилий.

В 1918 году после обретения Финляндией независимости крепость стала финской и, исходя из государственной принадлежности, была переименована в Суоменлинна — «финскую крепость». Первоначально на острове располагался лагерь для заключенных из числа «красных финнов», проигравших гражданскую войну в Финляндии. Более чем для 10 тыс. финнов остров в 1917—1918 гг. стал братской могилой. В дальнейшем он стал военным объектом, здесь до 1975 года располагалась база ВМС Финляндии.

В годы Второй мировой войны в Суоменлинне базировались пять средних подводных лодок, одна из которых — «Весикко». Финское правительство купило ее у Германии в конце 1930-х годов. Во время

войны эта лодка торпедировала советское торговое судно. После окончания войны Финляндии было запрещено иметь подлодки, и все субмарины флотилии были распроданы, кроме «Весикко», которую передали военному музею. Сохранились на острове и орудия береговой артиллерии, изготовленные в Перми и установленные в крепости накануне Крымской войны.

Есть на острове и печальное место — обелиск всем погибшим здесь. Он был установлен в 1937 году после аварии на военном заводе, унесшем жизни десятков жителей острова. На обелиске лаконичная надпись — «Павшим. 1808, 1855, 1906, 1917/1918, 1937». Это годы значительных потерь среди гарнизона крепости и населения островов, причем как шведского, так русского и финского.

Основное количество укреплений бывшей крепости и Королевские ворота находятся на острове Кустаанмиекка (Королевский меч). Именно здесь в 1918 году над главным фортом в присутствии президента Свинхувуда впервые поднялся финский флаг⁷. В гулких казармах на острове Пикку-Мустасаари (Малый

«АРМИЯ ПЛАТИЛА БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ ЗА СВОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ»

Записки о революционных событиях и Гражданской войне в России в 1917–1922 гг.

В.В. САВИНКОВ

МИНСК неплохой город вообще. Во время войны, находясь в центре [дислокации войск] Западного фронта, он представлял картину значительного оживления. Штаб фронта, множество различных тыловых учреждений, различные военные школы, два запасных полка (позднее еще и кавалерийская дивизия и ударный батальон) — все это влилось в основную массу городского населения, на три четверти еврейского. Сюда же в кратковременный отпуск приезжали и фронтовые офицеры. После скучного и долгого сидения в окопах они буйно прокучивали скопленное жалованье. Все гостиницы всегда были забиты военными. По вечерам, несмотря на запрещение торговли спиртными напитками, в некоторых ресторанах и гостиницах стоял [хмельной] дым коромыслом. Ночью можно было встретить сильно загулявшую компанию или отдельных военных, спяну блуждавших по незнакомым улицам. Магазины приспособились к потребностям фронта. Особенно много было парфюмерных. Так много, что, казалось, Минск только и торгует духами да пудрой. В этих магазинах всегда можно было встретить военных — одних или в обществе случайных и недолговременных подруг.

Замкнутый в своем круге, штаб жил вне городской жизни: несмотря на затишье на позициях, ему всегда хватало работы. Время штабных офицеров было так распределено, что жить обычно жизнью не было возможности. Занятия начинались в 9 ч утра и продолжались до обеда — до половины второго. Обедали обыкновенно в штабной столовой. Первыми являлись младшие, занимая концы огромно-

го стола [расположенного] «покоем» [т.е. буквой «п»]. Затем появлялись старшие чины, генералы и наконец сам начальник штаба, в то время Духонин¹ — плотный румяный молодой генерал с очень черными усами и в пенсне. Он наскоро пожимал руки офицерам какой-либо из сторон стола. Здоровался с генералами и священником. Последний читал молитву, которую на концах стола не слышали. Затем приносили суп.

После обеда занятия возобновлялись в 4 ч с часовым перерывом для ужина, продолжаясь затем до 11–12 [ночи], а в случае надобности — до бесконечности. Это распределение времени раза два изменялось, но несущественно: условия работы не допускали длительных перерывов. День был [строго] разбит с отсутствием времени для личных дел. Праздники и воскресенья от будней не отличались. Однако, когда работы в штабе оказывались не особенно много, как в то время, когда я прибыл, каждый офицер (по крайней мере в политическом отделении) имел раз в неделю свободные часы после обеда. Кроме того, после дежурства можно было не приходить на утренние занятия.

Дежурства в штабе были различные. Например, младшие офицеры несли их на телеграфах, которых в штабе имелось два — общий и оперативный. В первом трещали около двадцати аппаратов Юза и штук десять Морзе. Во втором, соединявшем прямыми проводами штаб с армиями, со Ставкой, со штабами [других] фронтов и с наиболее важными пунктами фронта — двенадцать, а может быть, и больше аппаратов Юза. Кроме того, штаб обслуживался и городским телеграфом, помещавшимся напротив.

Вначале я раз дежурил по общему телеграфу. Затем был переведен на оперативный, что считалось более ответст-

венным. Число офицеров, допущенных к этому дежурству, было ограничено, и поэтому нести его приходилось гораздо чаще, чем на общем телеграфе, — приблизительно раз в 6–7 дней.

IV отделение (военно-политическое) управления генерал-квартирмейстера² ко времени моего назначения состояло из начальника — генерального штаба полковника Н[овикова], штаб-офицера капитана К. и обер-офицера для поручений, т.е. меня. Впоследствии были добавлены еще два офицера — поручик З. и подпоручик Ж.

Из данных мне полковником Н[овиковым] указаний явствовало, что все мои обязанности будут заключаться в чтении фронтовых газет и постановлений войсковых комитетов. Я должен был быть всегда в курсе дела на случай, если бы или генерал-квартирмейстер, или начальник штаба, или сам главнокомандующий потребовали доклад на эту тему. Такого рода задача показалась мне странной. Я попросил разрешения ознакомиться с приказами и распоряжениями, касающимися функций отделения. Оказалось, что существовали только временное положение о политических отделениях да два-три приказа о штатах. Никаких ясно выраженных задач на отделение не возлагалось, функции отделений определялись крайне расплывчато и неопределенно. Из разговора с Н[овиковым] я вынес впечатление, что он сам не уяснил себе своих задач и не выработал плана работы, ожидая указаний свыше. Единственной установившейся функцией отделения было составление ежедневных и еженедельных сводок о происшествиях на фронте. Первые представлялись генерал-квартирмейстеру, вторые — через начальника штаба главнокомандующему, в политическую часть Ставки и в Военное министерство.

Политическому отделению

Продолжение. Начало см.: Воен.-ист. тор. журнал. 2006. № 1–7.

штаба фронта соответствовали политические отделения в армиях (Западный фронт включал 2, 3 и 19-ю армии); [имелись также] адъютанты по политической части в корпусах. Функции этих инстанций [пока были не совсем ясны, но я] утешал себя тем, что скоро должно [было все проясниться]. Ведь все [соответствовало методу], принятому Военным министерством: сначала организовать учреждение, а потом уже выработать положение о нем.

До моего приезда Н[овиков] не проявил никакой инициативы в деле организации работы своего отделения, не поставил на должную высоту даже дело осведомления, словом, отнесся к своей задаче совершенно пассивно, в то время как уже существовавшие общие положения давали ему полный простор для предприимчивости и почина. Вскоре я понял, впрочем, что ждать от полковника Н[овикова] того и другого было бы опрометчиво.

Прохождение курса в Академии Генерального штаба, как мне неоднократно приходилось слышать, требует большой работы. Однако, не блистая никакими способностями, кроме памяти, говорят, можно ее окончить при помощи одного зубрения. Этим объясняют то, что среди офицеров Генерального штаба попадают не только бездарные, но и настолько глупые люди, что приходится удивляться, как они умудрились получить диплом.

Н[овиков] не принадлежал к последним, но способностей был средних. Зато его упорство и трудоспособность были громадные. Еще большим было его честолюбие. Почуввав перемену своего положения, он занялся изучением политических и общественных вопросов. В то время, как я с ним познакомился, он был уже с.-р. [эсер], из тех, что в то время назывались «мартовскими»³. Счастлирое прозрение! Человек, принадлежащий к аполитичной, по существу, среде — военной, всю жизнь занимающийся специальными военными вопросами и сумевший пробиться в ряды военной аристократии, вдруг — социалист, да еще и крайний! Впрочем, в то время такие «прозрения» были нередки. Крайние партии могли гордиться значи-

тельным числом примыкавших к ним не только полковников, но и генералов Генерального штаба.

Изучение политических вопросов принесло Н[овикову] пользу. Среди невежественных в этом отношении офицеров он слыл знатоком. Это и дало ему место начальника политического отделения. На самом же деле, как это и должно было быть в результате несистематического и кратковременного чтения, полковник Н[овиков] не был в достаточной степени осведомлен. Однако этого он не скрывал и постоянно говаривал, что только начинает учиться. Обычно в отделении, когда не было работы, он сидел над какой-нибудь книжкой политического или экономического содержания. Иногда обращался ко мне с вопросами по тому или иному поводу, просил указать хорошие труды по отдельным общественно-политическим вопросам, часто затевал политические разговоры. Словом, ради пополнения своих знаний он не пренебрегал никакими возможностями.

Н[овиков], как и большинство русских военных, был рабом укоренившейся традиции — все идет сверху; исполняются лишь приказания, самому же вносить что-нибудь не полагается. Поэтому он умел хорошо работать тогда, когда круг его деятельности очерчен исчерпывающе, притом в нормальных, привычных условиях. В таких условиях он, может быть, даже и был способен проявить творческую инициативу, но, будучи вне этих условий, в незнакомом и только слегка очерченном круге деятельности, не догадывался сразу, что надо делать, и инициативы не проявлял до той поры, пока не получал к тому толчок со стороны. По существу, он был такой же карьерист, как и все офицеры Генерального штаба; сравнительно быстро принял «покровительственную окраску» и перестал молчать о том, что он сын простого крестьянина и исключительно самому себе обязан карьерой. Он, конечно, не промахнулся. Ничто ему не могло мешать сделать при новых условиях карьеру не меньшую, чем при прежних. И действительно, как я узнал впоследствии, политическое отделение штаба Западного фронта вско-

ре обратило на себя внимание. Сам Н[овиков] выдвинулся на съезд начальников политических отделений при Ставке, состоявшийся незадолго до корниловского выступления⁴ и имевший целью, насколько помню, определение функций политических отделений и выработку положений о них. Ко времени этого съезда Н[овиков] уже имел полную программу работ, чем едва ли могли похвастаться другие начальники политических отделений. В результате ему [было] предложено ответственное место в политическом отделе при Ставке, в то время переорганизовавшемся или организовавшемся.

В ведении капитана К. находилась канцелярия политического отделения. На его же обязанности лежало составление ежедневных и еженедельных сводок о происшествиях на фронте. Капитан К. был простой и порядочный армейский офицер лет тридцати пяти, всю свою службу прошедший на адъютантских и штабных должностях. Знаток канцелярской работы и военно-административных положений, уставов и приказов, он был редкий специалист по бюрократической и бумажной части военного дела.

Поручик З., в ведение которого была передана вся иностранная, как союзническая, так и вражеская пресса, до войны служил в землеустроительных комиссиях. Человек в высшей степени воспитанный и хорошо образованный, живого ума и незаурядных способностей, он принадлежал к аристократическим чиновно-помещичьим кругам, к петербургскому свету. Конечно, он разделял все симпатии и взгляды, качества и недостатки круга, к которому принадлежал. Между прочим, преклонялся перед государственными способностями и силой характера Столыпина. Своих политических взглядов он никогда не высказывал, говоря только о том, о чем можно было говорить, их не обнаруживая. Иногда он критиковал Временное правительство с тактом и осторожностью, доказывавшими, что намерен при всяком правительстве сделать карьеру не худшую, чем та, которая намечалась для него при царском режиме. Он был из тех чиновников, ко-

торые, несмотря на свою молодость, уже успели обратить на себя внимание. Имел решительно все данные для большой чиновничьей карьеры.

Подпоручик Ж. до войны служил в судебной магистратуре. Во время войны — на штабных должностях. Он представлял тип нестарого, веселого провинциального чиновника, исполняющего всякое приказание, независимо от его содержания. Ему была поручена фронтовая печать, которая до тех пор, в течение месяца с лишком, была в моем ведении.

Кроме офицеров в отделении было несколько писарей. Один из них исполнял должность делопроизводителя.

Несколько дней я посвятил разборке и распределению имевшихся в отделении материалов. Они заключали в себе: наставления и протоколы войсковых комитетов, резолюции съездов и совместных заседаний комитетов, газеты, издававшиеся в полосе, подчиненной штабу Западного фронта, прокламации, листовки, брошюры местного издания. [Кроме того, накопилось немало] донесений и докладов о происшествиях. Самое поверхностное рассмотрение всего этого материала уже заставило меня обратиться к Н[овикову] с предложением к каждой еженедельной сводке, представлявшей сухой перечень беспорядков, случаев неповиновения и насилий над командным составом, прилагать доклады о деятельности комитетов и обзоры печати. Мое предложение он одобрил. Ободренный этим успехом, я попробовал заговорить о борьбе с разрушением армии, что, по мнению Н[овикова], выходило за пределы компетенции отделения. Тем не менее я эту мысль не оставил и решил к ней при случае вернуться.

Прежде всего я пожелал узнать, сколько и каких комитетов находится на Западном фронте, каковы расходуемые ими суммы. Поскольку ни у кого в штабе я такой справки получить не мог, то составил и разослал во все армии и самостоятельные отделы фронта соответствующую анкету. В ожидании ответов занялся детальным и систематическим изучением имевшихся материалов. Предварительно принял меры, чтобы последующие

сведения доставлялись регулярно, без пропусков и в двух экземплярах, один из которых я оставлял в архиве штаба, другой (грешен) для себя лично, предполагая после войны приступить к серьезному исследованию состояния фронта и солдатских масс [в период боевых действий].

По мере изучения данных я все более увлекался работой, делая попутно заметки и для себя. Просматривая ежедневные и еженедельные сводки капитана К., а затем и сам принимая участие в их составлении, я имел перед собой полную и рельефную картину положения дел и военной обстановки.

Я получал постановления всех комитетов, начиная от ротных и каких-нибудь командных (вроде корпусных хлебопекарен или перевязочных пунктов) и кончая армейскими. Постановления и протоколы фронтового комитета и Минского совдепа, несмотря на неоднократные требования, не доставлялись. Их приходилось получать окольными путями, что не всегда удавалось.

Обычно постановления низших, например ротных, комитетов касались совершенно неинтересных предметов, вроде массовой починки обуви, улучшения подвоза пищевых продуктов и т.п. Но встречались [также и более серьезные] о выражении недоверия лицам командного состава, о смещении их с должностей.

Подобные постановления окончательно подрывали остатки авторитета офицеров. Даже пересмотры и отмены не изменяли отношения солдат к «заклейменному» начальнику. Жизнь его в части становилась невыносимой и вынуждала искать перевода. Если же офицер упорствовал и оставался (да и перевестись иной раз было некуда), дело кончалось насилием и безобразием.

Сам факт возможности рассмотрения подобных вопросов в комитетах, вторгавшихся таким образом в область ведения войскового суда, и то, что в результате не принималось никаких мер против состава комитета, продолжавшего благополучно здравствовать, имело крайне вредное влияние: солдаты утверждались в убеждении, что благодаря комитетам они властны над командным составом.

Еще менее понятны были «политические» резолюции ротных комитетов, не имевших права на подобные шаги. [Мало кого уже удивляло, что] комитет такой-то роты такого-то полка мог потребовать от Временного правительства «немедленного принятия мер к освобождению негров Южной Африки от капиталистического гнета англичан» или «чтобы Временное правительство немедленно потребовало от союзников проведения в жизнь самоопределения народов». Я хорошо запомнил эти две резолюции. Если первая несколько исключительна, то вторая — обычна.

Такие резолюции постепенно стали сменяться другими. Нет-нет да и проскочит постановление комитета какого-нибудь банно-дезинфекционного отряда «требовать заключения перемирия, дабы германский народ мог обсудить положение и, сбросив иго тиранов, прекратить войну» или уже напрямую к своему правительству, чтобы оно «предприняло шаги к скорейшему прекращению человекоубийственной и кровопролитной бойни на началах справедливого мира без аннексий и контрибуций» (в это время потери всего Западного фронта не превышали 10 человек в неделю, обычно — 6—8).

Эти резолюции ротных и других низших комитетов чрезвычайно показательны. Мужик-пехотинец, погруженный в свои мелкие дела, думает чаще всего о штанах и портянках, считает золотники крупы (за это и прозвана пехота «крупой»), сала, добивается новых сапог и т.д. Но вот услышал, что война нужна только капиталистам и барам, что если бы не капиталисты, то и немцы войну бы уже закончили. К этому присоединяются слухи: в родных местах помещиков уже выгоняют, отбирают и делят землю. Надо, мол, и нам спешить [делятся друг с другом сокровенным окопники], а то без нас землю поделят, нам ничего и не достанется. Такие разговоры я и сам слышал неоднократно, да и говорили мне о них многие, в том числе и солдаты моей команды на Румынском фронте. Вот эти мужицкие думы, высказываемые сперва обиняком и робко, потом смелее и неприкрыто, а под конец и со-

вершенно открыто, отмечены в упоминавшихся документах — протоколах и постановлениях комитетов низших ступеней. Растет и вражда к офицерству: офицеры — буржуи, потому-то они за войну, а так как теперь «свобода» и «наша власть», то — долой их, офицеры. И можно ли этому стихийному устремлению, этому общему убеждению противопоставить те аргументы, которые обыкновенно приводились солдатам в защиту офицерства?

Протоколы всех низших комитетов во всех случаях, когда это уместно, свидетельствуют о сказочной популярности Керенского, о непререкаемом авторитете и об исключительном доверии, которыми одарили его солдатские массы⁵.

Существенная разница заключается в постановлениях комитетов войсковых и медицинско-санитарных частей. Последние всегда гораздо разумнее, умереннее и не так пораженчески настроены, как первые.

Особняком стоит артиллерия. Если кавалерия была несравненно меньше разложена, нежели пехота, если в ней процесс разложения шел, пожалуй, еще медленнее, чем в санитарных частях, то артиллерии этот процесс почти не коснулся. Разложившие артиллерийские части и эксцессы в артиллерии — редкость.

Батальонные комитеты представляют переходную ступень, более близкую к ротным, чем к высшим комитетам. Протоколы и постановления полковых и дивизионных комитетов, куда обыкновенно не проникали совершенно серые солдаты, а чаще писари, фельдшеры, унтер-офицеры и т.д., лишены непосредственности, характерной для решений ротных, отчасти батальонных комитетов. Хотя и они проникнуты революционной фразеологией, но негры в них уже не встречаются.

Корпусные и армейские комитеты настроения [солдатских] масс почти не отражают. Их постановления высвечивают идеи и жизнь Петербургского [Петроградского] совдепа, проводя эти идеи и лозунги в те же солдатские массы для руководства армией. В то же время они стремятся расширить свои права, ведут планомерную и систематическую борьбу со штабами и командо-

ванием, желая стать на их место во всех вопросах, вплоть до оперативных, или в крайнем случае подчинить их себе. Однако ни власти, ни авторитета эти комитеты не приобретают до той поры, пока после довольно легкой победы над оборонцами не становятся большевистскими.

Высшие комитеты осторожны в своих выражениях доверия Временному правительству. Если низшие заявляют о том без всяких оговорок и в их устах авторитет и популярность Керенского — факт, с которым они считаются, то высшие о своем доверии правительственным верхам говорят исключительно сдержанно, и то лишь для доказательства своей лояльности.

По получении ответов на разосланную в части анкету был составлен обширный доклад, снабженный статистическими таблицами. Я уже не помню точных цифр, но приблизительно они таковы. В войсковых комитетах боевых и тыловых частей Западного фронта было занято: около полутора тысяч офицеров, около трех тысяч военных чиновников, около пяти тысяч унтер-офицеров, писарей и фельдшеров и около тридцати пяти тысяч солдат; всего — около сорока пяти тысяч человек. Этого количества достаточно для формирования целого корпуса с офицерским составом.

Большинство солдат пришло на ротные и батальонные комитеты. Приблизительно одна пятая общего количества (полковые и более высоких ступеней комитеты) была оторвана от исполнения своих прямых обязанностей. Какую дезорганизацию должен был внести в войска хотя бы один этот факт сам по себе!

Суммы, выданные комитетам, цифры стоимости каждого из них, армейского, корпусного, низших ступеней, тоже ошеломляли. Каков окончательный подсчет этих расходов, я сейчас не помню точно, но получил ее во всяком случае не менее чем двести тысяч ежемесячно. Таким образом, армия платила большие деньги за свое разложение.

Что касается печати, то ее следует разделить на категории.

Первая — тыловая или городская (сюда же надо отнести и печать столичную), находившаяся где в руках, где под

влиянием совдепов и левых партий и рассылавшаяся по фронтам даром в очень значительном числе экземпляров. В большей своей части эта пресса была пораженческой, в меньшей — полупораженческой. Оборонческие газеты попадали на фронт в слишком ничтожных количествах и бесплатно почти не распространялись. Влияние их было ничтожно, как благодаря малому распространению, так и вследствие чисто интеллигентского характера этих газет, не рассчитанных на читателя-солдата.

Вторая категория — газеты, издававшиеся штабами. Само собою разумеется, они поддерживались оборонческого направления, но велись недостаточно умело, солдат не захватывали, да и штамп штабов подрывал к ним доверие. Про существовали они недолго: комитеты, которые вели борьбу за сосредоточение в своих руках всей военной прессы, в этой борьбе победили.

Издававшиеся комитетам газеты велись лучше. Содержание их в большинстве случаев было прилично. Однако оборонческие статьи сплошь да рядом теряли свое значение и вес из-за соседства с ними каких-либо постановлений или резолюций если не пораженческого, то во всяком случае неопределенного и всегда подрывавшего устои дисциплины содержания. Политическая окраска этих газет изменялась соответственно изменению окраски самих комитетов.

Третья категория печати — окопная литература в виде газеток и листов. Она частью фабриковалась на позициях по инициативе лиц самого разного образа направления, частью тайно доставлялась в окопы большевиками. Образцы этого рода литературы, особенно прокламации и брошюры, попадались редко. Помню, сколько бы их до меня ни доходило, все они были одинаковы: агитация, направленная на разрушение фронта и власти, натравливание солдат на начальников, подстрекательство к братанию и кровавым расправам — вот основные мотивы этих листов.

Наконец, встречались газеты германского издания. Попадали они к нам через братавших-ся, через германских развед-

чиков, бросавших пачки газет вместо бомб. Иногда немцы пускали их в бумажных воздушных шарах красного цвета, иногда сбрасывали с самолетов. Эти газетки составлялись умно и умело. В серьезном и деловом тоне они проповедовали то же, что и большевики, вели дельную и тонкую агитацию против союзников, особенно против Англии. Порой эти газеты отличались очень совершенным русским языком и у солдат обычно пользовались доверием.

Ознакомившись с состоянием фронта и с деятельностью комитетов, я увидел, что политическое отделение имело средства для борьбы с разложением фронта, в первую очередь действуя через комиссариат, доводя до него сведения о всех незаконных действиях комитетов и требуя принятия мер. Полковник Н[овиков], с которым я переговорил по этому поводу, согласился со мной, и с этих пор я начал собирать материалы для комиссариата. В процессе этой работы, изредка бывая в комиссариате, я познакомился с помощниками Ж[данова], тремя офицерами. Один, капитан И. — кадровый артиллерист, другие два — из адвокатуры.

На меня произвели неприятное впечатление безалаберность и беспорядочность внешней обстановки работы комиссариата. Возможно, что только что начавшаяся его деятельность не успела развиваться. Возможно, что результаты этой деятельности не доходили до меня по чисто случайным причинам. Как мне казалось, комиссариатские работники встречали меня с некоторым подозрением, как вроде штабного согладата. И все же до известной степени мне удалось сойтись с И., энергичным, честным офицером, стоявшим на точке зрения необходимости решительной и радикальной борьбы с разлагающими фронт влияниями. Это сближение было мне тем более приятно, что я не сходил с штабными офицерами.

Меньше всего у меня было контактов с генерал-квартирмейстерской частью штаба фронта, с которой я только соприкасался. Она состояла из четырех отделений. В оперативном, начальником которого являлся генерального штаба полковник фон Г., служили

только лишь офицеры Генерального штаба, за исключением разве что одного армейского капитана. Все это были типичные «моменты», как прозвали офицеров Генерального («гениального») штаба в армии. Армия полагала, что офицеры Генерального штаба руководствуются девизом «лови момент» в своей служебной деятельности, но никак не в оперативной, где они этот момент очень легко, по мнению армии, упускают. Генеральный штаб, как полагается считать, — аристократия армии; он ее «мозг», он ее «душа». Ряды его пополняются самыми лучшими, самыми умными, самыми талантливыми офицерами. Может быть. Судить о роли Генерального штаба в операциях германской войны [мне сложно, поскольку соответствующих] данных не имею. Но есть у меня другие основания сомневаться в непомерной талантливости русского Генерального штаба.

Представители Генерального штаба занимают все высшие командные, оперативные и административные военные должности. И какова была у нас подготовка к войне? Почему в один прекрасный день у нас не хватало снарядов? Почему не было налажено снабжение, не имелось достаточного количества технических войск и тяжелой артиллерии? Почему плохо была разработана связь — эта нервная система армии? Почему тактика наша была плохо разработана, к тому же неважно учили в военных школах будущих офицеров и готовили в смысле требований войны в современных условиях солдат? Пусть Сухомлинов⁶ — преступник. Но где же тогда была вся корпорация Генерального штаба? Одно из двух: либо Генеральный штаб («душа, мозг и сердце армии») знал обо всем, либо не знал. Если не знал, на что же он годен со всеми своими разработками планов и проектов? А если знал, то почему молчал? [Это — до Февральской революции. Но ведь и] в момент переворота не нашлось ни одного офицера Генерального штаба, обладавшего достаточным авторитетом и достаточной силой для того, чтобы заявить о требованиях и нуждах армии как таковой. Почему же ни один из талантливых офицеров этого самого «гени-

ального» штаба не понял, что во время революции нельзя в городах держать десятки тысяч запасных? Если нельзя было реформировать армию во время войны талантливыми офицерами Генерального штаба, то как же можно было допустить реформирование ее не талантливому и ничего ровно в военных делах не понимающему и не желающему понимать совдепу? Наконец, самый простой вопрос: талантливо ли построена армия, в которой на одного бойца приходится от 7 до 9 тыловиков?

Нет, Генеральный штаб все видел и все знал, но он не хотел ни видеть это, ни думать об этом, ни заниматься этим из-за боязни прогневить начальство и испортить карьеру. Подлинная талантливость обязательно сопровождается любовью к самому делу и желанием его улучшить, довести до совершенства, иными словами — творческим стремлением. Там, где «талантливость» употребляется как средство достижения собственного благополучия, — подлинного таланта нет.

Нет никакого сомнения, что среди офицеров Генерального штаба большинство — одаренные, умные и в своем роде образованные люди; несомненно, есть и подлинно талантливые, и многие по праву носят свои кресты, но в общем, в массе, это такая самовлюбленная, такая самодовольная, такая рутинная, проникнутая карьеризмом и лишенная действительной заботы о России и об армии среда, какой другой, пожалуй, и нет больше.

Разведывательное отделение, руководимое полковником Б., состояло в большинстве из офицеров армейских, но, насколько я заметил, преимущественно аристократического происхождения и из привилегированных частей. Все или почти все они были друг с другом знакомы по Петербургу, а иные находились в родстве и свойстве. При этом отделении состоял французский генерал Рампон, передававший данные разведки на европейский фронт.

Третье — общее отделение, заведовавшее между прочим связью, было мне почти не знакомо. Я знал только начальника его, генерального штаба полковника К. и штабс-ротмистра Т.

Армейская среда, несмотря на свою относительную некультурность, была куда приятнее штабной, где под «покровительственной окраской» чувствовалось все то, о чем говорилось выше, — исключительно личные заботы. В армии было проще и честнее: никто, за редчайшими исключениями, не стремился вылезть наверх какими угодно средствами, а отличиться — значило удачно совершить дело с опасностью для жизни. Повышение достигалось ценой действительных заслуг — каждая звездочка на погон, ордена Анны, Владимира, не говоря уже о Георгии, свидетельствовали о трудах, опасностях и доблести. Ими можно было гордиться. В штабах же, в особенности Генерального штаба офицерами все эти «знаки отличия» добывались обыкновенно так, что имело в глазах армии совершенно другое значение и другую цену.

Однако Генеральному штабу можно было бы простить решительно все, вплоть до его беспардонного карьеризма, если бы он сумел подготовить и выиграть войну. Не ново, что именно проигрыш войны есть главная причина развала фронта. При победах войска утомляются, но дух их крепнет с каждой новой победой. При победах нет места недоверию к командному составу, нет места недовольству и т.д. Все это отлично всем известно, как известно и то, что не только поражения, но и долгие перерывы в боевых действиях возвращают и разлагают войска без всякой посторонней агитации. Ну а если на подготовленную поражением и неподвижностью армию обрушить еще и агитацию, то исход войны будет совершенно ясен. «Талантливый» Генеральный штаб должен был знать все это не после войны, а до войны, но тогда он думал совсем о другом — о личном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Духонин Николай Николаевич (1876—1917) — генерал-лейтенант (1917). В ходе Первой мировой войны возглавлял штабы нескольких фронтов. С сентября 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, а в ноябре (уже после ликвидации Временного правительства) — испол-

няющий обязанности Верховного главнокомандующего; в том же месяце был смещен с должности. Убит в Могилеве после захвата Ставки большевиками.

² Должность генерал-квартирмейстера введена в русской армии в 1701 г. Занимавший ее офицер отвечал за достоверное изучение местности, организацию расположения и передвижения войск, подготовку карт, строительство укреплений (в период описываемых событий он, по сути выполняемых им функциональных обязанностей и передвигаясь войска, начальника штаба по вопросам, касающимся планирования боевых действий). Спустя десять лет, т.е. в 1711 г., при генерал-квартирмейстере была создана соответствующая часть (управление), в дальнейшем ставшая базой для образования в 1763 г. Генерального штаба.

³ Автор «Записок» называет так своих соратников, примкнувших к социалистам-революционерам после свержения монархии. Действовавшие до этого подпольно, эсеры после Февральской революции заявили о себе как влиятельная сила в армии, как партия власти. По этому поводу один из активнейших участников тех событий впоследствии вспоминал: «...Фактически 27 февраля 1917 года реальной силой войск завладели социалистические партии, скрывая, однако, до поры до времени это обстоятельство и прикрываясь Государственной Думой как временным шитом» (см.: Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции: В 22 т. М.: Terra; Политиздат, 1991. Т. 6. С. 71).

⁴ Одним из наиболее известных представителей генералитета той поры, принявшим, пользуясь термином В.В. Савинкова, «покровительственную окраску» текущего момента, был генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов, выставивший себя в «революционные военные диктаторы». Один из его давних сослуживцев и непосредственных начальников так оценивал подобное перевоплощение: «...Корнилов родился сыном мелкого чиновника, а совсем не сыном казака-крестьянина, каким стал выставлять себя впоследствии, в своих воззваниях к народу и армии» (см.: Мартынов Е.И. Корнилов (попытка военного переворота). М.: Изд-е Воен. типограф. Упр. делами наркомвоенмора и РВС СССР, 1927. С. 12).

⁵ Это подтверждали даже те, кто характеризовал А.Ф. Керенского как «гибельного для России госу-

дарственного деятеля», считая, что тот «в высшей степени безнравственный человек, легко меняющий свои убеждения, мысли, не глубокий, а, напротив, чрезвычайно поверхностный». Вместе с тем утверждалось, что «хотя Керенский и балансировал во все стороны, однако же справедливость требует напомнить, что некоторое время он был всеобщим оракулом, вождем и любимцем» (см.: Родзянко М.В. Указ. соч. С. 69, 70).

⁶ Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — генерал от кавалерии (1906). В 1874 г. окончил Академию Генерального штаба, которую возглавлял в 1908—1909 гг. Затем (1909—1915) — военный министр. Был обвинен в злоупотреблениях должностью и измене, что в ходе суда над ним не нашло подтверждения. Приговорен к пожизненной каторге за слабую подготовку армии к войне. В 1918 г. решением советского правительства освобожден по амнистии, после чего эмигрировал.

⁷ По свидетельству компетентного должностного лица, с самого начала войны «внутри Империи были созданы так называемые запасные батальоны, время от времени по мере надобности посылавшие различного вида пополнения на фронт в составе маршевых рот», иногда достигавшие «небывалой цифры от 12 до 19 тысяч человек в каждом». Их основу, как правило, составлял «далеко не обученный и совершенно сырой материал». При этом запасные батальоны не обеспечивались «надежными инструкторами», вместо которых обучение солдат поручалось «совершенно неопытным офицерам или лицам, далеко не знакомым с порядком обучения войск, или даже таким, которые стремились избежать службы на фронте». Словом, эти формирования, делает вывод авторитетный свидетель, «были представлены самим себе без надлежащего надзора, без надлежащей инспекции, были плохо обставлены в материальном отношении, нуждались в обмундировке, продовольствии и даже оружии». Именно здесь, «в самых недрах этих запасных батальонов, будущих бойцов на фронте, возникали глухое брожение и недовольство на почве разных недочетов, и там же к тому же работала вся германская и революционная пропаганда» (см.: Родзянко М.В. Указ. соч. С. 39, 40).

Публикация В.А. АВДЕЕВА

(Продолжение следует)

ВОЕННАЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАФА С.Р. ВОРОНЦОВА

Много славных имен военачальников и полководцев XVIII века знает Россия, но немало их и забыто или недостаточно оценено современниками. Семен Романович Воронцов, принадлежавший к древнему дворянскому роду, более известен истории как блестящий дипломат, служивший российским интересам в Англии на протяжении многих лет.

С.Р. Воронцов

Д О НАЧАЛА своей дипломатической карьеры С.Р. Воронцов подавал большие надежды именно на военном поприще. В его автобиографии читаем: «С самого раннего детства я имел страсть и neodolimый порыв к военному ремеслу. И когда турки объявили войну, я не мог устоять против моей врожденной страсти к военному делу, она пробудилась во всей силе, заглушая в моей душе всякое иное чувство»¹. Свои таланты и храбрость он проявил в Русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

Служба Семена Романовича началась под командованием прославленного полководца П.А. Румянцева с назначения командиром гренадерского батальона. В короткий промежуток времени С.Р. Воронцов успел зарекомендовать себя с блестящей стороны. За сражение на реке Ларге (1770 г.) граф получил орден Св. Георгия 4-й степени: находясь в авангарде русской армии, его батальон заставил отступить двухтысячный отряд турок.

При Кагуле (1770 г.) батальон С.Р. Воронцова в бою захватил 40 пушек и два знамени Московского полка, разбитого незадолго до этого. Генерал Клинтон, который находился при русской армии в качестве волонтера, вспоминал: «Граф Воронцов повел атаку против сильных неприятельских укреплений, взял штурмом редут, и турецкая армия ретировалась в беспорядке, победа была блистательной»². П.А. Румянцев прямо на поле боя составил рапорт императрице Екатерине II об удачных действиях графа. Последний был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и произведен в полковники. В знак заслуг полка к празднованию мира с Турцией Екатерина II повелела 1-й гренадерский полк именовать лейб-гренадерским и стала первым шефом полка. Однако в манифесте императрицы только имя графа С.Р. Воронцова не было упомянуто в списках отличившихся. Позже П.А. Румянцев сетовал: «Потомство, читая этот указ, подумает, что командир этого полка либо умер накануне, либо был подлым трусом, который бежал каждый раз, когда сражался его храбрый полк: почему достойно наказанный и отставленный от службы, он не назван в числе лиц, награжденных за эту войну»³.

Помимо боевых заслуг С.Р. Воронцов показал себя как образцовый воспитатель подчиненных. Свои взгляды по этому вопросу Семен Романович изложил в 1774 году в «Инструкции ротным командирам», согласно которой у солдат должно было воспитываться чувство собственного достоинства. Причем каждый был «должен думать о важности своей особы, когда стоит на часах, что в это время никто, какого бы звания и чина он не был, не имеет права ему сказать брань или грубое слово, и вообще оказать какую-нибудь неучтивость»⁴. Воспитательная система С.Р. Воронцова основывалась на работе с каждым рядовым»⁵.

Он называл дисциплину «душой службы». Способствующим сознательному отношению к дисциплине С.Р. Воронцов считал еженедельное чтение нижним чинам особо выбранных статей закона. Что касается дисциплинарных взысканий, то приписывалось наказывать «за каждую вину, разбирая оную. За ученье ружьем драться не следует, наказывать надо лгуна, ленивца, неряху и пьяницу, но без жестокости»⁶.

По мнению Семена Романовича, ротные командиры должны были внушать подчиненным, что опасное и трудное положение солдата отличает его честью и славой, ибо воин, не щадя жизни, защищает свой народ от врагов, обороняет Отечество.

К концу войны С.Р. Воронцов принял решение уйти с военной службы. Во-первых, военный быт сильно расстроил здоровье, во-вторых, возникли денежные затруднения. Чересчур расчетливый отец графа не любил давать денег детям. Он почти не помогал младшему сыну, посылал в армию так мало, что тот, часто терпя нужду, задолжал крупную по тогдашнему времени сумму — до 6000 рублей.

Желая улучшить быт солдат и помогая бедным офицерам полка, граф расходовал собственные средства и влезал в долги. «Мы все молим за него

Бога, — говорил в 1794 году сержант Перепелкин графу Ф.В. Ростопчину о С.Р. Воронцове, — он нам был отец, а не командир!»⁷

Невзгоды свои Семен Романович переносил стойко. Он долго колебался относительно отставки, но окончательно решил уйти, когда попал под начальство П.С. Потемкина, чей быстрый карьерный рост объяснялся родственными связями с Г.А. Потемкиным.

Став начальником, П.С. Потемкин постоянно придирался к С.Р. Воронцову. В автобиографии граф писал: «Несмотря на свое усердие, на одобрение и похвальные отзывы фельдмаршала, меня постоянно обходили наградами. Я бы покинул армию раньше, но особое отношение ко мне Румянцев и понимание того, что оставить армию во время боевых действий бесчестно, заставляло меня оставаться»⁸. Отношение П.С. Потемкина в глазах С.Р. Воронцова было вопиющим нарушением справедливости, хлопотать же за себя, прося, заискивая, перебегая кому-то дорогу, он не желал. К интригам и самовосхвалению приучен не был.

Военная деятельность графа С.Р. Воронцова закончилась. Он прошел свой путь с честью и достоинством. Строгий судья П.А. Румянцев ценил его как одного из храбрейших и полезнейших своих подчиненных, одним из жизненных правил которого было следующее: «Честь моей Родины превыше всего для меня на свете».

С.Р. Воронцов изучил военное дело на практике и в теории, со стороны тактической и военно-административной, успел узнать быт русского солдата и вникнуть в условия правильной организации боевых сил. Плодом этого наблюдения и изучения стала составленная им впоследствии «Записка о русском войске» 1802 года. В ней Семен Романович указал на недостатки русской армии того времени. К их причинам он относил то, что армия в России имела несчастье подвергаться постоянным изменениям и что в ней служило много иностранцев. С.Р. Воронцов утверждал, что состояние войска зависит от нравственных качеств и уровня образования офицеров. По его мнению, достойное выполнение служебных обязанностей — главное доказательство любви к Отечеству. Храбрость и самоотверженность он считал врожденными качествами русских солдат.

Кроме прочего в своей записке С.Р. Воронцов предложил проект создания школы Генерального штаба, куда поступали бы лучшие из лучших. Им начислялось бы высокое жалованье, следовало бы повышение в воинском звании, а те, кто не выдержал экзамена, должны были отправляться в полки⁹. Он также считал необходимым открытие в России специальных артиллерийских школ с преподаванием в них математики, физики, химии. Знания же по теории обязательно проверялись бы на практических занятиях.

После отставки Семен Романович два года провел в Италии, в Пизе. По возвращении в Россию в августе 1781 года он женился на любимой фрейлине Екатерины II, одной из четырех дочерей адмирала А.Н. Сенявина. Партия считалась достойной. В 1782 году у них родился сын Михаил, в 1783-м — дочь Екатерина. Семейная жизнь складывалась счастливо, и Семена Романовича не тянуло возвращаться к государственным делам. Поэтому он размышлял, прежде чем согласиться на предложение императрицы, сделанное по протекции друзей — графов П.В. Завадовского и А.А. Безбородко, занять пост полномочного министра в новой дипломатической миссии при Венецианской республике.

Роль Венеции в международной политике была незначительна, и Семену Романовичу на его посту «дел было слишком мало»¹⁰. Однако, работа в дипломатической миссии в Венеции послужила ему хорошей школой и привлекла внимание императрицы к его дипломатическим способностям.

Вскоре С.Р. Воронцов обратился к своим друзьям и брату Александру с просьбой похлопотать о переводе его из Венеции. Из двух предложенных ему мест (Париж или Лондон) он выбрал последнее. Однако отъезд задержался: в 1784 году умерла его жена. Затем он сам тяжело заболел.

После смерти супруги больше времени Семен Романович стал уделять детям. Несмотря на проблемы со здоровьем, служебные неурядицы, С.Р. Воронцов создал для своих детей не только условия, при которых можно было получить глубокое и разностороннее образование, но и атмосферу тепла и заботы. Сам подобрал им учителей, составил программы по разным предметам. Именно благодаря отцу Михаил Семенович Воронцов, впоследствии один из самых известных генерал-губернаторов Новороссии, покоритель Кавказа, фельдмаршал, стал широко образованным человеком. Но более всего С.Р. Воронцов заботился о нравственных качествах, воспитании любви к Отечеству. Дочь, Екатерина Семеновна, фрейлина русского императорского двора, также наделенная многими достоинствами, впоследствии была повенчана с одним из именитых представителей английской аристократии — графом Пемброком-Монтгомери. Семен Романович гордился детьми и признавался, что в старости они составили счастье его жизни.

С.Р. Воронцов прибыл в Лондон в 1785 году. Отношения между Англией и Россией в ту пору были напряженными. От дружественного сотрудничества, характерного для 1770-х годов, не осталось и следа. Граф был твердо убежден в целесообразности и пользе союза между Англией и Россией. В этом вопросе он разделял взгляды своего брата Александра, который до него занимал дипломатический пост в Англии. Братья были противниками прусской ориентации, преобладавшей во внешней политике петербургского двора в первый период екатерининского царствования, когда во главе коллегии иностранных дел стоял Н.И. Панин.

Момент, когда С.Р. Воронцов принял свое назначение, был очень неблагоприятным для осуществления идеи англо-русского союза. И английский королевский двор, и правительство Уильяма Питта были явно предубеждены против России, к тому же прусское влияние в Лондоне было огромно. Да и в Петербурге идея союза с Англией тогда еще не была популярной. Если прусская ориентация после отставки Н.И. Панина была решительно отвергнута, то императрица склонялась скорее к мысли о сближении с Францией. Ухудшение англо-русских отношений в этот период объяснялось не только екатерининской политикой вооруженного нейтралитета. После американской войны за независимость, когда английские владения безвозвратно были утрачены, центр колониальных захватов Англии переместился на Восток, в Индию. В связи с этим успешная экспансия России на Черном море и на Ближнем Востоке внушала Питту и его соратникам серьезные опасения. Тем не менее С.Р. Воронцов с упорством принялся за осуществление своего плана по сближению двух государств.

Семен Романович скоро понял, что рассчитывать на благожелательное отношение к России со стороны королевского двора бессмысленно, поэтому решил в своей деятельности учесть, что в Англии решающее влияние на государственные дела все-таки принадлежит парламентскому большинству. С.Р. Воронцов интересовался политической экономией, хорошо знал знаменитое сочинение Адама Смита, отлично усвоив, что экономические отношения являются приоритетными во внешней политике Великобритании¹¹. Он хорошо знал, какие выгоды приносил английским коммерсантам и судовладельцам вывоз русского леса, пеньки и другого сырья, видел, какое значение приобретал русский рынок для английских мануфактур. В переговорах с Питтом и правительством он главным образом доказывал выгоду Англии в развитии торговых отношений с Россией.

Усилия С.Р. Воронцова оказались безуспешными. Начавшаяся Русско-турецкая война 1787—1791 гг. и вспыхнувшая во Франции в 1789 году Великая революция делали почти невозможным англо-русское сближение. Новое наступление России на Ближнем Востоке правительственными кругами Лондона было встречено с негодованием, а блестящие успехи русских войск, руководимых А.В. Суворовым и русского флота под начальством Ф.Ф. Ушакова, породили тревогу. К тому же Питт надеялся, что ослабленная революцией, лишённая сильной власти Франция будет надолго лишена возможности соперничать с Англией на море. И единственным противником соответственно становилась Россия.

Вся политика Питта и его сторонников была направлена на создание обширной колониальной империи на Востоке, и они стремились устранить все возникающие на пути к этой цели препятствия, не останавливаясь даже перед крупными вооружёнными конфликтами. Эту политику поддерживали английская земельная аристократия, королевский двор, крупные финансисты, связанные с колониальными предприятиями. Иных настроений придерживались широкие круги английского общества, нашедшие свое политическое выражение в деятельности партии вигов под руководством Ч.Д. Фокса. Виги критиковали агрессивную политику Питта, доказывали, что конфликт с Россией подорвет англо-русскую торговлю и нанесет огромный вред судоходству и мануфактурному производству страны.

К весне 1791 года была снаряжена английская эскадра для отправки в Балтийское море. Питт и его сторонники даже не скрывали, что война с Россией — дело решенное. С.Р. Воронцов принял необычное для дипломата решение: через голову двора и правительства апеллировать к широким кругам английского общества. Вопреки традициям дипломатического этикета он откровенно и резко заявил министру иностранных дел герцогу Лидсу, что считает своим долгом сделать все, чтобы помешать «несправедливой и вредной для обеих стран войне»¹².

С.Р. Воронцов обратился к вигам, в частности к Фоксу, за содействием. Последний охотно и горячо поддержал усилия русского дипломата. Известно, что С.Р. Воронцов отправил императрице текст одной из речей Фокса, а в ответ Екатерина попросила посла заказать из белого мрамора бюст главы вигов, чтобы установить его в галерее своего Царскосельского дворца между бюстами Демосфена и Цицерона¹³.

Кампания весны 1791 года, развернувшаяся в Англии против войны с Россией, протекала при активном участии С.Р. Воронцова. В апреле того же года граф сообщил своему правительству, что Питт, оказавшись в критическом положении, вынужден был «отступить от своих мер, в кои было он столь неблагоприятно вошел, угождая двору берлинскому»¹⁴.

В это время в Англии проходили многолюдные митинги протеста против политики правительства. Десятки депутатов от крупных промышленников, судовладельцев, крупных кампаний отправились к Питту и герцогу Лидсу, требуя гарантий мира и беспрепятственных торговых отношений с Россией. Правительство пыталось бороться с этими демонстрациями репрессивными мерами, но ничего не добилось. Питту пришлось признать поражение. Эскадра, предназначенная для отправки в Балтийское море, была разоружена, переговоры со Швецией о предоставлении ей субсидий для войны с Россией были прерваны, а в Петербург для переговоров отправился специальный уполномоченный представитель. Война была предотвращена.

Французская революция коренным образом изменила международное положение Европы. Надежды Питта на ослабление Франции не оправдались. Антирусские тенденции в политике британского правительства слабели. В поисках надежных союзников Англия обратилась к могущественной российской державе. С.Р. Воронцов приложил все усилия для осуществления задачи по сближению двух стран¹⁵. В марте 1793 года была подписана англо-русская конвенция, направленная против Франции, и Питт удовлетворенно сказал своему недавнему противнику — Воронцову: «Европа спасена, раз две страны достигли согласия»¹⁶. Это еще не был военный союз Англии и России, но — первый этап к нему. Союз, в последующем сыгравший решающую роль в борьбе против агрессии Наполеона, удалось окончательно оформить в 1795 году.

Что касается отношения С.Р. Воронцова к деятельности Екатерины II, то его можно определить как конструктивную критику. Императрица же, будучи человеком деятельным, сознавала необходимость людей, подобных С.Р. Воронцову, которые могли расхотиться с ней во взглядах по ряду вопросов внешней и внутренней политики, но не были способны встать на путь предательства и измены. Екатерину II раздражали увлечение графа мыслью о полезности теснейшего союза с Англией, о котором он постоянно говорил, и его отказ от системы вооруженного нейтралитета, задуманного как охрана от самовластной монополии англичан.

Не менее односторонним и проникнутым духом английской политики представлялось при русском дворе мнение С.Р. Воронцова относительно Русско-турецкой войны: турок считал самыми спокойными и безвредными соседями, забывая при этом об интересах России на Черном море.

Не одобрял он и раздела Польши. На его мнение, видимо, повлияло отношение к этому событию Англии, не желавшей расширения российских владений, но которая в свою очередь никогда не церемонилась с вопросами о праве, если дело шло о собственных интересах.

Одним из заветных убеждений графа было то, что в высшей степени не правильно вверять государственные интересы «выходцам из чужих краев», принимаемым на службу без всякой осторож-

ности, заботящимся лишь формально о пользе России. Он предлагал при Коллегии иностранных дел подготовить русскую молодежь для замещения подобных должностей¹⁷.

Следует отметить, что С.Р. Воронцов не стеснялся прямо высказываться в докладах к государыне. Он считал нужным для общего блага давать ей советы, несмотря на напоминания друзей и брата об опасности перечить власти. Иногда его оценки оказывались запоздалыми, поэтому очень часто Семен Романович со своими представлениями не отвечал государственным потребностям, а это не могло нравиться Екатерине II. Многочисленные связи и знакомства в Англии, его симпатии в области государственного управления, быта этой страны ставились ему в укор и способствовали тому, чтобы графа считали англоманом.

В 1800 году, уже в период правления Павла I, произошло событие, в котором С.Р. Воронцов опять принял активное участие как дипломат. В английских военных портах в связи с предполагаемыми совместными действиями против Франции находились российские суда. Однако император решил их отозвать, боясь распространения революционной пропаганды, особенно деятельной в Ирландии, где ожидалась высадка французов. Он приказал С.Р. Воронцову объяснить с лондонским двором и заверить английское правительство, что русская эскадра отзывается не из-за разрыва дипломатических отношений, а только по соображению громадного превосходства английской морской силы перед неприятельской, и дальнейшее пребывание эскадры вне Отечества считает не нужной.

Граф уже готовился приступить к исполнению приказа, как вдруг в портах на английских судах вспыхнуло восстание. Матросы захватили суда, перестали повиноваться офицерам. Восставшие держали в блокаде и лондонский порт и отвлекали все оборонительные силы от защиты восточного берега страны против внешнего нападения. Гордая «владычица морей» висела на волоске от гибели. Правительство в лице лорда Гренвиля умоляло С.Р. Воронцова об отсрочке обратной отправки русской эскадры, без которой Англия оказалась бы беззащитной. Семен Романович задержал эскадру на три недели более положенного срока.

По указанию посла русская эскадра двинулась в Тексель для соединения с двумя судами английского адмирала Дункана, которые не смогли бы без русского подкрепления удерживать от наступательных действий голландский флот (до 14 кораблей). Мера, принятая российским послом, выручила Англию из большой беды и помогла погасить бунт. Павел I одобрил смелый поступок своего подданного, взвесив необходимость взаимодействия союзных держав в поддержании законных властей и в борьбе с якобинцами.

В период царствования Павла I С.Р. Воронцов был осторожен, как никогда. Его рассуждения по вопросам внешней политики стали более сдержанными и короткими, а по внутренним вопросам он ограничивался общими мыслями. Он был прекрасно осведомлен о том, что творилось в России: беспредельный личный произвол, грозные и ничем не обоснованные, как по отношению к отдельным личностям, так и к обществу меры; беспощадная ломка всего, что совершилось в царствование Екатерины II, непостижимо рискованные шаги в делах внешней политики, без соотношения с силами и потребностями государства. Естественно, что от внешнеполитических выражений са-

модержца более всего страдали дипломаты, аккредитованные в иностранных столицах. По прихоти одной личности нарушались союзнические договоры, заключались новые соглашения и чаще всего не в интересах России. Одно из подтверждений этому — увлечение Павла I походом в Индию, резкое изменение курса внешней политики: англо-русский союз был расторгнут, и Павел вступил в сношения с Бонапартом. Престарелый С.Р. Воронцов и здесь остался верен своим принципам и убеждениям. В мае 1800 года его лишили поста дипломатического посла, а вскоре последовало царское распоряжение о конфискации и наложении секвестра на все его имущество.

Переворот 1801 года положил конец опале С.Р. Воронцова. В первые же дни царствования Александра I имения графу были возвращены, и он снова занял свой дипломатический пост, на котором оставался до 1806 года, отстаивая идею необходимости и пользы англо-русского союза.

После ухода с дипломатического поста с неослабевающим интересом С.Р. Воронцов продолжил следить за событиями на Родине и в Европе. Мы узнаем об этом в его письмах к сыну и друзьям. Он страшно ненавидел Наполеона, поэтому его поразило известие о Тильзитском мире. Граф писал сыну: «Это известие ввергло меня в несчастье, я чувствую себя совсем униженным. Я погружен в ужасные страдания, раздражение и отчаяние. Я не могу с твердостью перенести поражение, унижение, неизбежное падение моего несчастного Отечества»¹⁸. Узнав в конце 1812 года о пожаре Москвы и отступлении французов, Семен Романович в восторженных выражениях хвалил патриотизм русских. «Все мне говорят, — писал он — что завидуют моей славе быть русским, и что мой народ первый в мире. Они правы»¹⁹.

После отставки С.Р. Воронцов остался в Англии как частное лицо. На Родину он так и не вернулся, но до конца жизни был верен девизу рода Воронцовых: «Всегда непоколебимая верность».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русский Архив. СПб., 1876. Кн. 1. С. 32—59.
- ² *Фрейман*. Пажи за 185 лет. Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. СПб., 1897. С. 31—33.
- ³ Русский Архив. 1879. Кн. 2. С. 58.
- ⁴ Там же. С. 59.
- ⁵ Архив Воронцова. СПб., 1876. Кн. 8. С. 95, 96.
- ⁶ Русский Архив. 1876. Кн. 1. С. 40.
- ⁷ Там же. 1879. Кн. 1. С. 67—70.
- ⁸ Там же. С. 75.
- ⁹ Там же. 1876. Кн. 3. С. 35.
- ¹⁰ Там же. 1879. Кн. 1. С. 78—80.
- ¹¹ Архив Воронцова. 1881. Кн. 16. С. 190.
- ¹² Там же. 1876. Кн. 8. С. 20.
- ¹³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Англией. Оп. 6. Д. 419. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Оп. 7. Д. 442. Л. 175.
- ¹⁵ Архив Воронцова. 1876. Кн. 8. С. 24.
- ¹⁶ Там же. 1880. Кн. 15. С. 461.
- ¹⁷ Там же. 1879. Кн. 9. С. 16.
- ¹⁸ Вестник Европы. 1888. № 2. С. 237.
- ¹⁹ Там же. С. 239.

М.Л. ПОЛОВИНКИНА

ВОСПОМИНАНИЯ КОНТР-АДМИРАЛА

С.В. ЕВДОКИМОВ

Последние испытания

В О ВРЕМЯ революции по приказанию командующего флотом адмирала [А.В.] Колчака мы, офицеры, должны были посещать митинги, чтобы быть в курсе всех дел. Был образован народный суд, который назывался трибуналом. Председателем трибунала был избран младший писарь моего штаба матрос Шашков, сын священника, довольно приличный митинговый оратор, неглупый, но страшно жестокий зверь. В это время я командовал учебным отрядом Черноморского флота*, в отряде было около трех тысяч человек.

Был суд над контр-адмиралом Н.Г. Львовым, которому вменялось в вину, что он за пьянство посадил два года тому назад матроса в карцер на несколько суток, и этот матрос подал жалобу в трибунал. Вторым слушалось дело старшего лейтенанта Б.В. Вахтина, который плавал на линкоре «Князь Потемкин Таврический». В 1905 году во время бунта команды он был тяжело ранен, но бросился за борт, был спасен экипажем миноносца, позже поправился и продолжал службу. И вот через 12 лет его судил трибунал. Контр-адмирала Львова и старшего лейтенанта Вахтина приговорили к расстрелу. В ту же ночь их расстреляли во дворе севастопольской тюрьмы.

Суд происходил в Морском собрании, было очень много матросов и офицеров, но никто в эти дни убийств не мог ничего сделать, а председатель не давал никому слова.

Началось антирелигиозное течение. У меня в отряде был очень хороший священник, любимый командой, который часто читал лекции на интересные ее темы. Приехали от Балтийского флота под видом матросов какие-то агитаторы, и началась травля духовенства. Был назначен митинг о вреде священника отряда. Выступали какие-то люди, переодетые в матросское платье. Потом говорил матрос Шашков (сын священника), он просто призывал к убийству нашего батюшки. После него говорил я, потом вновь он, и так по очереди несколько раз.

Команда была затерроризирована, так как уже были случаи убийства матросов. Стоял мороз, и дул довольно сильный ветер от норд-веста. К обеду сильно опоздали, и все замерзли. Видя, что еще не скоро кончится это сумасшествие, где три

тысячи человек решают, убить ли священника, и говорят об этом, и спорят, я предложил: «Продолжить митинг завтра, а теперь идти обедать и греться». Все радостно согласилось, а ночью я батюшку с надежными матросами отправил в Симферополь, и его дальнейшей судьбы не знаю.

Адмирал Колчак приказал командам всего флота собраться в цирке на митинг, так как война еще продолжалась, а экипаж эскадренного миноносца «Живой» отказался выйти в море, заявив, что их командир лейтенант А.М. Веселаго очень храбрый, и они боятся выходить в море под его командой. Адмирал решил прекратить это позорное поведение «Живого», заставить экипаж подчиниться и вообще поднять дух команд, который сильно пал под влиянием вечной пропаганды за прекращение войны.

Первым на митинге должен был говорить благочинный флота отец Георгий Спасский, большой оратор, глубоко верующий священник. Он хотел рассказать о чуде, которое произошло на фронте на его глазах, когда он служил в армии. Разведка сообщила нам, что было решено убить на этом митинге благочинного и командующего флотом. Все офицеры решили, взяв револьверы, быть поголовно на митинге и «дорого продать» жизни командующего, благочинного и свои. Цирк не смог вместить всего народа, и большая толпа стояла на Новосильцевой площади и около цирка. Весь народ был во взбудораженном состоянии. Отец Георгий несколько раз начинал говорить, но ему не давали, перебивая самыми грубыми выкриками и бранью. Наконец ему дали возможность начать говорить, и он быстро заинтересовал слушателей. Воцарилось глубокое молчание.

Он рассказал, что один солдат был тяжело ранен в ногу, причем дал подробные сведения о нем (имя, фамилию, полк, роту и полный адрес, если он уже ушел в запас). Дал эти сведения для того, чтобы любой мог проверить рассказ, написав ему самому и получив от него ответ. У солдата началась гангрена, которой была поражена вся нога. Болезнь быстро прогрессировала. Единственное спасение было в возможности быстрой ампутации ноги. На ампутацию солдат не соглашался, говоря врачам, что если господь захочет сохранить ему ногу и здоровье, чтобы он мог вырастить пятерых малолетних детей, то исцелит его. Врачи были уверены, что спасения нет, и попросили отца Георгия поговорить с раненым и убедить его в необходимости ампутации.

Батюшка рассказывал дальше: «Пришел я к больному, и только начал с ним разговор, как он мне сказал, что об этом не стоит говорить. «Давайте вместе помолимся лучше господу Иисусу Христу, и все будет хорошо», — сказал раненый. Мы с ним вместе горячо помолились, к вечеру он почувствовал себя лучше и очень скоро поправился». Рассказ батюшки произвел глубокое впечатление на всех слушателей. Батюшка кончил рассказывать и предложил пропеть гимн господе богу Иисусу Христу, шла пасхальная неделя. Весь цирк опустился на колени и со слезами на глазах, многие просто плакали, пропел три раза «Христос воскрес». Отца Георгия бе-

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 3-7.

* Назначен командующим учебным отрядом Черноморского флота под брейд-вымпелом и представлен к производству в контр-адмиралы 1 марта 1917 г. В августе 1917 г. произведен в контр-адмиралы. 5 ноября 1917 г. сдал командование учебным отрядом.

режно вынесли из цирка на руках, и после него говорил командующий флотом. Он заклеил позором поведение «Живого», призвал к подвигам и продолжению войны. Говорил он, как всегда, очень решительно и сильно, под бесконечные крики «ура». Команды попросили его повторить речь на площади около цирка, где стояла большая толпа. Он повторил сказанное в цирке. Под крики «ура» его донесли на руках до автомобиля, и он уехал.

Каждый день, прошедший благополучно для жизни, даже удивлял, что я еще жив. Было горько смотреть на все происходящее — жить не хотелось, сделать ничего было невозможно, все разваливалось.

В один из таких дней я съехал на берег и пришел домой. Вечером — звонок. «Ну, — думаем с женой, — дело кончено». Поцеловал жену и — готов. Входят матросы моего отряда и старший писарь школы Баренков. Баренков, извиняясь, докладывает мне, что они принесли нам с женой подложные паспорта. Я в них значусь как народный учитель учебного отряда, а жена как сестра милосердия, моя сожительница, и что завтра в Одессу идет пароход Русского общества пароходов и торговли «Цесаревич Георгий». На пароходе для нас будет готова каюта, около которой будут располагаться двадцать вооруженных матросов нашего отряда в качестве нашей охраны до Одессы. Мой отряд просит меня уйти из Севастополя, так как завтра меня могут убить, и отряд никак не сможет защитить меня. В списке офицеров-специалистов, подлежащих смерти, по их словам, я значился одним из первых. Сознавая, что сдерживать больше развал на Черноморском флоте и бороться с дикими постановлениями комитетов невозможно, мы с женой решили идти на «Георгии» в Одессу.

Матросы на пароходе делали вид, что меня не знают. Пароход нельзя было узнать, хотя раньше я командовал отрядом минных заградителей, в который входил и «Цесаревич Георгий», переделанный в минный заградитель. Масса вооруженных матросов, солдат, рабочих, и все это шло в Одессу и Николаев. Везде страшная грязь. По палубе ходили, как по ковру из окурков и шелухи от семечек. Почти все были полупьяные. Подходя к Одессе, прошли через минное заграждение, поставленное турками, которое ясно видела Ольга Матвеевна Тухолка, знаменитая ясновидящая.

Ошвартовались в Одесском порту, нужно было съезжать на берег и ехать на Садовую улицу, где у меня были дальние родственники. В порту и городе со всех сторон была слышна беспорядочная стрельба из винтовок и пулеметов. Почти нигде не было видно людей. Порт и город вымерли, не было никаких средств сообщения. Города мы совсем не знали. Наконец после долгих поисков мне удалось найти огромную платформу, запряженную белой лошадей, которая едва двигалась от истощения и тяжести. На козлах сидел мальчишка лет пятнадцати, который за большую сумму согласился довезти нас с нашими вещами. Поехали, со всех сторон свистят пули, лошадь едва идет. Оказывается,

гайдамаки, петлюровцы, махновцы ведут бой. Поминутно нас останавливают какие-то разъезды, патрули, часто в экзотических формах, опрашивают, требуют паспорта. Многие не умеют читать, и держат документы вверх ногами. Отпуская нас, часто приказывают поворачивать в противоположную сторону от нашего пути. Проехав так очень долго мы наконец попали на Садовую улицу к родственникам, которые оказались живы и даже не ранены. Господь опять сберег.

На другой день начался обстрел Одессы эскадренным броненосцем «Ростислав» и крейсером «Алмаз». Несколько дней мы не выходили из дома. Какие-то люди вместе с командой «Алмаза» зверствовали, убивали и мучили, особенно офицеров. Через несколько дней обстрел прекратился, и мы с женой решили выйти на улицу. На улице встретили трех матросов. Разойдясь с ними, я оглянулся и увидел, что матросы остановились и разговаривают между собой. «Ну все, — думаю, — узнали, пропал». Один из них быстро нагнал нас и, проходя мимо, сказал, чтобы мы шли домой, поскольку и в рогожке нас узнают. Я думал, что очень изменился, сбрив длинные усы и перестав брить голову. Пошли домой, надолго потеряв охоту гулять.

Отрядом транспортов командовал в Одессе капитан 1 ранга князь Ширинский-Шихматов. У него был флаг-офицер прапорщик Лотоцкий, который, будучи прапорщиком армии, выдал себя за прапорщика по морской части. Капитан 1 ранга князь Ширинский-Шихматов получил бумагу от командующего армией, в которой просили арестовать прапорщика Лотоцкого и препроводить в его армию как подлежащего преданию полевому суду за мародерство и ограбление раненых и убитых. Очевидно, Лотоцкого об этом кто-то предупредил, так как до ареста он исчез.

Через некоторое время я получаю бумагу от украинского морского министра, который просит меня приехать в Киев для переговоров. Не зная совершенно, в чем дело, решаю ехать. По приезду застаю в морском штабе Украины нескольких морских офицеров, моих знакомых по делам суда чести, в котором лет десять я был членом суда и председателем. У начальника штаба капитана 2 ранга Семена Федоровича Овода спрашиваю морского министра. Он мне говорит, что товарищ морского министра прапорщик Лотоцкий просит меня раньше повидать его.

Иду к Лотоцкому. Он не предлагает мне даже сесть. Сажусь. Говорит мне: «Черноморский флот — украинский, и мы решили все броненосцы и крейсера переделать в торговые суда, так как нам нужен только подводный флот, а все суда будут возить грузы». Из этого разговора я сразу понял, что он осел, который ни о чем не имеет понятия. Он в свою очередь сразу понял, что мне все известно о нем. Так мы познакомились. Я его спросил, неужели меня пригласили из Одессы в Киев, чтобы слушать такую ерунду. Он сказал, что меня хочет видеть морской министр. Иду к морскому министру, который мне

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

честно говорит: «Я подполковник пограничной стражи Жуковский и волею судеб попал в морские министры, но в морском деле я ничего не понимаю. Собрав о вас сведения, гетман и я решили просить вас быть у нас морским министром». Я сказал, что я как русский офицер не признаю отдельной Украины, а потому не считаю возможным принять предложение. Он пытался меня уговорить остаться у них служить на Украине начальником генерального штаба или кем я хочу. Но я от всех предложений отказался, повторив, что я русский офицер. Я ему все рассказал о Лотоцком: что он даже не по морской части прапорщик и, конечно, никуда не годится, а, кроме того, подлежит суду.

Приехал в Киев утром, дивная была погода, солнечная. Сказочная красота города и Днепра произвела на меня глубокое впечатление. Вечером уехал обратно в Одессу, так как чувствовал, что после разговоров с Лотоцким Киев мне не безопасен. По возвращении в Одессу ко мне пришел командир одесского порта капитан 2 ранга Василий Мануилович Озеров и показал мне две телеграммы, одна из которых с предложением выдать мне суточные и прогонные деньги была получена им от Жуковского. Вторая телеграмма была от Лотоцкого. В ней он предлагал по моему возвращению арестовать меня и отправить на станцию Знаменка, где в это время всех офицеров расстреливали Петлюра и Муравьев. С Озеровым мы решили, что я некоторое время не буду выходить из дома, а он сообщит, что я не возвратился в Одессу.

Через некоторое время я был назначен начальником штаба вице-адмирала [А.Г.] Покровского, а позже, придя в штаб, узнал, что вице-адмирал Покровский признает Украину. Я сейчас же доложил ему, что не считаю себя начальником его штаба и больше не приду на службу.

В декабре 1918 года на улице встретил Ольгу Матвеевну Тухолку. Она меня спросила, что я делаю. Я ответил, что ничего не делаю, и рассказал о моем положении. Она мне сказала: «Через несколько дней вы получите письмо из Севастополя от командующего флотом, который будет вам предлагать хорошее адмиральское место. Соглашайтесь и поезжайте в Севастополь, все будет хорошо». Через несколько дней я действительно получил письмо от командующего флотом вице-адмирала [В.А.] Канина, который мне предложил приехать в Севастополь и занять адмиральское место начальника службы связи Черного и Азовского морей. Я уехал в Севастополь. Это было в январе 1919 года. Через год генерал [П.Н.] Врангель вступил в командование Русской армией. Я остался начальником службы связи Черного и Азовского морей, штаб которой размещался на транспорте «Рион». После взрыва на «Рионе» бомбы, подложенной коммунистами, было много убитых и раненых. Затем мы пошли в Новороссийск. Через некоторое время возвратились в Севастополь.

В марте 1920 года я был назначен помощником начальника морского управления (товарищ морского министра).

Командуя флотом, вице-адмирал М.П. Саблин принужден был готовить флот к эвакуации. Много бессонных ночей провел он, составляя план эвакуации и распределяя людей со всего Крыма по судам флота и транспортам. Я был ближайшим помощником его и контр-адмирала В.В. Николая, начальника его штаба. Все мы трое работали очень много, чтобы суда были в состоянии ходить и были укомплектованы и снабжены всем необходимым. Очень трудно было с личным составом: специалистов не хватало, а добровольцы были очень неопытны. Обмундирования тоже не хватало. В это горячее время умер, перед самой эвакуацией, вице-адмирал М.П. Саблин, и мне пришлось вступить в командование флотом, что продолжалось очень недолго, так как на Черном море появился контр-адмирал М.А. Кедров, вслед за которым с помощью А.В. Кривошеина пошли всякие интриги.

Утром, идя на службу, начальник штаба контр-адмирала В.В. Николая и я узнали, что мы сняты с должностей, а назначены М.А. Кедров и контр-адмирал К.А. Тихменев, а эскадрой командует контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс. Новые начальники не были подготовлены сами. Кедров вступил в командование флотом, а я был 14 октября 1920 года назначен в распоряжение главнокомандующего Русской армией. У Кедрова не хватило мужества и в Цусиме на крейсере «Урал» вести себя прилично, и, будучи флигель-адъютантом его величества, он бросил царя. В Париже в первый день Пасхи на взаимных поздравлениях он просто сказал: «Если Сталин позовет, я пойду». Теперь одним из первых взял советский паспорт, но господь судил иначе и не допустил позора императорскому флоту — Кедров умер, не успев послужить [И.В.] Сталину.

20 октября 1920 года началась эвакуация, во время которой мы видели много ошибок, которых не было бы при вице-адмирале Саблине. Многие суда были перегружены людьми, а многие имели свободные места, и все расчеты покойного Саблина не были выполнены. Не бросил бы он миноносец «Живой» в такую свежую погоду на буксире без конвоя и охраны. Не судьба была эвакуировать Крым в порядке, разработанном им. Пришли новые люди, вступили в командование, не зная ни состояния судов, ни снабжения их, ни личного состава.

После очень бурного перехода из Севастополя в Константинополь вошли в Босфор, где застали полный штиль. Люди были потрясены красотой пролива и его берегов с белоснежными дворцами и домами, зеленью и лазурью вод пролива. После осмотра и карантина было разрешено съезжать на берег и устраиваться по способности. Но у нас с женой не было никакой валюты и вообще никаких денег, мы несколько дней не могли съехать на берег, но милейший Александр Драгомирович Черногорчиевич предложил мне сорок турецких лир взаимнообразно, на которые нам удалось съехать с нашими визами и снять комнату.

Состоя в распоряжении главнокомандующего, я был назначен директором полуказенного общества «Шхуна». В обществе было семь парусно-моторных шхун, которые хорошо работали, перевозя грузы по побережью. Я был назначен от флота, а в обществе был еще директор, инженер А. Кокорев, который вел все дела общества до моего назначения. Вступив в исполнение обязанностей, я решил проверить кассу, отчетность и все дела общества. Накануне проверки инженер Кокорев скрылся со всей отчетностью и кассой. Потом мы узнали, что он уехал в Сербию, где на деньги общества создал кирпичный завод, который хорошо работал впоследствии.

Несмотря на все принятые меры, Кокорев не мог быть ни задержан, ни арестован, и наши юристы оказались бессильны. Правление общества осталось без копейки денег, при неуплаченном жаловании командам, при невозможности кормить матросов и покупать горючее. Положение было безвыходное, и главнокомандующий приказал ликвидировать общество, расплатившись со всеми. Пришлось продать шхуны с молотка за бесценок, так как греки и армяне, явившись на торги, устроили стачку, и мы едва-едва могли расплатиться.

При эвакуации удалось кое-что вывезти из вещей и, продавая эти пустяки, мы поселились на Бебеке у очень симпатичного турка, морского офицера Сеид-Капитана. Несмотря на то что французы были наши союзники, мы во Франции встретили самое неприязненное отношение к нам, русским вообще и беглым в особенности. Редко что-нибудь хорошее и сердечное удавалось услышать. Их хлеб, конечно, никто не ел, так как мы все очень тяжело работали.

В Турции, с которой мы были постоянно в войнах, мы встретили самое теплое к нам отношение народа, постоянное желание помочь нам и полное сочувствие. Когда я уходил от Сеид-Капитана, он мне сказал: «Если тебе будет плохо там, помни, мой дом — твой дом, и если вернешься, буду рад всегда».

Трогательно простившись с нашим хозяином, мы погрузились в Константинополе на пароход, снялись с якоря и пошли на Лемнос, в Галлиполи и в Салоники, где перегрузились в теплушки и продолжили путь уже по сербской железной дороге. Разместились мы очень удобно, места было много.

Летом 1921 года со штабом главнокомандующего приехали в Сербию, в Сремские Карловцы. Поместили нас временно в городскую больницу, которая в это время пустовала после ремонта — больных в ней не было. Мы с женой нашли вскоре комнату в одной очень зажиточной сербской семье у Перо Клисарица, который ни за что не хотел брать с руссов денег за квартиру, что нас очень стесняло. Во дворе стоял маленький домик. Перо привел его в порядок и поселил в нем нас. Прожив некоторое время у него, мы решили переехать в платную комнату, так как не хотели жить даром. Вскоре нашли комнату у гробовщика Перо Лицидера.

Будучи беременной на седьмом месяце, жена простудилась и заболела воспалением легких и плевритом в очень тяжелой форме. Доктора — наш русский П.А. Плищенко, гинеколог, и сербский Масимович решили, чтобы спасти мать, пожертвовать ребенком и сделать искусственные роды. Девять суток жена была без сознания, когда же пришла в себя и узнала об этом, то и слышать ничего не хотела и решила или умереть вместе с ребенком, или вместе с ним жить. Господь милосердный услышал наши молитвы, спас ее и сына Михаила, который теперь — опора нам в нашем преклонном возрасте.

В Сремских Карловцах не было госпиталя, не было опытной акушерки и удобных условий для рождения ребенка. Пришлось переехать на время родов в Панчево, где был хорошо оборудованный госпиталь и грамотный медицинский персонал. Зинуша, придя в сознание, захотела исповедаться и причаститься. Я пригласил штабного священника отца Василия Виноградова, который ее исповедал и причастил. Очень горячо мы помолились, и произошло чудо — она больше не теряла сознание и начала поправляться. Врачи были удивлены такой переменой в течении ее болезни, но мы, верующие, отлично знали, что спаситель услышал ее и наши искренние молитвы.

Когда началось улучшение, доктора предписали усиленное питание, и вот этот дивной души человек, доктор Масимович, сказал об этом сербам, и нас начали буквально заваливать всякими продуктами: готовыми блюдами, жареной птицей, компотами и вареньями. Если отказывались, то обижались. Я просто не знал, куда девать все, что присылали и приносили, и по возможности тайно раздавал нашим наиболее нуждающимся. Когда жене стало значительно легче, я пошел всех благодарить и хотел заплатить в аптеке за лекарства, которые брал, и доктору Масимовичу. От всех услышал одно и то же, что они счастливы, что «адмиралница оздоровилась», а доктор и аптекарь не взяли денег. Доктору мы сделали подарок.

Приехав в Панчево, мы нашли комнату, где в первый же день нас заели клопы, но другого помещения найти было невозможно. Через два дня вечером Зинуша моя родная почувствовала приближение родов, а жили мы довольно далеко от госпиталя, не имея никакого сообщения, кроме пешеходного. Пошли пешком, пережили массу волнений, так как по дороге уже почти начались роды. По прибытии в госпиталь, приблизительно через полчаса, сестра милосердия сообщила мне, что бог дал сына и что все благополучно. Я от радости чуть не задохнулся, наверное, чувствовал, какой родной друг будет наш сын. Вскоре Зину выписали из госпиталя, и мы поехали в Сремские Карловцы.

Приехали благополучно в Сремские Карловцы. Нас очень трогательно встретили, причем Миша получил в подарок от сербов полное приданое — от коляски до корыта и все необходимое белье и всякое обмундирование. Из-за того что, будучи в положении, жена перенесла такую тяжелую болезнь и была при смерти, сын родился слабым, малого веса и был подвержен всяким заболеваниям. Когда мы переехали во Францию,

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

он уже подросток и был очень бойким мальчиком. У него совершенно отсутствовало чувство самосохранения, страха и осторожности. Из-за таких качеств он много серьезно болел, много раз был ранен: то он попадал ногой под косилку, то ему лошадь наступала на ногу, то он падал с дерева, то чуть не падал в колодец, то решал, что умеет уже плавать, и на байдарке уходил в море, не умея плавать. Вообще — обожал море. Это была его стихия. Он также участвовал во многих драках и был очень храбр.

Из-за частых и иногда очень серьезных его заболеваний и ранений жена никогда не была спокойна, всегда вылечивала его, выхаживала, проводя одному богу известно сколько бессонных ночей у кровати больного сына, не щадя себя.

До 1925 года я состоял в штабе главкомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля. По расформировании штаба я уехал с семьей из Югославии — в Париж. Имея хорошие аттестации и рекомендации, рассчитывал поступить во французский флот, но во Франции встретил самое неприязненное отношение к иностранцам вообще и к белым русским в частности. Поступить на флот мне не удалось. Зная малярное и столярное дело, я начал работать маляром, затем поступил на завод Ситроена столяром, но потом потребовали, чтобы столяр имел свои инструменты. Не имея возможности их купить, перешел на работу ночным сторожем в гараж. В свободное время стал готовиться к экзамену на шофера такси.

Экзамен на шофера такси довольно трудный, нужно знать тысячу улиц — от какой какой начинается, где кончается, все площади, госпитали, дома умалишенных, церкви, театры, гостиницы, кабаре, кафешантаны и кратчайшие пути, откуда бы такси ни взяли. Все свободное время, когда удавалось, я зубрил. Кроме того, надо было знать все правила езды и управления машиной. Экзамен я выдержал, но города совершенно не знал, так как на работу ездил на метро под землей, а в городе за неимением времени почти не бывал и на первый взгляд ничего не знал. Если не удавалось заранее на углу прочесть название улицы, то я не мог повернуть вовремя в толпе машин. Конечно, клиенты довольно резко выражали свое неудовольствие, а я глубоко чувствовал свою беспомощность и решал каждый день бросить такси, а завтра отправляться искать работу электротехника, маляра или столяра. Но абсолютно не имея денег, с женой и малолетним сыном на руках, к утру я решал, что нельзя терять время на поиски работы, и так мучаясь, я постепенно привык к ругани клиентов и полиции. Вначале очень мало зарабатывал, так как отказывался от чаевых. Но потом увидел, что без них нельзя окупить расходы по машине и что-то заработать. Вскоре я был рад каждому заработанному сантим. Итак, перенеся много тяжелого и неприятного, я стал настоящим извозчиком, проработав в парижском такси 12 лет.

Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

НОВЫЙ УРОВЕНЬ ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В СООТВЕТСТВИИ с Указом Президента РФ от 22 января 2006 года «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» и решениями XX и XXI заседаний РОК «Победа» в Министерстве обороны России развернута соответствующая работа.

Для информирования СМИ о проводимой работе начальник Тыла Вооруженных сил РФ — заместитель министра обороны РФ генерал армии В.И. Исаков провел брифинг по вопросам активизации военно-мемориальной работы в России и за рубежом. В ходе его были представлены документы, цифровые данные и проекты электронных версий архивов, характеризующие состояние и перспективы поисковой и военно-мемориальной работы.

Как подчеркнул генерал армии В.И. Исаков, для успешной реализации указа под эгидой Комитета Государственной думы по делам ветеранов создана межведомственная рабочая группа, в состав которой вошли депутаты Государственной думы, представители федеральных органов исполнительной власти и общественных организаций. Первым результатом совместной деятельности стал проект «Народная память», являющийся продолжением интернет-сайта «Победители.ру». Автором идеи создания проекта нового сайта «Народная память» является депутат Государственной думы О.Ю. Селиверстова.

Подготовлен также проект закона РФ «О внесении изменений в статью 10 Закона Российской Федерации "Об увековечении памяти погибших при защите Отечества"». Изменения заключаются в наделении Президента РФ полномочиями по руководству работой по увековечению памяти погибших при защите Отечества (ранее работой руководило Правительство РФ). Кроме того, подготовлены проекты нормативных актов по созданию представительств Минобороны России в иностранных государствах для организации и ведения военно-мемориальной работы. Вопрос об их открытии нашел поддержку как в МИДе России, так и у послов России в Китае, ФРГ, Литве, Латвии, Чехии, Словакии, Венгрии, Польше, а также одобрен на очередном заседании рабочей группы РОК «Победа».

В целях успешного решения задач поисковой работы в Минобороны РФ ведется формирование отдельного специального поискового батальона численностью 300 человек за счет частей Московского и Ленинградского военных округов: место дислокации — поселок Мга Ленинградской области; район полевых работ — Невский «пятячок» и Синявинские высоты. Решается вопрос об участии в специальной подготовке батальона представителей из аналогичной структуры Минобороны Республики Беларусь.

В настоящее время Военно-мемориальным центром (ВМЦ) ВС РФ развернута активная работа по созданию обобщенного компьютерного банка данных, содержащего информацию о погибших и пропавших без вести защитниках Отечества периода Великой Отечественной войны и послевоенных конфликтов. Общий объем документов, находящихся на хранении Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) — свыше 31 700 дел, в каждом из которых содержится информация на 2—2,5 тыс. лиц. В ЦАМО РФ создана рабочая группа, которая осуществляет ввод информации из боевых донесений о потерях. На сегодняшний день в банк внесено более 20 тыс. записей с персональной информацией о погибших военнослужащих, так называемых карточек погибших воинов.

В целях уточнения имен погибших воинов в стране и за рубежом организована паспортизация воинских захоронений. ВМЦ начата работа по вводу в банк информации из картотеки паспортов современных мест захоронений (общий объем свыше 30 тыс. современных мест захоронений и списков захороненных в них порядка 7 млн. человек). Прорабатывается возможность привлечения для проведения этой работы специализированных организаций, имеющих возможность автоматизированного ввода информации, например таких, как корпорация «Электронный архив».

Для предоставления возможности широкого доступа общественности к банку данных совместно с Комитетом по делам ветеранов Государственной думы ведется работа по наполнению информацией проекта сайта «Народная память», представленного присутствовавшим на брифинге.

Полковник А.В. КОЛПАКОВ

КОНКУРС

Чайнворд «Страницы военной истории (Древний мир — XIX век)»

Задания:

1. Древнее оружие: изогнутая метательная палица, чаще всего серповидной формы.

2. Карфагенский полководец. В ходе 2-й Пунической войны (218—201 гг. до н.э.) совершил переход через Альпы, одержал победы при р. Тицине, Треббии (218 г. до н.э.), у оз. Тразименского (217 г. до н.э.), при Каннах (216 г. до н.э.). В 202 году до н.э. при Заме (Северная Африка) был побежден римлянами.

3. Спартанский царь, образец патриота и воина. Погиб в сражении с персами у Фермопил, прикрывая с отрядом в 300 спартанцев отступление греческого войска.

4. Один из видов метательного оружия, находившегося на вооружении древнейшего рода войск — пехоты.

5. Трехмачтовое военное судно, меньше фрегата.

6. Деревня, к югу от которой находилось поле Грюнвальдской битвы.

7. Мыс, у которого русский флот под командованием Петра I 27 июня 1714 года одержал первую морскую победу над шведами.

8. Войсковой лагерь с обозом у казаков.

9. Толстая поперечная перекладка на мачте для прикрепления паруса.

10. Рубящее и колющее оружие (среднее между саблей и кинжалом) у народов Ближнего и Среднего Востока.

11. Профессиональные воины, нанимавшиеся государствами, городами, отдельными феодалами. Существовали с древности, в XV—XVIII вв. являлись основой вооруженных сил в Западной Европе. Придерживались принципа: где деньги, там и Отечество.

12. Один из предметов, обязательно входивших в комплект для обслуживания бытовых нужд каждого воина Монгольского государства в XIII веке.

13. Древнегреческий ученый, изобретатель военной метательной машины; организатор инженерной обороны Сиракуз против римлян.

14. Пеший ратник вооруженных сил Великого княжества Литовского.

1						2					3				4				5				6
			17		18					19					20					21			
			30					31			32				33								
						41					42				43								
16			Н																			34	
		29	40																		44	22	
																							7
						49																35	23
15		39				48					47				46							45	
		28						38						37					36				24
								27					26						25				
14						13				12					11				10		9		8

«История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество»

Н.М. Карамзин

15. Река, которая ассоциируется с катастрофой «Великой армии» Наполеона.

16. Снаряжение военнослужащего (кроме оружия и одежды), а также войсковое конское снаряжение.

17. Шаровидный сплошной снаряд ударного действия в гладкоствольной артиллерии.

18. Историк Древнего мира, автор «Наставлений военачальникам» (середина I в.), в которых даются рекомендации по большому количеству практических вопросов.

19. Общее название надпалубных деревянных частей судна (мачты, реи и др.).

20. Земляная насыпь для защиты от бокового огня неприятеля.

21. Национальный военный генерал России.

22. 64-пушечный корабль, которым с сентября 1780 до лета 1782 года командовал Ф.Ф. Ушаков.

23. Государство древности, в котором лучше всего велось обучение войск: легионеры безропотно переносили все тяготы и лишения воинской службы, быстро совершали марши и возводили укрепленные лагеря, решительно и умело действовали на любой местности и в любое время года, отличались высокой дисциплиной.

24. Дьякон, составивший в 1621 году «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки». В этом документе обобщался боевой опыт русских и западно-европейских войск в различных видах боя.

25. Области, управляемые вождями.

26. Неаполитанский король, возглавлявший борьбу против французов в первый период Итальянских войн (1494—1504 гг.).

27. Город, три полка которого под командованием Юрия Мстиславского отличились особой стойкостью в Грюнвальдской битве с крестоносцами 15 июля 1410 года.

28. Оборонительный доспех, рубашка из железных колец. Появилась в первом тысячелетии до н.э. в Ассирии.

29. Киевский князь, совершивший в 860-х годах поход на половцев.

30. Отряд воинов, объединившихся в период разложения родового строя вокруг племенного вождя, затем князя (короля). Составлял привилегированный слой общества.

31. Страна, в которой в начале XVI века был создан регулярный военный флот, являвшийся собственностью государства.

32. Боярин, отряд которого по приказу богемского короля в июне 1241 года внезапным ударом нанес поражение одному из отрядов войск Батыя. Это стало первым крупным отпором, полученным татарами-монголами в Западной Европе.

33. Сооружение из повозок, специально изготовленных для похода и боя и применяемых таборитами в национально-крестьянской войне чехов в XV веке.

34. Древнегреческий историк, «отец истории». Автор сочинений, посвященных описанию греко-персидских войн.

35. Инженер-генерал. Руководил инженерными работами при обороне Севастополя 1854—1855 гг.

В Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. являлся одним из руководителей осады Плевны.

36. Командующий римской армией во время войн Восточной Римской империи в Италии с готами (552—553 гг.) и франками (554 г.).

37. Ученый, изобретатель в области артиллерии XVII века, автор книги «Великое искусство артиллерии».

38. Великий хан Монгольской империи (с 1206 г.), организатор завоевательных походов против Азии и Восточной Европы.

39. Флотоводец, адмирал. Командуя эскадрой, разгромил турецкий флот в Синопском сражении (1853 г.). В 1854—1855 гг. успешно руководил героической обороной Севастополя.

40. Населенный пункт в Бельгии, у которого 18 июня 1815 года англо-голландские войска Г. Л. Блюхера разгромили армию Наполеона.

41. Укрепление, состоявшее из рубленых стен или тына и оборонявшееся его гарнизона, важнейший элемент засечной черты — линии сплошных оборонительных укреплений юго-восточной границы Русского государства в XV веке.

42. В Древнем Риме (со II века до н.э.) подразделение легиона (360—600 человек).

43. Царь Македонии с 336 года до н.э., с именем которого связаны высшие достижения военного искусства греческих государств.

44. Отступление, сигнал к отступлению.

45. Длинное копьё, поперек которого прикреплен топорик или секира. Было на вооружении пехоты в XIV—XVI вв., как парадное оружие — до XVIII века.

46. Способ морского боя, при котором экипаж атакующего судна вступал в рукопашную схватку после швартовки (сцепления) с кораблем противника.

47. Представитель личного состава тяжелой кавалерии во Франции в XIII—XVII вв.

48. Конструктор стрелкового оружия, генерал-майор. Создал 7,62-мм магазинную трехлинейную винтовку, принятую на вооружение русской армии в 1891 году.

49. Флотоводец, национальный герой Англии. Восхищался А.В. Суворовым как полководцем и человеком.

**Автор чайнворда
полковник в отставке
А.С. ЖДАНОВСКИЙ**

Уважаемые читатели!

Победитель этого конкурса получит приз — книгу: *Мурхед А.* Борьба за Дарданеллы: Решающее сражение между Турцией и Антантой / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 383 с.

Просим указывать фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес (для школьников, студентов и курсантов дополнительно — адрес учебного заведения и фамилию, имя, отчество его руководителя).

Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на криптограммы «Сын степей донских М.И. Платов» (Воен.-истор. журнал. 2006. № 4) — в № 9 (сентябрь), «Генерал М.Д. Скобелев» (№ 5) — в № 10 (октябрь), на викторину «Военная история Новгородской республики (XII—XV вв.)» (№ 6) — в № 11 (ноябрь), на криптограмму «А.В. Суворов о воинской дисциплине и воинском порядке» (№ 7) — в № 12 (декабрь), на чайнворд «Страницы военной истории (Древний мир — XIX век.» (№ 8) — в № 1 (январь) 2007 года.

Ответы на криптограмму «К 90-летию Брусиловского прорыва» (Воен.-истор. журнал. 2006. № 3): 1. Драгуны; 2. а) Святого Станислава третьей степени с мечами и бантом; б) Святой Анны третьей степени с мечами и бантом; в) Святого Станислава второй степени с мечами и бантом; 3. Восьмая; 4. П.Н. Ломновский; 5. Д.Р. Радко-Дмитриев; 6. а) А.И. Деникин; б) А.М. Каледин; в) Л.Г. Корнилов; 7. Сражение на реке Гнилая Липа; 8. Галицкая битва; 9. а) Святого Георгия четвертой степени; б) Святого Георгия третьей степени; 10. Стремление к наступлению, маневру и непременно разгрому вражеских войск; 11. Н.И. Иванов; 12. а) А.М. Каледин; б) В.В. Сахаров; в) Д.Г. Шербачев; г) П.А. Лечицкий; 13. Нанести вспомогательный удар; 14. Стырь и Прут; 15. К.И. Величко; 16. а) прорыв австрийского фронта; б) развитие этого прорыва; в) бои на реке Стоход с подошедшими германскими резервами; 17. Владимиро-Волынский; 18. Львовское; 19. Луцкий прорыв; 20. Прорыв у Соколова; 21. Язловецкая операция; 22. Черновицкая операция; 23. Ковель; 24. а) А.Н. Куропаткин; б) А.Э. Эверт; 25. Барановичи; 26. Стоход; 27. Буковина; 28.1. Относительно использования артиллерии: а) общее управление артиллерийской атакой на каждом участке предоставлялось начальнику, руководившему пехотной атакой; б) артиллерийская атака четко разделялась на два периода, в каждом из которых дифференцированно применялась легкая, тяжелая и мортирная артиллерия; 28.2. Относительно организации пехотной атаки: а) фронт атаки должен быть в ширину не менее пятнадцати—двадцати верст, чтобы средние атакующие части не страдали от флангового огня противника; б) наступать пехота должна волнами цепей, идущими одна за другой на дистанции ста пятидесяти—двести шагов; в) таких волн для главной атаки должно быть не менее трех—четырёх; г) резервы начальников дивизий и командиров корпусов, не отставая, продвигаются за передними четырьмя волнами; д) резервы закрепляются на первой линии окопов противника и приспособляются к обороне; 28.3. Относительно использования кавалерии в случае удачного прорыва — воспользоваться благоприятными условиями для самых решительных действий кавалерии; 29. Военно-стратегические итоги наступательной операции Юго-Западного фронта летом 1916 г.: а) австро-венгерская армия в Галиции и Буковине потерпела полное поражение; б) стратегическая инициатива перешла к Антанте; в) Италия была спасена от сокрушительного поражения; г) резко улучшилось положение французских войск под Верденом; д) был положен конец колебаниям Румынии, объявившей войну Австро-Венгрии; е) противник понес огромные потери, также были велики и потери русских; 30. Л. Гарт; 31. Причины незавершенности брусиловского наступления: а) общее плохое снабжение русской армии, особенно боеприпасами; б) Ставка не обеспечила должного взаимодействия и взаимопомощи между фронтами, своевременно не направила резервы глубокого развития прорыва; в) союзные англо-французские войска вновь нарушили свои обязательства и начали операцию на Сомме лишь в конце июля 1916 г.; г) плохая разведка; д) недостаточная связь пехоты с артиллерией; 32. Ф. Фош; 33. Э. Фалькенгайн; 34. А. Тейлор. **Текст:** «Значение Брусилова как полководца в том, что при нем впервые в позиционной войне была осуществлена наступательная операция крупного масштаба с одновременным прорывом фронта на пяти направлениях. Она выявила новые черты русского военного искусства: тщательность подготовки наступления на широком фронте, продуманное использование артиллерии и авиации, внезапность удара на нескольких направлениях в одно и то же время, развитие прорыва в оперативной глубине, умелую борьбу с вражескими резервами.

Русские солдаты и офицеры проявили в этой операции высокое боевое мастерство и героизм, а артиллеристы — высокое искусство стрельбы».

Победителем этого конкурса стал капитан в отставке Поваров Сергей Иванович, военный руководитель Марийского целлюлозно-бумажного техникума (Марий Эл, г. Волжск-9). Он получает приз — книги: Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. Кн. 1. 576 с. Кн. 2. 496 с.

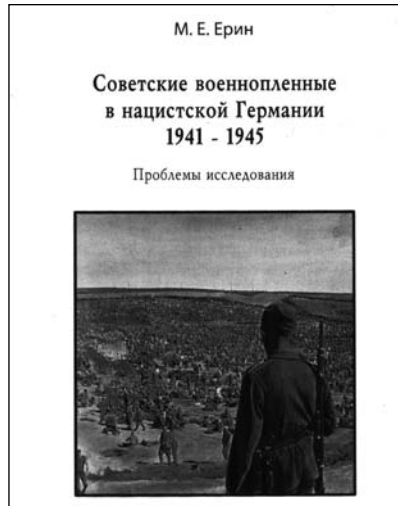
Поздравляем!

СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

СУДЬБА советских военнопленных — одна из самых мрачных и малоизученных страниц Второй мировой войны. Как известно, страдания советских военнопленных не закончились после победы над гитлеровской Германией. Проверочно-фильтрационные лагеря, подозрения в предательстве и шпионаже, несправедливые судебные приговоры, ограничения в правах сопровождали жизнь многих солдат и офицеров Красной армии, побывавших во вражеском плену или окружении. Именно поэтому долгое время информация о судьбах советских военнопленных Второй мировой войны в нашей стране была предана забвению. На страницах научных и художественных изданий освещалась лишь деятельность антифашистского Сопротивления в лагерях гитлеровской Германии и ее сателлитов.

На Западе в эпоху холодной войны любая попытка показать трагедию советских военнопленных также рассматривалась как попытка «коммунистической пропаганды». Табу нарушил западногерманский историк К. Штрайт книгой «Они нам не товарищи»¹, подвергавшийся затем уничтожающей критике со стороны своих коллег около 20 лет. А в бывшем СССР эта книга хотя и была переведена на русский язык, но была издана тиражом всего в несколько экземпляров и получила гриф «Для служебного пользования». Кроме того книга была опубликована на страницах «Военно-исторического журнала»².

1990-е годы ознаменовались не только открытием доступа к ранее секретным документам, но и становлением плодотворного диалога между историками разных стран, что выразилось в проведении ряда крупных международных конференций и издании коллективных трудов по истории военного плена³. В настоящее время сложился значительный массив отечественной и зарубежной литературы, посвященной изучению судеб советских военнопленных. Возникла необходимость осмысления и анализа историографии этого трагического явления мировой истории. Именно эту задачу поставил перед собой известный российский германист, профессор Ярославского государствен-

Обложка книги

ного университета, доктор исторических наук М.Е. Ерин. В его монографии* подробно анализируется советская, российская и германская литература о советских военнопленных в «третьем рейхе», предельно разная по объему, содержанию, идейно-политической направленности, характеру используемых документальных источников.

В своем исследовании автор взял за основу проблемно-хронологический подход. Это позволило рассмотреть различные этапы становления историографии, выделив при этом ключевые особенности каждого из них, а также обозначить и проанализировать наиболее спорные и дискуссионные вопросы истории немецкого плена. В монографии сравниваются различные взгляды и оценки ученых по проблемам немецкого плена, показан спор историков разных стран, в первую очередь России и Германии, обобщены ключевые аспекты изучаемой темы: проблема ответственности военного и политического руководства нацистской Германии за преступления в отношении советских военнопленных (с. 67—94); причины массовой смертности советских военнопленных в немецких лагерях (с. 110—127); динамика общей численности военнопленных и количество погибших в плену (с. 127—145); оценка роли труда военнопленных в германской экономике (с. 145—159); проблема Сопротивления за ключей проволокой нацистских лагерей (с. 159—173).

* Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии. 1941—1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.

По мнению профессора М.Е. Ерина, драматичная участь советских военнопленных объяснялась, во-первых, идеологией национал-социализма, которая относилась к категории «недо-человеков» подлежащих уничтожению или безжалостной трудовой эксплуатации; во-вторых, позицией германского верховного командования, проводившего в жизнь вместе с СС и гестапо установки высших руководителей германского рейха о бесчеловечном обращении с советскими военнопленными. В частности, приказы давали немецкому солдату свободу действий в отношении пленных, поскольку любая жестокость могла быть оправдана как «необходимая мера» (с. 86). В свою очередь, автор справедливо отмечает, что определенная вина за массовую гибель советских военнопленных лежит и на советском руководстве, которое не поддержало инициативу Международного комитета Красного Креста об оказании гуманитарной помощи своим военнопленным и не захотело добиваться улучшения их участи (с. 125).

Самым наглядным показателем положения советских солдат и офицеров в нацистском плену является статистика смертности, которая до сих пор является предметом ожесточенной полемики между исследователями. Наиболее объективными, по мнению автора, являются данные К. Штрайта, согласно которым, из 5,7 млн. советских военнопленных не пережили плена 3,3 млн. чел. (почти 60 проц.). Гигантский масштаб потерь бросается в глаза при сравнении со смертностью английских и американских военнопленных. Так, из 232 тыс. англичан и американцев, оказавшихся в немецком плену, умерли лишь 8348 чел. (или 3,5 проц.). Получается, что осенью 1941 года ежедневно умирало столько же советских военнопленных, сколько военнопленных союзных армий за всю войну.

Другой дискуссионной проблемой, обозначенной М.Е. Ериным, является вклад советских пленных в германскую экономику. Большинство исследователей отмечают, что их труд использовался в массовом масштабе, начиная с 1942 года, когда германская промышленность стала ощущать острую нехватку рабочей силы. Бывшие красноармейцы трудились на предприятиях черной и цветной металлургии, угольных шахтах и рудниках, строительстве дорог, в сельском хозяйстве (с. 147). «Основополагающим принципом» было «выжать из военнопленного такую производитель-

ность труда, какую только можно выжать». Очевидно, что труд сотен тысяч находящихся на положении рабов военнопленных был мало-рентабелен. Автор ссылается на подсчеты немецкого историка Г. Моммзена, согласно которому производительность труда военнопленных составляла около 60 проц. от немецких рабочих (с. 150). К сожалению, в книге отсутствуют данные о совокупном вкладе советских военнопленных в германскую экономику.

Из анализа литературы делается вывод, что отдельные аспекты проблемы немецкого плена либо слабо изучены, либо еще не подвергались научному анализу и требуют дальнейшего изучения. По мнению автора, серьезного исследования заслуживают такие вопросы, как анализ численности советских военнопленных, содержащихся в дугах (пересыльных лагерях), а также уточнение статистики погибших в плену; изучение истории отдельных лагерей, находившихся на оккупированной территории СССР; рассмотрение повседневной жизни в лагерях и рабочих командах. Особое внимание, по мнению исследователя, следует уделить гендерному и социокультурному аспекту проблемы, в частности, изучить особенности положения военнопленных женщин в лагерях, а также рассмотреть вопрос о взаимоотношениях между советскими военнопленными и немецким населением.

Подводя итог, можно полностью согласиться со словами автора о том, что правда о трагической судьбе советских военнопленных имеет не только чисто научное, но и общечеловеческое значение (с. 4). Объективный анализ всех факторов, обусловивших процесс создания и функционирования системы уничтожения советских военнопленных в нацистской Германии, а также изучение положения бывших военнопленных после репатриации в СССР, в том числе практики репрессий по отношению к «возвращенцам», являются важнейшей задачей настоящего и будущего поколения историков, долгом перед теми, чей подвиг во имя спасения Родины был незаслуженно предан забвению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. 1941—1945. Stuttgart, 1978.

² *Штрайт К.* Они нам не товарищи (главы из книги) // Воен.-истор. журнал. 1992. № 1—12.

³ *Kriegsgefangene* — Военнопленные. *Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion* (Hg. vom Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland). Düsseldorf, 1995; *Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941—1956*. Köln — Weimar, 1998; *Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 23—25 октября 1997 г. в г. Вологде*. В 2-х ч. Вологда, 1997 и др.

**В.Б. КОНАСОВ;
А.Л. КУЗЬМИНЫХ**

* * *

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ

Обложка
первого
тома

Обложка
второго
тома

МОНОГРАФИЯ профессора А.Н. Овечкина* представляет собой опыт исторического исследования высшей военной школы. Автор критически проанализировал процесс воспитания и обучения российских офицеров армии и флота в

* *Овечкин А.Н.* Педагогика и психология высшей военной школы: теория и практика: В 2 т. СПб.: ИВТОБ СПбПУ, 2005. Т. 1. 182 с.; Т. 2. 298 с.

период с 1701 по 1917 год, флота и авиации с 90-х годов XX века по настоящее время.

В работе впервые подробно представлен процесс подготовки офицерского состава России под воздействием идей рационализма, просвещения, социализма и глобализации. Рассматривается в ней и проблема формирования кадровых офицеров в военно-учебных заведениях и офицеров запаса в гражданских образовательных учреждениях Российской Империи и Российской Федерации.

Значительное внимание в труде уделено основам педагогики и психологии, а также основным закономерностям и психологическим подходам теории обучения высшей военной школы.

В монографии изложены результаты проведенного автором всестороннего исследования крупной проблемы, касающейся научных основ реформы военного образования, детально охарактеризованы достижения, проблемы и тенденции развития педагогики и психологии высшей военной школы России. Кроме того, в ней рассмотрены основные подходы к процессу развития высшего образования, военное образование в США и Болонский процесс.

Работа содержит многочисленные рисунки, таблицы и приложения, в которых приведены малоизвестные данные относительно воспитания и обучения офицерских кадров в России и за рубежом.

Следует особо отметить, что значительная часть используемых автором источников вводится в научный оборот впервые. Работа написана хорошим литературным языком, читается легко и с интересом. Предназначена для специалистов и преподавателей, слушателей курсов повышения квалификации преподавательского состава, курсантов военно-учебных заведений и студентов военных кафедр вузов.

В целом монография профессора А.Н. Овечкина имеет теоретическую и прикладную значимость для офицерского состава Вооруженных сил Российской Федерации.

Полковник В.В. ИЗОНОВ

Сведения об авторах номера

АВДЕЕВ Валерий Александрович — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

БАЙДАРОВ Сергей Валерьевич — военный комиссар Выборгского района, полковник (Санкт-Петербург)

БОНДАРЕНКО Анна Федоровна — старший научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ВАПИЛИН Евгений Геннадьевич — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ГАНИН Андрей Владиславович — аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

ГУРКОВСКИЙ Владлен Анатольевич — референт Фонда содействия кадетским корпусам им. А. Йордана, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

ИВАНОВ Илья Борисович — сотрудник Центрального архива ФСБ (Москва)

ИЗОНОВ Виктор Владимирович — начальник отдела Института военной истории МО РФ, полковник, доктор исторических наук, профессор (Москва)

КАПИСТКА Владимир Васильевич — старший преподаватель Военной академии МО РФ, полковник, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич — старший редактор редакции «Военно-исторического журнала», капитан 3 ранга, кандидат военных наук (Москва)

КРАВЧУК Валерий Романович — старший преподаватель Михайловской военной артиллерийской академии, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

КОНАСОВ Виктор Борисович — профессор Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, доктор исторических наук, профессор (г. Вологда)

КУЗЬМИНЫХ Александр Леонидович — преподаватель Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат исторических наук (г. Вологда)

ЛОТАРЕВА Мария Ивановна — специалист-эксперт Администрации президента РФ (Москва)

МИХАЙЛОВ Вадим Викторович — доцент кафедры истории Славянских и Балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПОЛОВИНКИНА Марина Леонидовна — аспирант Липецкого государственного технического университета (г. Липецк)

СТЕПАНОВ Алексей Борисович — начальник направления Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ, полковник (Москва)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ШАДСКАЯ Мария Владимировна — доцент Московского открытого социального университета, кандидат исторических наук (Москва)

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник полковник И.И. Басик (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук генерал-лейтенант запаса А.А. Зданович (ВГТРК); кандидат исторических наук генерал-майор А.В. Кирилин (Военно-мемориальный центр ВС РФ); кандидат исторических наук полковник С.Н. Ковалев (Институт военной истории МО РФ); Я.И. Ляшук (Военно-научный комитет ВВС); доктор исторических наук полковник запаса В.М. Крылов (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи); кандидат педагогических наук адмирал В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); полковник В.И. Терещенко (Военно-научный комитет Сухопутных войск); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объемом не более одного авторского листа, набранного в Word 95,97,2000 через два интервала с постраничными сносками и концевыми ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение несет ответственность Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать, публиковать присланные материалы помимо печатной версии в интернет-издании «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» (www.mil.ru). Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется почтовый адрес автора, ученая степень, ученое звание, номера телефонов, указаны его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 157-84-50.

Компьютерная верстка —
В.А. ГОРОХОВСКИЙ, А.А. БАРАНОВА

Электронная версия «Военно-исторического журнала» на главной странице сайта Министерства обороны РФ
www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 157-84-50(факс), 157-87-19.

Сдано в набор 22.06.2006
Подписано к печати 13.07.2006
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд.л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж 4600 экз. Зак. 1616

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2006.

• Памятники военной архитектуры

▲ Суоменлинна (Свеаборг) 2005 г.

«СВЕАБОРГСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ ОСТАЛИСЬ НЕТРОНУТЫМИ, РУССКИЕ ВОЕННЫЕ СУДА НЕ УНИЧОЖЕНЫ»

▲ 120-пушечный корабль «Россия» в обороне Свеаборга. 1855 год
Художник А.А. ТРОНЬ

▲ Свеаборг
Фрагмент картины художника И.К. АЙВАЗОВСКОГО 1844 г.

▲ Вид Свеаборга и Гельсингфорса с птичьего полета. 1855 год
Художник Я. ЛАППИНГ

К 150-летию окончания Крымской войны 1853-1856 гг.

ОДНОЙ из героических страниц военной истории нашего Отечества является оборона Балтийским флотом морской крепости Свеаборг, прикрывавшей подход к Гельсингфорсу (Хельсинки) от англо-французского союзного флота в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. При обороне крепости впервые в истории военно-морского искусства русские корабли вели бой на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции. Высокий уровень подготовки, умелые и храбрые действия русских моряков позволили парусным кораблям успешно отразить атаку превосходящего парового англо-французского флота. Предлагаем читателям «Военно-исторического журнала» познакомиться с историей памятника военной архитектуры XVIII века — группой островов Суоменлинна (Свеаборг), в статье В.Г. Кикнадзе «Героическая оборона балтийскими военными моряками Свеаборгской крепости», автор которой на учебном корабле «Смолярный» с курсантами Балтийского военно-морского института имени адмирала Ф.Ф. Ушакова побывал в местах славных побед русской армии и флота в XIX веке.

▲ Орудия одной из береговых батарей середины XIX века на Суоменлинне (Свеаборг) 2005 г.

**Читайте
в номере**

Иллюстрации из кн.: Произведения Ивана Константиновича Айвазовского из собрания Центрального военного-морского музея. СПб.: Издательский дом «Морской Петербург», 2005; Балтийский флот. Три века на службе Отечеству. Альбом. СПб.: Издательский дом «Измайловский», 2002.

БОЙЦА ОДИН ШАГ ДО КОМАНДИРА»

▲ Удостоверение учащегося Харьковской спецшколы ВВС в период с 1948 по 1951 год В.А. Кулиша
Знамена специальных школ-интернатов с первоначальной летной подготовкой

▲ Учащиеся Ейской спецшколы ВВС в летней парадной форме одежды 1990 г.

▲ Учащиеся Ейской спецшколы ВВС в летней повседневной форме одежды 1991 г.

▲ Воспитанники Московской областной СШИ с ПЛП имени трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина в зимней парадной форме одежды 2005 г.

▲ Знаки об окончании специальных школ-интернатов с первоначальной летной подготовкой

фицирована форма одежды с внесением дополнений: в ранее установленные нормы добавились все необходимые предметы, включая обувь и нательное белье. Форма одежды учащихся образца 1943 года просуществовала до 1955 года, когда авиационные спецшколы министерств просвещения союзных республик были ликвидированы.

25 мая 1988 года Совет Министров СССР подписал постановление, в соответствии с которым «в целях улучшения подготовки юношей для поступления в военные авиационные училища летчиков истребительной и истребительно-бомбардировочной авиации» Советам Министров союзных республик до 1 апреля 1990 года предписывалось создать восемь специальных школ-интернатов с первоначальной летной подготовкой (СШИ с ПЛП): в Барнауле, Брянске, Горьком, Кировограде, Краснодаре, Красноярске, Могилеве и Свердловске.

Однако из-за отсутствия в указанных городах зданий, отвечающих необходимым требованиям, а также в условиях острого дефицита местных бюджетов из заплани-

рованных восьми школ было создано только две: в Ейске Краснодарского края и Барнауле. Для учащихся была установлена форма одежды суворовцев, но с буквами «СШ» вместо «СВУ» на погонах и с заменой красного цвета поля погон, околыша фуражки и лампасов на брюках на голубой.

Открытие новых СШИ с ПЛП продолжилось в Российской Федерации: в 1993 году в Ростовской области была создана Неклиновская школа-интернат, в 1994-м в Астраханской области — Ахтубинская, в 1995-м — Оренбургская, в 1996-м — Челябинская, в 1997-м — Тамбовская, в 2000 году — Уфимская и Московская областная. Нормы обеспечения формой одежды воспитанников СШИ с ПЛП соответствуют нормам для воспитанников суворовских военных училищ и кадетских корпусов.

Публикацию подготовил полковник А.Б. СТЕПАНОВ

Иллюстрации из кн.: Кибовский А.В., Степанов А.Б., Цыленков К.В. Униформа российского военного воздушного флота: В 2 т. (1955-2004). М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2005. Т. 2, Ч. 2.

ВОЕННЫЕ ПРЕМИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ МАРШАЛА

Группа лауреатов премии в кабинете-музее Г.К. Жукова

ВРЕЗУЛЬТАТЕ всесторонней экспертизы, общественного обсуждения, проведенных в секциях Комиссии по Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2006 года № 466 премия 2006 года в области литературы и искусства присуждена военным финансистам за создание литературно-исторического и научно-просветительского комплекса финансово-экономической службы (ФЭС) ВС РФ, раскрывающего величие народного подвига в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Звание лауреата Государственной премии РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова присвоено: генерал-полковнику В.В. Воробьеву, начальнику Военного финансово-экономического университета (ВФЭУ) МО РФ; Е.Г. Деме, заведующему учебным кабинетом кафедры ВФЭУ МО РФ; А.В. Жарову, доценту кафедры ВФЭУ МО РФ; полковнику В.А. Лопатину, заместителю начальника университета по воспитательной работе — начальнику отдела воспитательной работы ВФЭУ МО РФ; А.И. Пожарову, профессору кафедры ВФЭУ МО РФ; полковнику П.Ф. Савинскому, начальнику кафедры ВФЭУ МО РФ; Л.Н. Сарычеву, главному экономисту отдела Главного финансово-экономического управления МО РФ.

Лауреат премии — литературно-исторический и научно-просветительский комплекс ФЭС ВС РФ воплощен в экспозициях музея службы и двух научно-исторических трудах. Музей ФЭС ВС РФ является единственным в России, представляющим документы и материалы по данной тематике, и уникальным по находящимся в нем экспонатам. В музейных экспозициях прослеживается история финансового обеспечения армии и флота с петровских времен, имеется оценка расходов на ведение войн, раскрываются экономические аспекты военных реформ. В музее представлены копии уникальных исторических карт России, отражающих динамику приращения ее территорий и роста военно-экономического потенциала.

Экспозиция размещена в трех залах. В первом освещается история вооруженных сил и финансово-экономической службы; во втором — история видов вооруженных сил, родов войск, военных округов, главных и центральных управлений Министерства обороны и других силовых ведомств и их финансовых органов; в третьем — история военно-финансового образования и вузов финансовой службы.

Особо следует отметить экспозиции музея, посвященные финансовой службе в годы Великой Отечественной войны и включающие в себя материалы о руководящем составе финансовых органов до армейского звена включительно, что свидетельствует о большой работе создателей музея с архивами.

В оформлении экспозиций широко использованы документы и другие исторические материалы. Руководители финансовой службы представлены экспозициями, включающими в себя личные вещи, государственные награды, документы. Музей располагает макетами и экспонатами, характерными только для финансовой службы, такими, например, как батарейный денежный ящик XIX века, бумажные денежные знаки, монеты и ценные бумаги.

Огромная научно-исследовательская работа, выполненная создателями музея при подготовке экспозиции, позволила ввести в научный оборот ранее неизвестные документы, портреты, изображения государственных и военных деятелей. На базе этих материалов подготовлены и опубликованы уникальные издания «Военная финансово-экономическая служба России. История и современность» и «Военные финансисты в Великой Отечественной войне. Вклад в победу».

При этом музей является не только хранителем реликвий прошедших времен, но и воплощением неразрывной связи с сегодняшним днем и будущим финансово-экономической службы Вооруженных сил Российской Федерации. В его залах проходят учебные занятия, конференции и экскурсии, позволяющие открывать для себя неизвестные страницы истории армии и флота.

Финансисты – ветераны Великой Отечественной войны в музее

Начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Ю.Н. Балуевский вручает диплом лауреата премии полковнику В.А. Лопатину

Почетные гости музея

Первый зал музея, посвященный истории Вооруженных сил России

Стена Памяти

Ученики подшефной школы в музее

ФИНАНСИСТЫ — ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г.К. ЖУКОВА 2006 ГОДА

Слушатели Военного финансово-экономического университета МО РФ у Стены Памяти

Начало экспозиции второго зала музея

Фрагмент экспозиции, посвященной истории видов вооруженных сил, родов войск и их финансовых органов

Слушатели университета у макета денежного ящика

Студенты Финансовой академии при Правительстве РФ на экскурсии в музее

Экскурсия по музею для детей военнослужащих университета

Фрагменты экспозиции третьего зала музея, посвященного истории военного финансово-экономического образования

